

1946

КАРПАТОРУССКИЙ
КАЛЕНДАРЬ

И.И. Чирок

ЛЕМКО
СОЮЗА
СОСТАВИЛ:
ВАНЬО ГУНЧЕНКА

WOODSWORTH RESTAURANT

Phone: Yonkers 4-4134

ANTHONY DURKOT, Prop.

Гей крајне, а дельша -- з блицка
 Дуркот ест наш бизнесиста,
 Он наш крајн-из Ганцови
 Приготовил смачны стравы
 Все ма свеже первокласне
 Што жолуду ест корыстне
 Таке пиво, як сметана,
 Пи то в вечер або з рана
 Розкажете, што хочете
 Добре сысте и выпьете
 Як Вас смугот домага --
 Он и на то лык мае
 Завитаите все до свого
 Он обслужит Вас кандого!

Woodsworth Restaurant
 FINEST FOODS—WINES—LIQUORS

66 WOODSWORTH AVE. YONKERS, N. Y.

АНТОН ДУРКОТ

Федеральна Касса Ощадности

ГДЕ

ВАШЫ ГРОШЫ могут быть наилучше обеспечены, потому, што там грошы гарантированы Державным Ассекурационным Обществом в Вашингтоне.

ДЕРЖАВНЫ КАССЫ ОЩАДНОСТИ основаны и контролированы правительством Соединенных Штатов.

ДЕРЖАВНЫ КАССЫ ОЩАДНОСТИ то Кооперативны Институции и платят больше процентов.

ОТДАЙТЕ ВАШЫ ОЩАДНОСТИ ДО:

FOURTH FEDERAL SAVINGS
and LOAN ASSOCIATION

Chartered and supervised by United States Government.

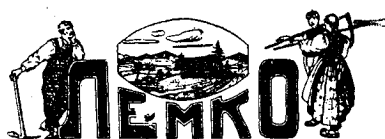
1355 First Avenue & 72nd Street,

New York City

Карпаторусский
КАЛЕНДАР
ЛЕМКО-СОЮЗА
на
1946

Составил
ВАНЬО ГУНЯНКА

Год Издания 21-ый

Печатано в типографии Лемко-Союза, Йонкерс, Н. Й.
556 Yonkers Avenue, Yonkers 4, N. Y.

ЦІНА 75 ЦЕНТОВ

Обеспечуйте себе и свою фамилию в Карпато-русском Американском Запомоговом Союзе при М.Р. Ордені

ВСТУПИВШИ В ЧЛЕНЫ КАРПАТОРУССКО-АМЕРИКАНСКОГО ЗАПОМОГОВОГО СОЮЗА при М.Р.О., Вы станете членом одинокой карпаторусской за-помоговой организации, котру зможете назвати своей.

Ставши членом Карпаторусского Запомогового Союза при М. Р. О., Вы причините-ся до конечной победы демократичных сил над збіснлымы, темными силами гитлеризма-нацизма и японского империализма.

Вступивши в члены Карпаторусского Американского Запомогового Союза М. Р. О., Вы поможете демократичным силам нашей краины забезпечити сей вік за звычайным чоловіком.

Вступивши в члены Карпаторусского Американского Запомогового Союза при М. Р. О., Вы поможете прогрессивным силам Америки выборы социальне обеспечение, котре охватит всіх жителей Америки. Если хотите помочи нашим освободившимся братьям в краю будовати нове життя; если до вашей юнийной обеспеченности хотите додати ассекураційне обеспечение, — тоді каждый член вашей фамилии, от наименьшого до наибольшого, мае стати членом

КАРПАТОРУССКОГО АМЕРИКАНСКОГО ЗАПОМОГОВОГО СОЮЗА ПРИ МЕЖДУ- НАРОДНОМ РОБОЧОМ ОРДЕНІ!

Поспих на работі, як також долги рабочие години вымучуют работника, што убольшуе несчастны выпадкы и зростание вских хворот. В Карпаторусском Американском Запомоговом Союзе при М. Р. О. Вы найдете потребу для Вас опіку. Наша организация складатся из найкрасших сынов нашего народа. Наша организация никому не служит, только своим членам!

*Наш Союз,
то найблизший
приятель в біді*

Наш Карпаторусский Американский Запомоговый Союз при М. Р. О. есть братско-запомоговой организацией, котра мае в своей програмі трудитися для добра работников и демократии. Она веде борьбу против фашизма. В нашей организации работник може найти найкрасше ассекураційне обеспечение так для себе, як для цілой фамилии. Двери нашей организации открыты для каждого сына и дочкы нашего народа, не дивлячися на то, кто до какой церкви ходит, або кто до какой политичной партии принадлежит, бо

борьба против фашизма за обеспечение тревалого мира, требует от нас единства, як николи перше.

Тому, што мы все звертали велику увагу на проблемы борьбы рабочих против фашистской опасности в обороні демократии, наша организация зростала скорше от других запомоговых организаций. Днесь в Ордені, в котром мы маеме свою автономну организацию, нараховуе выше 180 тысяч членов. Орден беспечный, бо Орден находится под прямым доглядом Нью Йорк Сейт Иншуренс Департамента и мае до 3,000,000 долларов резервы.

НАШЫ ПОДПОРЫ

Ваша найголовнійша проблема — быти обеспеченым на всякий випадок, штобы на случай несчастья не лишити семью БЕЗ НИЧОГО.

Членом КАРПАТОРУССКОГО АМЕРИКАНСКОГО ЗАПОМОГОВОГО СОЮЗА при М. Р. О. може статися каждый от 16-го до 60-го року життя. Діти до 16 року життя можуть статися членами Діточої Секции. Грошевий масток Ордена до 1-го сентября 1945 року выносил \$3,200,000. Сей масток находится под доглядом Стейт Иншуренс Департамента штата Нью Йорк. Орден выплатил своим членам выше 8 миллионов долларов в формі смертных и хворых подпор. Наша организация выплатила 230,000 долларов смертной подпоры наслідникам за убитыми вояками.

Членом Ордена може статися каждый, не дивлячися, якої кто религии, яких политических переконань або цвіта кожи.

Вступаючи в члены, мае платити \$1.00 вступного. Діти вступного не платят. Вступаючи члены, не старшы 45 року життя, если хотят \$1000 посмертного або меньше, не мают ийти до доктора. Діти до 16 літного віку не мают ийти до доктора також.

Член от 16 до 45 року життя може получить от \$100 до \$5000 смертной подпоры и от \$4 до \$10 хворой подпоры тыжднево. Член, мающий хвору подпору, мае право на подпору под час сухот по \$20 за 30 тыждней и от \$50 до \$400 в случае покалічения. Жены членов Ордена мают також право на подпору сухотну и от покалічения. Член от 45 до 50 року життя може получить в Ордені от \$100 до \$3000 смертной подпоры. Член от 50 до 60 року життя може получить от \$100 до \$1000 смертной подпоры. Хвору подпору член старший от 45 року життя, не може получить.

Члены в Ордені можут оплачувати свою смертну подпору по ровной або вступневої раті. До 45 року життя Орден дае ендавмент полиси на \$1000, або обеспечение выплачено до 65 року життя.

Діти в Ордені можут получить заосшадження в готовці в \$500 або \$250, то значит, што обеспечена в нашей организации дитина при осягненію 16 року получит готовкой \$500 або \$250.

Члены, беручи хвору подпору и больше як 1000 дол. смертного обеспечения, за вынатыком тых, котры ише не осягли 45 року життя и хотят не больше \$1000 обеспечения або меньше, должны пройти докторский огляд на свой кошт.

За дальней информацией пиште на слідуючу адресу:

CARPATHO-RUSSIAN AMERICAN MUTUAL AID SOCIETY, IWO.

80 Fifth Avenue,

New York, N. Y.

Январ 1946 January

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П	Н. Г. Обр. Г. Василия В.	14	Илярия
В	Сильвестра	15	Павла
3 С	Прор Малахии	16	Маркила п.
4 Ч	Собор 70 Апостолов	17	Антония ав.
5 П	Нав. Бог. Теотемпта	18	Присти
6 С	Богоявление Господне	19	Мария и тов.
7 Н	34 по С. Д. Иоанна Кр.	20	2 по З. К. Севастиана
8 П	Емилиана	21	Агнеты
9 В	Св. мч. Полиевкта	22	Винкен.
10 С	Григория прп. и Домет.	23	Раймунда
11 Ч	† Теодосия Вл.	24	Тимофтея
12 П	Татианы мч.	25	Нав. Ап. Павла
13 С	Ермила и Стратон. мч.	26	Поликарга
14 Н	35 по С. Д. Отцев	27	3 по З. К. Иоан. Зл.
15 П	Павла Тив. и Иоанна прп.	28	Леонида
16 В	Пок. Ап. Павла	29	Франца
17 С	† Антония Вел. прп.	30	Мартина д. м.
18 Ч	Афтанасия и Кир. пр.	31	Петра из Н.
19 П	Сич. Макария прп.	1	Игнатия
20 С	† Евфимия Вел. прп.	2	Мат. Б. Громн.
21 Н	Неділя о Закхеї. Максима	3	4 по З. К. Власия
22 П	Тимофтея ап., Анастасия	4	Вероники
23 В	Климентия	5	Агаты
24 С	Ксения прп.	6	Тита еп. Дор.
25 Ч	† Григория Бог.	7	Ромульда
26 П	Ксенофонта прп.	8	Иоан. прп. из Мат.
27 С	† Прем. Иоанна Злат.	9	Апольония
28 Н	О Митарі и Фарисеї. Ефрема	10	Поп. Сх.
29 П	Пер. мощ. Игнатия Б	11	Появл. МБ. Лорд.
30 В	Трох Св.	12	Григория П.
31 С	Кира и Иоанна безср.	13	Трох Святых

АНСОНІЯ, КОНН.

Карпаторусский-Американский НАРОДНЫЙ ДОМ

Рентуеме галю
На вашы собрания
И всякы забавы —
Великы и малы.
К. Р. А. Гражданский Клуб
Всїх объединяе,
Бо религийны споры
Місця там не мают.
Приходте-же всі до нас
Русскы и славяне,
Бо тогды велька сила
Меже нами стане!

Carpatho-Russian American
Citizen Club

109 Broad St.

Ansonia, Conn.

Tel. MArket - 0476

Daniel Humecki

POPLAR CAFE

ЛЕМКОВСКА ГОСТИНИЦА

Коли хочете весело провести вечер при
свіжом пиві и в товаристві своих краянов,
то заходте до краяна

ДАНИИЛА ГУМЕЦКОГО

N. E. Cor. 4th & Poplar Sts.
Philadelphia, Pa.

Февраль 1946 February

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч Трифона
2 П Стрітєние Господне
3 С Симеона и Анны пр.

4 Н О Блудном Сыні. Ис.

5 П Агафий мч.
6 В Вукола прп.
7 С Парт. и Луки прп.
8 Ч Феодора Стр.
9 П Николая мч.
10 С Харлампия мч.

11 Н Мясопустна. Василия

12 П Мелетия св.
13 В Мартина прп.
14 С Авксентия прп.
15 Ч Онисима ап.
16 П Памфила мч.
17 С Лют. Феодора вмч.

18 Н Сыропустна. Льва

19 П Архипа ап. и Максима
20 В Льва еп.
21 С Тимофея, прп.
22 Ч Найд. мощ. Авг.
23 П Поликарпа свмч.
24 С † 1 об. Гл. Иоан. Крест.

25 Н 1. Поста. Тарасия

26 П Порфирия св.
27 В Прокопия
28 С Василия исповідника

14 Валентина
15 Фавстина и Іов.
16 Юлианны

17 Юлиан.

18 Симеона
19 Сух. Маркелина
20 Сух. Льва еп.
21 Феликса еп.
22 Маргар из К.
23 Петра Дам. еп.

24 Мясопустна

25 Матфея Ап.
26 Цесария
27 Виктора
28 Александра
1 Альбина еп.
2 Павла м.

3 Сыропустна. КуNEG.

4 Андрияна
5 Иоанна від. Хр.
6 Перпетун
7 Ом. Акв.
8 Иоанна Божого
9 Франциски рим.

10 Вступ. 40 Мучен.

11 Григория В.
12 Григория В. пап.
13 Христины

Compliments of

RUSSIAN NATIONAL HOME

ПРИВІТ ВСІМ

крайнам от членов

РУССКОГО НАРОДНОГО КЛУБА!

Галя на митнигы
и всякы малы
домашны потребности.

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

Где члены того дома могут получить
свіжы напитки, як тоже смачны заку-
ски и приятно проводят свой свобод-
ный час.

СТАВАЙТЕ ЧЛЕНАМИ КЛУБА
Р. Н. ДОМА!

*

*

RUSSIAN NATIONAL HOME CLUB

1166 — 7th AVENUE

AKRON, OHIO

Март 1946 March

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч Евдокии прм.
2 П Феодота свмч.
3 С Евтропия и ин. мч.

4 П 2 Поста. Гавриила прп.

5 П канона мч.
6 В 42 мучеников в Амории
7 С Василия свмч.
8 Ч Теофилакта прп.
9 П † 40 муч. в Соваст.
10 С Кондрата и ин. м.

11 Н 3 Поста. Софрония патр.

12 П Теофана исп.
13 В Пер. мощей Николая
14 С Венедикта прп.
15 Ч Агапия мч.
16 П Савина и Юлиана мч.
17 С Алексия прп.

18 Н 4 Поста. Кирила Ерус.

19 П Хризанта и Дарии мч.
20 В О. О. Убитых
21 С Якова исп.
22 Ч Василия свмч.
23 П Николая и тв.
24 С Захарии и Якова

25 Н 5 Поста. Бл. Пр. Бог.

26 П Собор Ар. Гавриила
27 В Матроны
28 С Илариона прп.
29 Ч Марка и Кир. прп.
30 П Иоанна Листв. прп.
31 С Поклон. Ипат. прп.

14 Матильды к.
15 Климента
16 Кирияка м.

17 Суха. Патрикия

18 Кирила
19 Иосифа Обруч.
20 Евфимии д.
21 Венедикта ав.
22 Катерины шв.
23 Феликса шв.

24 Глуха. Гавриила

25 Благов. ПДМ

26 Вел. Суб. Еман.
27 Рунерта
28 Св. Петр. Иоганна К.
29 Кирила
30 Квирина

31 Средопост. Бальб.

1 Гугона
2 Франца
3 Ришарда
4 Изидора
5 Винцентия
6 Келестина

7 Чорна. Епифания

8 Дионисия еп.
9 Марии Клеоп.
10 Езолилия
11 Льва В. пап.
12 Юлия пап.
13 Герменегильды

Tel. MAin - 0885

PAUL HOLOWCHAK

FUNERAL DIRECTOR

РУССКИЙ ПОГРЕБНИК

И БАЛЬЗАМАТОР

ВЫНАНИМАТ АВТОМОБИЛЫ

на

КРЕСТИНЫ И ВЕСІЛЯ

и

Всякы Оказии...

Краяне лемкы-карпатороссы в потреби
удавайтесь до своего!

2387 PROFESSOR ST., CLEVELAND, O.

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

В ЕЛИЗАБЕТ, Н. ДЖ.

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

Гля до вынайму

Ту отбываются собрания отділов Л. С.
и К. Р. А. З. Союза и других организа-
ций МРО.

Галю нанимаме на всякы народны
предприятия и приватны забавы.

RUSSIAN PEOPLE'S HOME
HALL FOR HIRE FOR ALL OCCASIONS

408-410 COURT ST., ELIZABETH, N. J.

Апріль 1946 April

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н	Квітна. Марии Іег. прп.
2 П	Тита прп. и Амфианы
3 В	Никиты
4 С	Іоанна прп.
5 Ч	Еоодосія Тирского
6 П	Евтихія св.
7 С	Григорія Св.
8 Н	Воскресение Христоуо
9 П	Світлий Понедільник. Евстах.
10 В	Світлий Вторник. Терентія
11 С	Антипы свмч.
12 Ч	Василия прп.
13 П	Артемона свмч.
14 С	Мартина папы рим.
15 Н	1. Еомина
16 П	Агапий
17 В	Симеона
18 С	Іоанна Д. прп.
19 Ч	Іоанна Староп.
20 П	Еоодора Трих.
21 С	Януарія свмч.
22 Н	2. Мироносиц. Еоодора
23 П	† Георгія вмч.
24 В	Саввы
25 С	Марка ев.
26 Ч	Василия свмч.
27 П	Симеона свмч.
28 С	Ясона и Сосипатра ап.
29 Н	3. О Раслабленном. Евстахія
30 П	† Якова апостола

14	Квітна Юстина м.
15	Анастасіи м.
16	Венедикта
17	Аникита
18	Аполонія м.
19	Георгія
20	Еоодора
21	Воскр. Хр. Анзол.
22	Сотера и Кая мм.
23	Войтеха
24	Фиделиса
25	Ап. св. Іос. Мар.
26	Клита и Марка
27	Петра Кан.
28	Біла. Павла
29	Петра из Вер.
30	Катерины
1	Филиппа и Якова
2	Хр. кн. Атаназ.
3	Цар. К. П.
4	Зн. св Хр. Фльор.
5	2 по Пасхі Теодора
6	Іоанна
7	Станислава еп.
9	Григорія Наз.
10	Изидора
11	Францишка
12	3 по Пасхі. Панкр.
13	Серватія

Compliments of

Sheetz Hotel

FRANK EZERSKI, Prop.

* *

Passaic 2-8711

St. Peter's & Paul Russian
Orthodox Church

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

BILLARDS, SHOWERS, BASKET BALL

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ
Велика галя до вынайму на Бали,
Весіля, Крестины и всякы другы
забавы, а также на митингы и
народны собрания.

RUSSIAN HOME

175-177 — 3rd Street

1131 SCHOONMAKER AVE. MONESSEN, PA.

Passaic, N. J.

Май 1946 May

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 В Еремея пророка
2 С Афанасия ВА.
3 Ч † Θεοδοσία Печ. прп.
4 П Пелагии прпмч.
5 С Ирины мч.

6 Н 4 О Самаранині. Іова

7 П Явление Чест. Креста
8 В Іоанна Богослова
9 С † Пер. м. св. Николая
10 Ч † Симона Зил. ап.
11 П Мокия свмч.
12 С Епифания и Герм. патр.

13 Н 5 О Сліпорожденном

14 П Изидора мч.
15 В Пахомия
16 С Θεοδора освящ.
17 Ч Вознесение Господне
18 П Θεοдота мч.
19 С Патрикия

20 Н 6 Св. Отцев

21 П † Костантина и Елены
22 В Василиска мч.
23 С Михаила прп.
24 Ч Преп. Симеона
25 П Третье Обр. Гл. I Кр.
26 С Карпа ап.

27 Н Сошествіе Св. Духа

28 П Святой Троицы
29 В Θεοδοσία прмч.
30 С Исаакія прп.
31 Ч Ермия и Еремея

14 Боафатія
15 Софии и 3 дочерей
16 Пон. св. Д. Бл. Анд.
17 Пасхалиса
18 Сух. Венанція м.

19 4 по Пасхі. Петра

20 Сух. Бернардина
21 Тимофел
22 Юлии дѣвы
23 Дезидерія еп.
24 ПДМ. Спов. вір.
25 Григорія VII пап.

26 5 по Пасхі. Филиппа

27 Беды В.
28 Августина еп.
29 Юлія д.
30 Вознесение Господне
31 Петронели
1 Бл. Якова Стр. еп.

2 6 по Пасхі. Маркел.

3 Пр. Сер. Ис. Кльот.
4 Квирины
4 Бонифатія
6 Норберта еп.
7 Роберта
8 Медарда еп.

9 Сош. св. Духа

10 Маргареты кор.
11 Варнавы ап.
12 Онуфрія
13 Антонія

COMPLIMENTS OF

Russian-American Association

Joseph Yonko, Pres., Michael Kohut, Treas.
John Pacak, Fin. Sec., Michael Kuvinka,
Rec. Sec.

Нанимаме галю на
Митингы, Весіля, Крестины
и други забавы.

СВОЙ ДО СВОГО!

209 SCHOONMAKER AVE.

MONESSEN, PA.

CHECK'S FUNERAL HOME FUNERAL DIRECTORS

СЛАВЯНСКИЙ ПОГРЕБНИК

Вынанимат автомобили

на
Весіля, Крестины

и
всякы други забавы.

370 DONNER AVE.,

MONESSEN, PA.

Юнь 1946 June

ЗАПИСКИ

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 П	Юстина мч.
2 С	Никифора св.
3 Н	Всіх святых
4 П	Митрофана
5 В	Доротея сщмч.
6 С	Иллариона прп.
7 Ч	Ееодосия влмч.
8 П	Ееодота Страд.
9 С	Кирила св.
10 Н	2 по Сош. Св. Духа. Тимофея
11 П	† Варфоломея и Варнавы
12 В	Онуфрия
13 С	Акилины мчц.
14 Ч	Елисея пророка
15 П	Амоса пророка
16 С	Тихона еп.
17 Н	3 по С. Д. Мануила
18 П	Леонтия мч.
19 В	Юды Фад. ап., Зосима
20 С	Мефодия смч.
21 Ч	Юлиана Тарс. мч.
22 П	Евсевия свмч.
23 С	Агрипины мчц.
24 Н	4 по С. Д. Рожд. І. Кр.
25 П	Февронии
26 В	Давида прп.
27 С	Самсона прп.
28 Ч	Пер. мощ. Кира и Иоан.
29 П	Петра и Павла ап.
30 С	Собор Апостолов

14	Василия
15	Боже Тіло
16	Св. Троицы
17	Райнера
18	Евфрема
19	Юлианны
20	Сильверия пап.
21	Альойзия
22	Павлина еп.
23	2 по С. Д. Агрип.
24	Рожд. Іоанна Кр.
26	Вильгельма
26	Павла и Иоанна
27	Владислава кор.
28	Ириней
29	Петра и Павла ап.
30	3 по С. Д. Павла
1	Пр. Крови І. Хр.
2	Посіщ. ПДМ.
3	Анатолія
4	Ееодора еп.
5	Антонія
6	Луки мч.
7	4 по С. Д. Кир. и М.
8	Елизаветы пр.
9	Вероники
10	7 Братъев мч.
11	Пия І. папы
12	Іоанна Гл.
13	Анаклита

Tel. Passaic 2-9231

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

ОСИФА МОНЧАКА

До Йосифа Мончака
Идут люде из далека.
Идут русскы, идут чужы,
Вшиткы знают, што бслужит
Однаково, справедливо,
Честно, скоро, што аж мило.
В шторі мае свіжы мяса,
И то завсе, не лем часом,
Ци хочете из "бучерні",
Або дашто из "гросерні",
Вшиткого там достанете,
И так, што не пожалуете!

JOSEPH MONCHAK
GROCERY & MEAT MARKET

112 VAN RIPER AVE., CLIFTON, N. J.

TEL. 2-8728

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

МИХАИЛА МАСЛЕЯ

Треба, знате, Вам повісти,
Як хочете смачно їсти,
Же в Маслея мясо свіже,
Велький фалат Вам отріже.
Яйка, сыр, масло колбаса
И свіжа ярина до мяса.
Всего щиро Вам наважит,
А и честно Вас обслужит.

MICHAEL MASLEY
GROCERY & MEAT MARKET

322 HOPE AVE., CLIFTON, N. J.

Юль 1946 July

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н	5 по С. Д. Космы и Дам.	14	5 по С. Д. Бонавен.
2 П	† Пол. Риз. Пр. Бог.	15	Генрика
3 В	Якинта мч.	16	М. Б. Шкаплер.
4 С	Андрея	17	Алексія
5 Ч	† Кирила и Мефодия ап.	18	Симеона из Л.
6 П	† Афанасия Антон.	19	Винк. из П.
7 С	Еомы и Акакия прп.	20	Чеслава
8 Н	6 по С. Д. Прокопия мч.	21	6 по С. Д. Праксед.
9 П	Панкария свмч.	22	Марии Магдалины
10 В	Антония печерского	23	Аполинария еп.
11 С	Евфрема мч., Ольги	24	Кунегунды
12 Ч	Прокла и Илария мч.	25	Якова ап.
13 П	Собор Арх. Гавриила	26	Анны
14 С	Акилы ал., Кирика мч.	27	Рудольфа Акв.
15 Н	7 по С. Д. † Волод. В. кн.	28	7 по С. Д. Виктора
16 П	Афинагена свмч.	29	Марѳы д.
17 В	Марины вмч.	30	Руфина м.
18 С	Якинта и Емилиана мч.	31	Игнатия
19 Ч	Макрины и Дня прп.	1	Петра в оков.
20 П	† Илии пророка	2	МБ. Англ.
21 С	Симеона и Иоанна прп.	3	Обр. св. Стефана
22 Н	8 по С. Д. Марии Магд.	4	8 по С. Д. Дом.
23 П	Трофима	5	МБ. Сніжной
24 В	† Бориса и Гліба	6	† Преображение Г.
25 С	Успение св. Анны	7	Каеѳания
26 Ч	Ермолая свмч.	8	Кирияка м.
27 П	† Пантелеймона вмч.	9	Романа
28 С	Прохора и др. ап.	10	Лаврентия м.
29 Н	9 по С. Д. Калиника мч.	11	9 по С. Д. Сусанны
30 П	Силы и др. ап.	12	Кляры д.
31 В	Евдокима праведника	13	Гиполита

Tel. LAmbert 5-1815

**ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРІЯ, ГРОСЕРІЯ
И ДЕЛИКАТЕССЕН
ПЕТРА ТЕРЕК**

До края Терек
Ходят люди и с далека,
Терек мяса свіжы мае,
Гросерию тыж продае,
Кенды, айскрим, сигареты,
Всю у него достанете
Заходите там и Вы часто,
Бо услуга первокласна.

**PETER TEREK
GROCERY & MEAT MARKET**

160 Lawrence Ave.,

Paterson, N. J.

Passaic 2-9399

**ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРІЯ И ГРОСЕРІЯ
ЗАХАРИЯ МЕРЕНЫ**

В шторі Мерены, краяна,
Як в полудне, в вечер, рано,
Товар мате першу класу,
Гросерию и колбасы.
Свіжы мяса и ярины
Привозят там каждой днины,
Бо Мерена бизнес знае,
И старого не продае.

**ZACHARY MERENA
GROCERY & BUTCHER STORE**

127 ACKERMAN AVE., CLIFTON, N. J.

Август 1946 August

ЗАПИСКИ

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1	С	Рр. Ч. Х.
2	Ч	Перен. мощ. св. Ст.
3	П	Исаака и др. прп.
4	С	7 Мол. в Ефесі мч.
5	Н	10 по С. Д. Евсиния мч.
6	П	✠ Преображение Г.
7	В	Доментия и Пасива мч.
8	С	Емилиана еп.
9	Ч	✠ Матфея апостола
10	П	Лаврентия мч.
11	С	Евпла мч.
12	Н	11 по С. Д. Фотия
13	П	Максима исп.
14	В	Михея пророка
15	С	Успение Пр. Бог.
16	Ч	Пер. нерук. Обр. Господ
17	П	Мирона мч.
18	С	Фльораи Лавра мч.
19	Н	12 по С. Д. Андрея
20	П	Самуила пророка
21	В	Θадея апостола
22	С	Агафоника
23	Ч	Лупа мч.
24	П	Евтихия свмч.
25	С	Варфоломея и Тита
26	Н	13 по С. Д. Андриана
27	П	Пимона прп.
28	В	Мойсея пророка
29	С	✠ Усікновеніе Г. І. Кр.
30	Ч	Александра пат. Кон.
31	П	Пол. Пояса Пр. Бог.

14	Евсевия
15	Успение Пр. Бог.
16	Іоакима
17	Яцка в.
18	10 по С. Д. Елены
19	Людвика
20	Вернарда
21	Іоанна
22	Тимоеея и тов. м.
23	Филиппа Б.
24	Вареоломея ап.
25	11 по С. Д. Люд.
26	26 МБ. Честохов.
27	Юзефа
28	Августина
29	Усік. Гл. І. Кр.
30	Розалий Лим.
31	Раймунда
1	12 по С. Д. Брон.
2	Стефана кор.
3	Зинова мч.
4	Розалии дівы
5	Лаврентия Юст.
6	Захарии пр.
7	Бл. Мольхиора
8	13 по Д. С. р. МДМ.
9	Петра Кл.
10	Николая
11	Прота
12	Найсв. Им. МБ.
13	Филиппа м.

Tel. PAssaic 2-8856

Tel. PAssaic 2-9419

BROOKLYN SHOE STORE

Quality Shoes for Entire Family

ALEX LARK, Prop.
NICK MAYURNIK, Mgr.

У нас получите найліпшу
обув для цілой фамелии,
по низкым цінам.

Купуйте у свого!

100 Market Street

Passaic, N. J.

РУССКА ГОСТИНИЦА

СТЕФАНА ВОЛЧКО

ГАЛЯ НА ТАНЦЫ

Где русскы люде ся сходят,
Часом чужих тыж приводят.
В приятельстві попивают,
А по-русскы сой співають.

* *

STEPHEN E. WOLCHKO, Prop.

159 THIRD ST.,

PASSAIC, N. J.

Сентябрь 1946 September

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1	С	† Новый Год Церковный
2	Н	14 по С. Д. Маманта мч.
3	П	Анфима свмч., Теофила
4	В	Вавилы смч.
5	С	Захарии и Елизаветы
6	Ч	Чудо Арх. Михаила
7	П	Созонта мч.
8	С	Рождество Пр. Бог.
9	Н	15 по С. Д. Иоак. и Анна
10	П	Минодоры и Митр. мч.
11	В	Ееодоры прп.
12	С	Автонома
13	Ч	Обр. Кр., Корнилия
14	П	Воздвижение Ч. Креста
15	С	Никиты вмч.
16	Н	16 по С. Д. Софии
17	П	Софии, Віры и Надежды
18	В	Евменія прп.
19	С	Трофима и Саввы
20	Ч	Евст., его жены и дітей
21	П	Кондрата ап.
22	С	Фокии свмч.
23	Н	17 по С. Д. Зач. І. Кр.
24	П	Теклы прмчц.
25	В	Евфросинии прп.
26	С	† Св. ап. Іоанна Бог.
27	Ч	Каристрата мч.
28	П	† Харитона прп.
29	С	Кирияка прп.
30	Н	18 по С. Д. Григория

14	Воздв. Ч. Креста
15	14 по С. Д. ПДМ.
16	Корнилия
17	Знаки св. Францишка
18	Іосифа
19	Іануария еп.
20	Евстахія м.
21	Матеея ап.
22	15 по С. Д. Еомы
23	Теклы д.
24	ПДМ. Выкупу
25	Владислава Г.
26	Киприяна и Юстина
27	Космы и Даміяна
28	Вячеслава кор.
29	16 по С. Д. Мих.
30	Іеронима
1	Благ. Іоанна
2	Ангел. Ст.
3	Кандида и Горар.
4	МБ. Рожан.
5	Плакида м.
6	17 по С. Д. Брун.
7	Марка пап.
8	Бригиды д.
9	Людива
10	Францишка
11	Емилиана
12	Максимиліана еп.
13	18 по С. Д. Ед.

уб. Н. Підберижня
в Борині

926-46

914-46

ELizabeth 2-9830

Pone: PAssaic 2-6363

Compliments of

Dr. SAMUEL SAMET

DENTAL SURGEON

Привіт Всім

ПАЦИЕНТАМ и ПРИЯТЕЛЯМ

1200 SALEM AVE.

Cor. Coe Avenue, HILSIDE, N. J.
(Across from Public Service Bldg.)

MICHAEL J. ELIAS

FUNERAL DIRECTOR

and

Embalmer

СЛАВЯНСКИЙ ПОГРЕБНИК

Вынанимаме автомобили
такоже на Весіля

и други Оказии.

Старанна и честна услуга.

167 — 3rd Street

PASSAIC, N. J.

Октябрь 1946 October

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П	† Покров пр. Бог.
2 В	Киприяна свмч.
3 С	Дионисия А.
4 Ч	Іерофея свмч.
5 П	Харитины
6 С	† Оомы апостола
7 Н	19 по С. Д. Сергия
8 П	Пелагии прп.
9 В	Якова ап.
10 С	Евлампия и Ев.
11 Ч	илиппа аж., Теофилия
12 П	Прова и др. прп.
13 С	Капа м., Космы прп.
14 Н	20 по С. Д. Ефимия прп.
15 П	Параскевы прп.
16 В	Логина
17 С	Осия пророка
18 Ч	† Луки апостола
19 П	Іоуила пророка
20 С	Артемия вмч.
21 Н	21 по С. Д. Іляриона
22 П	Амеркия еп.
23 В	Якова апостола
24 С	Ареты, Афанасия
25 Ч	Маркиана и Мартирия
26 П	† Димитрия вмч.
27 С	Нестора мч.
28 Н	22 по С. Д. Параскевы
29 П	Анастасия прп.
30 В	Зиновия мч.
31 С	Стахия, Нарк.

14	Каликта пап.
15	Тересы
16	Герарда
17	Маргареты
18	Луки ев.
19	Петра из Ал.
20	19 по С. Д. Іоанна
21	Уршули д. и м.
22	Кордули д.
23	Серванда
24	Рафаила Арх.
25	Криспина
26	Евариста пап.
27	20 по С. Д. Фльор.
28	Симеона и Оад. ап.
29	Наркиса еп.
30	Альфонса
31	Вольфганга
1	Всѣх Святых
2	День Задушный
3	21 по С. Д. Губерта
4	Кароля Бором.
5	Захарии и Елизаветы
6	Леонарда
7	Бл. Антония Бал.
8	Гофрида
9	Оеодора м.
10	22 по С. Д. Андрея
11	Мартина еп.
12	Мартина папы
13	Станислава

Tel. WAverly 3-0659

Free Delivery

SHARKO'S LIQUOR STORE

MIKE SHARKO, Prop.
BEER—WINE—LIQUORS

BEER COOLERS FOR RENT

We Carry 1/8, 1/4 & 1/2 Kegs of Beer

Выполняме ордеры на весіля, забавы и проч.
Довеземе Вам бесплатно.

1317 LIBERTY AVE.
Below Long & Liberty Aves.

HILLSIDE, N. J.

Phone: ELizabeth 2-9576

Chas. Hubatka, Inc.

DIAMONDS-WATCHES-

JEWELRY

Highest prices paid in 35 years for
Diamonds, Old Gold & Silver

NOW is the time to SELL!

Коли мате дома непотребне старе
срібро, старе золото або дияменты,
принесте до нас — мы платиме
найвысшы ціны.

9 BROAD STREET, ELIZABETH, N. J.

Ноябр 1946 November

ЗАПИСКИ

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1	Ч	Космы и Дамияна
2	П	Акиндина мч.
3	С	Акепсима мч.
4	Н	23 по С. Д. Иоаникия В.
5	П	Галакта и Епистим. мч.
6	В	Павла св.
7	С	Иерона и др. мч.
8	Ч	Соб. св. Мих. Аристр.
9	П	Онисифора мч.
10	С	Ораста и др. ап.
11	Н	24 по С. Д. Мины, Викт.
12	П	Иоанна милостивого
13	В	† Иоанна Златоустого
14	С	† Филиппа апостола
15	Ч	Гурия и др. мч.
16	П	† Матфея ап. и ев.
17	С	Григория еп. чудотв.
18	Н	25 по С. Д. Платона
19	П	Авдия пророка
20	В	Григория Д.
21	С	Введение в Храм ПБ.
22	Ч	Филимона ап., Келикии
23	П	Амфилоха и Григория
24	С	Екатерины вмч.
25	Н	26 по С. Д. Клементя
26	П	Алпия Стоврп. прп.
27	В	Якова свмч.
28	С	Стефана прпмч.
29	Ч	Пашамона и Филимона
30	П	† Андрея апостола

14	Иосафата еп.
15	Гертруды
16	МБ. Остробрам.
17	23 по С. Д. Сальом.
18	Романа м.
19	Елизаветы
20	Феликса
21	Введ. в Хр. ПБ.
22	Келикии д. и м.
23	Климентя пап м.
24	24 по С. Д. Иоанна
25	Екатерины д. и м.
26	Леонарда
27	Валерияна
28	Здиславы
29	Сусурнина
30	Андрея ап.
1	1 Адв. Елигия еп.
2	Библияны д.
3	Франца
4	Варвары
5	Саны еп.
6	Николая еп.
7	Амросия еп.
8	2 Адв. Неп. 3. ПДМ.
9	Леокадии д.
10	МБ. Льорет.
11	Дамасия м.
12	Александра м.
13	Лукии д.

TEL. ELizabeth 2—6753

Phone: Little Falls 4-0294

NICK BROTHERS GROCERY & BUTCHER STORE

Гей, крайне, свой до своего!

ДО

БИЛИЦЫ И ГРУБОГО

Там Вам дадут свіжы мяса,
Гросерию и колбасы.
Добру раду и услугу —
Не достанете у других.
Костюмеры о том знают,
Зато радо в нас витают.
Заходите и Вы до крайнов:

БИЛИЦЫ И ГРУБОГО!

156 FIRST STREET, ELIZABETH, N. J.

SINGAC BAKERY

PANKO WORNACH, Prop.

ПЕРВОРЯДНА ПЕКАРНЯ

нашого краяна от
Нового Санча.

Пече перворядный Хліб, Булky,
Кейкы для домашнего ужитку,
а также на ордер на Весіля,
и всякы другы забавы.

Ордеруйте от краяна —
ПАНЬКА ВОРГАЧА!

117 Newark-Pompton Turnpike, N. J.

Декабр 1946 December

ЗАПИСКИ

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

1 С	Наума пророка
2 Н	27 по С. Д. Аввакума
3 П	Софонии пророка
4 В	Варвары и Иоанна
5 С	† Саввы осв.
6 Ч	Николая св. Чудотворца
7 П	Амросия еп.
8 С	Патания еп.
9 Н	28 по С. Д.
10 П	Мины и Ермогена мч.
11 В	Даниила Столпника
12 С	Спиридона
13 Ч	† Евстратия и Авкс.
14 П	Тирса мч.
15 С	Елевфонтия свмч.
16 Н	Пред Рожд. Аггея пр.
17 П	Даниила пророка
18 В	Севастияна
19 С	Бонифатия мч.
20 Ч	Игнатия свмч.
21 П	Юлиана мч.
22 С	Анастасии вмчц.
23 Н	Навеч. Рожд. 10 мч.
24 П	Евгении
25 В	Рождество Христово
26 С	Собор Пр. Богородицы
27 Ч	Прмч. Стефана, Θεод.
28 П	Просв. Б. Н. по М. Н.
29 С	Прп. Макария мч.
30 Н	По Рожд. Мчц. Ансии
31 П	Мелании прп.

14	Спиридона еп.
15	3 Адв. Валерияна
16	Евсевия еп.
17	Лазаря еп.
18	Очикув. МБ.
19	Немесия еп.
20	Θеофила м.
21	Θомы апостола
22	4 Адв. Зенона м.
23	Виктории д.
24	Адама и Евы
25	Рождество Хр.
26	Стефана
27	Иоанна
28	14 т. дітей убиен.
29	Нед. по Рожд.
30	Евгении еп.
31	Сильвестора
1	Новый Год 1947
2	Макария
3	Геновефы
4	Вмч. Емилиана
5	30 по С. Д. Телесф.
6	Трех Царей
7	Лукияна м.
8	Иоанны д.
9	Северина ав.
10	Юлианы и Васил.
11	Альойсия
12	1 по Трох Цар.
13	Леонтия еп.

With
COMPLIMENTS
FROM

MICHAEL KOHN
Jeweler and Diamond
Merchant

Established 1906.

У нас достанете всякого рода перстени
на заручины и годинки до выбору.

831 ELIZABETH AVE.

ELIZABETH, N. J.

ANNA BURAK
GROCERIES & DELICATESSEN

Cigars, Cigarettes & Tobaccos

Also

All Kind of Soft Drinks

Достарчае всьо потребне и
необходиме на забавы.

Удавайтесь и ордеруйте
у своей крайanky

АННЫ БУРАК

417 Court Street

Elizabeth, N. J.

ИСТОРИЯ ЛЕМКОВСКОЙ ЕМИГРАЦИИ

Из восточных славян найскорше почали массово емигрувати в Америку лемки, т. е. жители западной Карпатской Руси, галицкой Лемковщины и Пряшевщины. То лемки дали початок численным грекокатолическим и православным церквам, численным запомоговым братствам и центральным запомоговым организациям, из котрых едны называются днеска русскими, други карпаторусскими, третьи украинскими. И то нич дивного, потому што лемки из восточных славян пришли ту первы и отразу в великом числі. Пред первом світовом войном на галицкой Лемковщині и Пряшевщині в наших русских селах не было такой хижи, штобы дакто с ней не вышел в Америку. А было много таких хиж по наших лемковских селах, што вышли в Америку всі, и если не было кому жити в той хижі, то стояла пусто, с позабываными дверми и окнами. Пред самым первом світовом войном половина лемков, а може больше, переселилася и жила в Америкі.

Но світ о том не знає, так як лемки приходили ту под разными именами: то “австриякы”, то “венгры”, то “словакы” або “полякы”. И ту в Америкі лемки поділилися помеж разны церкви и организации, так што их нигде не было, мимо того, што их ту была половина.

Послі первой світовой войны массова иммиграция в Америку была закрыта, так што и из лемков лем единицы могли достатися ту. И само собою розумієся, што число наших старокрайовых людей ту в Америкі почало уменьшатися, разом с тым почало упадати число членов церковных и запомоговых организаций; аж приде такой час, што ту в Америкі не буде тых наших организаций, бо нестане старокрайовых людей. Нове наше покоління злієся с американским народом и американскими организациями.

Но емиграция нашего народа в Америку, то велике историчне событие в його житю, то цілый период його истории в Карпатах, и тот период истории жия нашего народа повинен быти зазначеный, описаный, иначе його история не буде полна. Так што нам треба написати историю лемковской емиграции. И откладати с том роботом немож, так як скоро, як вспомнено выше, наших людей

и организаций на емиграции нестане, а с тым нестане и жерел для описания жия нашей емиграции в Америкі.

Я думаю, што днеска пришол последний час, штобы створити Историю лемковской емиграции, бо в той роботі помогут днеска ище наши люди, котры прожили сами ту долги роки и смотріли своими очами на наше жия в Америкі, належали до наших организаций, организували их сами.

Так што я звертаюсь до читателей того календаря, штобы они помогли мі в той роботі, штобы описали все то, што они пережили ту на емиграции, описали тоты индустрии, в котрых наши люди працюют на их плейзах, описали основание и развитие наших церковных и народных организаций в их місцевостях. Потребны фотографии из тых индустрий, в котрых наши люди працюют. Таки фотографии мож достати от самых управителей индустрии — фабрик, заводов. Также потребны фотографии наших церквей на плейзі и народных домов, если таки истнуот на плейзі.

Я надіюся обїхати дакотры наши колонии спочатком нового року и собрати дашто материала сам, но неможливо обїхати всі колонии и собрати весь материал. Так што каждый може помочи, и чым больше наших людей поможе в составлении такой Истории лемковской емиграции, тым она буде полнійша.

Отповідати головно на таки вопросы: “Коли наши люди почали поселятися на вашом плейзі? Из какой околицы зо старого краю походят? В какой индустрии найбільше працюют? Яки церкви и организации основали? Сколько наших людей жие днеска в вашей місцевости? Сколько наших людей в бизнесі? Сколько профессионалов, и т. д. По можности пришлите фотографии вызначных индустриальных рабочих нашего роду, ремесленников, бизнесменов и профессионалов, котры помагали и помагают своему родному народу. Всі таки информации о вашей колонии просится посылати найдальше до 15 марта, 1946 року, на адрес:

Д. Вислоцкий,
556 Yonkers Avenue
Yonkers, N. Y.

Лемкы в Славянской Родині

ШТО ТЕПЕР РОБИТИ ЛЕМКАМ

По первый раз в русской истории объединены твердо, на всі часы, всі русскы земли в русской державі — объединены украинцы и білоруссы в своих национальных республиках той державы. За границами русской державы осталось всего около 900 тысяч русского населения, котрому, по договору со сусідними славянскими державами, дано до wyboru — остатися в своих родных селах, або переселитися в свою национальну державу.

Тых 900 тысяч русского (білорусского, украинского) населения осталось за границами русской державы по природным, географичным и этнографичным причинам. Провести державны границы так, штобы каждое украинске и білорусске село нашлося по русской стороні, а каждое польске и словацке село по польской и словацкой стороні границы — немыслимо. Так што по русской стороні нашлося много польских и словацких сел, а по польской и словацкой стороні — много русских сел.

Из тых 900 тысяч населения поза границу русской державы нашлося около 400 тысяч лемков в одной непрерывной массі лемковских сел. Так што, кромі лемков, за границами русской державы осталось яких 500 тысяч русского населения. Тоты 500 тысяч переселятся в свою национальну державу, если не всі, то в каждом случае в большинстві, так як тоты их села порозрываны, переплетены польскими и словацкими селами. Переселится также много лемков в Совітский Союз, но не цілыми селами. Нашы лемковскы села останутся русскими так в Польші, як и Чехословакии, хоц людей буде в них меньше, так як многы выйдут в Россию. Зато в наших селах послебодится для тых, котры останутся, газдове убольшат свои "орекы", так што люде будут ліпше жити.

Чом лемкы, покаль, не присоединены до своей национальной державы? Мы пишем "покаль", потому што мы перекопаны в том, што и лемкы присоединятся с часом до сво-

ей национальной державы, если лем захотят, што они сами будут распорядитися своим крайом, як распорядитися днеска своим крайом каждый славянский народ, хоц бы найменьший.

А коли тот час приде?

Тогды, коли лемкы створят свой Лемковский край. На то лемкы маюť полную основу, бо маюť свою землю, на котрой живут, своих понад 700 сел в непрерывной массі. Но тота их земля с их селами не ест крайом в политичном смыслі, потому што тота наша родна земля, нашы родны лемковскы села розорваны помеж словацкы и польскы административны и культурны провинциальны и районны центры. Наша лемковска земля, нашы 700 сел без своего крайового центра.

Итак, наш народ повинен створити на сам перед свой лемковский культурный центр, с котрого шла бы просвіта на родной бесіді во всі нашы лемковскы села, до всіх 700 сел. Для народной просвіты на родной бесіді не може быти нияких политичных границ. Так створится Лемковский край в понятію самого нашего народа. А тогды лемкы, их народны руководители будут працювати над тем, штобы тота наша земля с ей населением была объединена в еден политично-административный край с политично-административным центром.

Вы, може, скажете, што полякы и словакы не погодятся с тем, штобы лемкы мали свой край. Если вы так думте, то вы не вірите в славянске братство, в славянску ровность и справедливость. А они ест — славянске братство, славянска ровность и справедливость. Они пришли до славян тогды, коли они очистилися от римско-німецкой панской политики. Славянско-німецка война, яку мы лем што пережили, в великом своем огні очистила славян от старой политики и незгоды. Так полякы, як словакы будут дуже задоволены, што и их братья, 400 тысяч лемков, уж доросли до того культурно, штобы мати свой край. Ниякий словак або

поляк не скаже, што 400 тысяч лемков не мають права на свою родну землю и свой родный край. Сусідны славяне помогут лемкам створити свой край.

НОВА — СЛАВЯНСКА ПОЛИТИКА

Но вам не хочеса тому вірити, штобы тоты полякы, што до войны насильно вына-родовляли лемков, што насильно насаждали в нашы лемковскы села польскы школы с польскымы шовинистами учителями, а на-ших русских учителей забирали “на мазу-ры”, або совсім усували от роботы, тоты полякы, што высылали полицию и войсковы отряды для “пацификаций” лемковского на-селения, што руснакам не давали заробити даякого цента, если отворилася даяка робо-та, што примушали лемковскы діти молити-ся по-польскы, што учитель або учителька польского роду били в школі лемковску ди-тину до крови лем за того, што она вырекла руске материнске слово, — вам не хочеса вірити, штобы тоты полякы признали ров-ность руснакам.

Вам не хочеса вірити, штобы тоты слова-кы, што насильно записували руснаков сло-ваками цілыми селами, штобы потом патер Глинка мог похвалитися, што он всіх русна-ков зо Словенска вывезе на єдном драбняку, тоты словакы, што насильно насаждали сло-вацкы школы в наших русских селах, што всяди понижали нашу русску бесіду и насмі-халися над нашим народом — штобы они тепер признали ровность нашому народу на Пряшевщині и право на объединение.

Мы не чудуємеса тому, што вам не хочеса вірити в таку перемену в краю. Бо то не лем вы, не лем мы лемкы ту на емиграции в Аме-рикі не можеме нияк повірити в таку пере-міну, штобы руснак с поляком и словаком, а поляк и словак с руснаком жили як равны люде, правдивы братья. Тому не вірят, ту на емиграции, миллионы поляков, соткы тысяч словаков. Не вірят потому, што они не пе-режили там на місці, в своем родном краю славянско-німецкой войны и страшной фа-шистско-німецкой оккупации. А ту на еми-грации они все ище находятся под впливом старой німецко-римской политики своего ду-ховенства и своих фашистов-панов, выхова-ных в німецко-римской культурі, котру они все ище захваляють своему народу. Старчит взяти в руки польску або словацку католиц-ку газету, старчит послухати казаня поль-

ского або словацкого католицкого ксьон-дза, штобы порозуміти, чом так много поля-ков и словаков на емиграции не вірят в тоту велику перемену у славянских народов в Европі.

Нам, лемкам, ище тяжше приходит пові-рити в славянску ровность и братство. Сло-ваков ниякий другой славянский народ не угнетал, лем мадьяре. Всього не признавали их равными чехы в довоенной Чехословакии. Но русский народ николи не кривдил слова-ков. Царске правительство кривдило поля-ков, но николи русскы не понижали так по-ляков, як полякы понижали лемков и другие русске население в довоенной панской Поль-ші. А однако у нашей лемковской емиграции больший процент таких людей, котры ві-рят в тоту перемену в старом краю в житю славянских народов. Тото завдячає на сам перед тому, што мы належимо до восточных, русских славян, котры не подлегли римско-німецкой культурі и политикі и за всю свою историю стремили до славянского братства. А потом завдячає тото ліпше розумінне пе-реміны в краю — нашей народной органи-зации Лемко-Союзу и його науки.

Тоты нашы люде, што читали нашу газе-ту, календари и другу литературу, днеска уж розуміють, што римско-німецкому панованию над славянскими народами пришол конец раз навсе. А тым самым пришол конец рим-ско-німецкой политикі у славянских наро-дов.

Яка-ж инша политика могла придти на місце римско-німецкой политики у славян-ских народов? Послі розгрома славянами своего отвічного врага, німецкого империа-лизма, котрый выступил до послідного рі-шающего бою против славянского світа с ці-лью захвата всіх славянских земель и поне-воления и вынищення славянских народов, у славян осталося вести лем свою, славянску политику для розбудовы, укріплення и взбо-гачения своего славянского світа.

Рештки старых римско-німецких поли-тиканов у славянских народов, тепер на емиграции, видячи, што их старой службі у німецко-римского империализма пришол ко-нец разом с розгромом того империализма свободолубивыми народами, просятся на службу до западных великих держав — Америки и Англии, обіцуючи, што будут служити им орудием для англо-саксонской розъединяющей политики в славянских

краях. Они рахують, што у славян не може быти своей славянской политики. Хоц они люде славянского роду, но так пресякли німецко-римским фашизмом, што они все ище свое славянске племя уважают за "низшу" расу от німцов и англо-саксонов. И на правду в Америкі и Англии находится ище много таких политиков, дипломатов, ученых и писателей, котры не можут погодитися с тым, штобы славяне были равны с их народами и могли вести свою славянску независиму политику. Они пробуют послугуватися тыми старыми политиками, прогнанными славянскими народами — для своей розъединяющей политики в славянских краях, штобы, по німецкому приміру, сіяти нову незгоду меж славянскими народами, захваляючи им свою демократію и свободу с панами, як найліпшу на світі, а понижаючи славянску демократію и свободу, як просту, бо без панов.

Но як Америка и Англия не дозволили бы, штобы их учили жити и управлять собом китайцы або индусы, так и славяне не можут дозволити, штобы их учили жити и управлять собом други народы. Славяне, зломивши силу отвічного своего врага Германии, показали в той войні, што они уміют жити и управлять собом, по своим славянским законам, не планьше от других. Они готовы все послужитися добрым приміром других, но чужой политики для понижения и розъединения славянских народов они больше не стерпят.

Славяне уж маюť свою славянску политику. А славянска народна политика не може служити интересам других, лем интересам славянских народов, она не може идти против славянских интересов. Як показала славянска история и тотa послідня славянско-німецка война, то в интересі славянских народов ест передовсім единство славян, основане на равности славянских народов, для своей обороны.

Як нова славянска политика, так и славянске единство, основане на равности и братстві славянских народов родилися в той войні на крови, страданиях славянских народов, на 30 миллионах убитых німцами найліпших славянских людей, на массовых братских могилах на Украині и в Білоруссии, в Польші и Югославии, на жертвах Майданка, Освенцима, Лидиц.

Говорити днеска, што меж руснаком и

поляком, словаком и руснаком, и наоборот, не може быти згоды, не може ниякий розумный, а честный славянин на эмиграции, хоц он не пережил того, што пережили його братья в краю. Не вірити в славянске братство и згоду може лем фашист, або затемненный славянин на эмиграции. Бо в краю таких затемненных больше ніт, бо наибольше затемненому открыла очи война и німецка неволя, тотa тяжка школа для славян. В краю лем фашист буде против славянской згоды, славянской равности, справедливости меж славянскими народами и славянского единства, оборонного славянского союза.

Што означала бы славянска незгода для поляков, чехов и других славянских народов? Незгода меж поляками, русскими, украинцами, білоруссами означала бы для поляков конец, смерть. Бо тогды полякы остались бы сами против німца, котрому они отобрали при помочи других славянских народов свои стары польскы земли, які были онімечены в тоты часы, коли меж русскими и поляками не было згоды. Если бы даколи в Польшу вернулася протиславянска политика, над чым будут всіми силами працювати врагы славянства, передовсім врагы самых поляков, то німцы выберут подходящий момент, удаючи до послідной минуты приятелей поляков, нападут на Польшу и знищат, убьют каждого поляка. Така сама судьба ждала бы чехов, словаков, если они даколи измінили бы славянскому единству, побудованому на равности и братстві славянских народов.

Мы перекопаны, што николи того не буде. Напротив, мы перекопаны, што славянске единение буде укріплятися с каждым роком, потому што над тым будут працювати учены и писатели у славянских народов, а будучы покоління получают уж нову науку славянского единения.

Мы не знаме, як то долго возме, но знаме, што приде до того, што славяне, на сам перед малы славянскы народы, будут объединятися в большы федерации, аж объединяются всі в одну славянску федерацию по приміру Соединенных Штатов Америки, або Республик Совітского Союза.

Никто не може отказати права лемкам на свой штат в такой федерации, если они будут объединены культурно. А на культурне объединение лемков никто не може отказати права уж днеска, потому што уж

днеска наш народ в краю, хоц он остался за границами своей держвы, он так свободный в культурной и политической деятельности, як каждый другой славянский народ. И потому он уж днеска може почати культурну будову свого Лемковского краю и требовати политичного признания. Тото политичне признание он напевно получит, коли объединитися культурно.

ШТО ЕСТ КУЛЬТУРНЕ ОБ'ЄДИНЕНИЕ

Лемковска земля была цілыми століттями розділена меж Венгрию и Польшу, так што южна часть была под впливом мадьярской, а сіверна под впливом польской национальной культуры. Лем своя родна бесіда и руска віра сохранили наш народ национально за минувшы століття. В послідных часах и в наши лемковскы села пришло печатне слово и школа. Но так печатне слово, як и школа были отмінны, так як в галицкы лемковскы села приходило печатне слово из Восточной Галичины, зо Львова, а Угорска Русь печатала сама свои книжки и газеты. Зо Львова в послідных часах приходили книжки на украинском языкі, тогды як по угорской сторони держалися т. з. "литературного" русского языка. Як первый так другой язык был для лемков тяжко понятный. Потому лемкы читали дуже мало с того, што выходило в Ужгороді або во Львові.

Коли пришол час на народны школы, то тоты шкоды и их язык также не были одинаковы по угорской и галицкой сторони. По галицкой сторони в школы завели учебники зо Львова, на галицко-украинском языкі, а по угорской сторони завели учебники на том "угрорусском литературном" языкі. Но ни по галицкой сторони не научили лемков украинскому языку, ни по угорской сторони не научили лемков русскому языку. Лемкы, які вышли с тых сельских школ, не пишут ни по-русскы, ни по-украинскы свои писма с краю до Америки, и с Америки до краю, лем пишут по-лемковскы, на своей родной бесіді, с том разницом, што галицкы лемкы пишут русскими буквами, а угорскы, — по большей части — латинком.

Культурне объединение лемков означат, на сам перед, объединение лемковского писма, письменного языка и языка для початковых народных школ. Так што всім лемкам через своих народных представителей треба рішити, ци им завести в свои народны сель-

скы школы початковы учебники, букварь и читанку на русском, украинском, ци своем народном лемковском языкі. Головна справа в том, штобы во всіх наших школах во всіх лемковских селах был принятый для початковой науки один язык, штобы тот "языковый вопрос" был раз на все розвязанный.

Мы за то, штобы лемкы, як восточны славяне, знали русский и украинский язык, штобы при всяком розвязанию того "языкового вопроса" в лемковскы школы были заведены, як обовязковы, оба тоты языки. Но той правды скрыти немож, што у лемков ест своя народна бесіда и свой акцент, и што лемко любит тоту свою народну бесіду, як и каждый другой народ. А с практики мы знаме, што у лемков тішатся успіхом лем газеты и книжки, написаны на той народной лемковской бесіді. Потому то мы думаем, што найскорше мож объединити лемков культурно при помочи початковых школьных учебников и изданий на народной лемковской бесіді.

Штобы рішити тоту справу, треба сїхатися представителям нашего народа в краю — писателям, учителям, интеллигентам и перодовым селянам с одной и другой стороны Лемковского краю, с Пряшевщины и галицкой Лемковщины, и рішити справу початковых школьных учебников, еднаковых для всіх лемковских школ.

Без того не може быти культурного объединения нашего народа и його краю, бо на Пряшевщині, тот сам народ, тоты самы наши діти, будут учиться на инших языках из инших книжок, и заміст объединятися языком и мыслію, будут розъединятися и рostrачатися помеж других.

Тоту перву культурну справу не можут рішати за нас ни словакы, ни чехы, ни полякы, а мы мусиме рішити ей сами. И раз тоты представители постановят, што початковым языком в наших школах повинен быти народный наш язык, лемковский, то треба написати початковы школьны книжки на народном языкі. Если постановят, што нам треба цілком откинути лемковску народну бесіду, як просту и нездалу для писма и школы, а треба принять русску, або украинску, як нам найблизшы, то тогды нам треба принять в наши народны школы также едны учебники — русскы, ци украинскы.

Но ци в школы буде введенный такий або другой початковый язык, то мы переконаны,

што газети і книжки для нашого народу будуть писатися на рідній лемківській бесіді так довго, покаль наш народ буде любити більше газету або книжку на своїм лемківському мові. Даколи може притти час, што кождому лемку буде так легко читати і розуміти великорусську і українську книжку і газету, як лемківську, і тогды лемківська газета і книжка не буде потрібна. О том рішит сам народ. Бо газета на народному мові помагат нашим людям в скорійшом розумінню російського і українського мови.

Так што еднака школа і тота сама школярна книжка на том самому мові во всіх наших лемківських селах, а при том газета і популярна література на рідній бесіді об'єднують культурно наш народ і створять основу до політичного об'єднання Лемківського краю. Після культурного об'єднання, політичне об'єднання приде дуже легко, так як в том допоможуть нашому народові всі славяне.

НАША ПОМОЧ ІЗ АМЕРИКИ

Так довго, як довго буде жити наша лемківська еміграція в Америці, ми можемо дуже много допомогти своїм братьям в краю в їх культурному об'єднанню. Тота поміч повинна бути головним задачем так наших організацій, як і поодиноких людей. Головну роль в такій допомогі повинен грати Лемко-Союз і його видання — газета і книжки.

Як довго буде видаватися газета, то вона повинна ходити до кождого села Пряшевиці і галицької Лемківщини. В кождо лемківське село повинні бути вислані такі книжки, видані на народному карпатському лемківському мові, як "Історія Світового Союзу і Карпатської Русі", а також календарі Л. С. з останніх років. Також повинна бути репродукована "Мапа Лемківщини" і послана в кождо наше село в краю. Но найважніша книжка, яка повинна знаходитися в кождо домі в краю, то "НАША КНИЖКА", видана минулого року Лемко-Союзом. Нашою задачею в Америці є поширення той книжки в наших рідних селах. Тота народна читанка спричиниться найбільше до культурного об'єднання нашого народу в краю, роззнання себе і розуміння світа і правдивої народної свободи.

За ніч інше наші братья в краю не будуть нам так вдячні сейчас після війни, як за правдиву народну книжку на своїм рід-

нім мові, так як спочатку вони, роз'єднані культурно, не будуть мати культурної сили і средств печатати стільки літератури, скільки їм буде потрібно. Бо ми повинні знати, што тота війна проломилася в нашому народі недовіря до науки і печатного слова і розбудила велику жадність до науки і книжки. Если ми не дамо нашому народові книжки на своїй рідній бесіді, то он буде глядати її на всякій бесіді. Розуміється, што добра книжка — остається добром на кождо мові. Но нам розсходиться об'єднати наш народ національно і культурно, бо лемківський національно і культурно народ може об'єднатися політично і створити свій край в політичному смислі.

Та і ту в Америці наша лемківська організація може лем так існувати, коли буде виконувати ту роботу, т. є. свою програму зв'язи зо старим краєм і помагати своїм братьям культурно. Інакше вона стратила би смисл існування. Она не могла допомогти много до війни, нічого не могла допомогти в час війни. Но тепер наш народ в краю свободний від фашизму і ніхто не буде переслідувати го за свою рідну книжку і газету, і зв'язь зо своїм народним організаціям на еміграції. Тепер аж наша культурна поміч може йти вільно і явно до нашого рідного краю.

* * *

Незаперечно правда, што лемки звільнені так само, як їх братья українці в Східній Галичині, як їх славянські сусіди поляки і словаки, як всі другі славянські народи, і нашілися в одній славянській родині. Но по причині свого географічного положення, а до того політичної і культурної роздробленості, вони покаль не присоєдинені до своєї національної держави. Бо ці хто із нас називає ту національну державу Україною, ці Росією, ці Руссю, ці Світовим Союзом, то наш народ належить етнографічно, національно, мовно і культурно до східних славян і справедливості вимагала би, штобы он был присоєдинений до їх держави.

Но днеска не тото головне для наших братів в краю, а головна свобода, котру вони получили. Як свободним людям, лемкам було дано до вибору: переселитися в свою національну державу на багаті урожайні землі, о яких наш народ в Карпатах ані не мог снити, або оставатися в своїх рідних

селах. Часть нашего народа переселится, но большинство останется в своих родных селах, як сме уж вспоминали выше. Останутся свободными людьми, так само, як и их сусіде полякы и словакы, лем с том разницом, што нашы сусіде полякы и словакы будут жити в своих национальных державах, што тоты их державы будут называтися една польском, а друга словачком, тогды як лемкы не будут мати своей державы. Но и лемкы могут мати свою державу в славянской родині, як свободны люде, котры мают свою землю и свои села в непрерывной массі, если станут настолько культурными и объединенными национально, што будут мати моральне право на свой штат, свою малу державу — в объединенных славянских державах — великих и малых, в своих "Юнайтед Стейтс".

Мы-ж видиме в Соединенных Штатах Америки великы и малы стейты, а всі они ровны. Розуміеся, што така держава не потребуе особного войска и финансов на границах, бо то діло цілою славянской родины — оборона перед заграничным врагом, если такий ище найдеся, што буде загражати сильному славянскому союзу народов.

Так што лемкы днеска получили такую свободу, што они могут свободно объединитися культурно и подготавливатися политично до организации своей автономной республики в родині славянских республик. И тогды лемкы могут зограти свою роль в славянской родині народов як огниво, свя-зующе культурно — западных славян с восточными.

То ест дорога народа, який стремится до прогресса и культуры. Если лемкы пойдут по той дорогі прогресса и культуры, то им помогут всі культурны люде у других славянских народов добитися ціли.

Ест друга дорога, яка веде до вынародовления лемков, уж не под насильством других, а по причині заотсталости и недбальства самых наших людей. Бо если наш народ в краю не буде дбати за свое родне слово, за книжку и школу на родном языке, если дальше буде оставатися рostrясенным языково и культурно, то он стратится меж польском и словачком национальностью, и

то без ниякого с польской або словацкой стороны насильства, яке мало місце до войны. Нам треба знати, што и тоты новы полякы и словакы объединяти лемков не будут, бо лемкы получили национальную свободу так, як и они, штобы объединилися и шли вперед разом с другими славянами под своим именем. А если лемкы окажутся неспособными до того, то мушены будут идти рostrясенны, под разными именами.

Наш народ в краю свободный и зрównанный в правах с другими славянскими народами. В його власных руках дальше його развитие, прогресс и будова своей автономной национальной республики. В том не лем му не будут други славяне перешкод ставити, но охотно помогут, як своему меньшому брату, котрый хоче большим додержати кроку.

МОЖНА НАБЫТИ ЗЕМЛЮ В КРАЮ

При конці хочеме звернутися до тых людей на эмиграции в США и Канаді, котры мают можность вернути до краю, т. е. котрых ту не привязуе родина, а чуются ище в силах загаздзуватися на своей родной землі. Тым людям треба знати, што в нашем родном краю мож тепер легко и за малом оплатом набыти землю, так як велика часть наших родных, дагде цілыми селами, выїхали на восток, на обширны русскы земли, а свои земли оставили до распорядимости правительству. Правительство отдаст тоты земли с охотом таким нашим людям, котры повернут из эмиграции, так як у поляков и словаков земли дост, бо они перенимают свои стары славянскы земли, заграблены им даколи німцами и мадыярами.

А для нашего родного краю и його будучности мало бы то огромное значение, коли бы американскы и канадийскы эмигранты, хоц лем по двоих на одно село, вернулися до краю, осіли на землі и започали свои господарства. Мы розуміеме, што спочатку буде им тяжше приходити, бо по войні в краю час дуже тяжкий. Но с часом там буде ліпше и ліпше, а за 10—15 літ старый край стане новым краєм и материальне житя буде таке, як в Америці, а духовне — много выше.

1945 Рок -- не забуде история

Пережили сме рок, який не забуде история, як долго жити буде на землі чоловік. В истории світа не было другого такого року, в котром было бы столько великих событий, як в 1945 року. События тоты дотыкают всі народы світа и будучы покоління на многы тысячи літ. Будучы историки зазначат пережитый нами рок, як рок рождения новой еры.

1. Побіда над фашизмом

На сам перед в том року была отнесена цілковита побіда над вооруженым фашизмом, який выбрался на завоювание цілого світа и поневоление всіх народов. Фашизм поставил собі за ціль повернути світ назад, в стародавню тьму, с німецькими и японськими панами и двома миллиардами их покорных слуг. Для той ціли німецькы фашисты с Гитлером на челі и японскы самураи с Гирогито на челі, побудували страшны военны машины — земны, водны и воздушны и напали на свобододлюбивы народы, переконаны, што демократичны державы заслабы для своей обороны. Гитлер был переконаний, што он подиктуе свою волю в Москві и Лондоні, а Гирогито был переконанный, што подиктуе свою волю в Вашингтоні.

Но свобододлюбивы народы скоро признали, яка велика опасность грозит им от фашизма и объединилися духовно для обороны своей свободы. Всякы стары непорозуміния меж правительствами демократичных держав были забыты. Руководители наибольших демократичных краин, якы войдут в историю як великы люде—Рузвельт, Сталин и Черчилль подали собі руки. Они всі три виділи, што грозит світу и людству, если их державы не объединятся для обороны свободы народов и розгрома фашизма. Для людства выпало велике счастье, што руководителями в демократичных державах были в тоты страшны для нас roky великы, зрячы, мудры люде.

Правда, один из тых трьох великих людей, яким світ найбільше завдячат побіду над фашизмом—Франклин Делано Рузвельт, Президент наших Соединенных Штатов — помер ище до одержания побіды над гитлеровском Германиом и самурайском Японим. Но он оставили нам таку военну силу и

так кріпкий союз с Совітским Союзом и Великобританиом, што он померал переконанный в цілковитой побіді над фашистськими аггрессорами, и в тот день, 12 апріля 1945 року не было уж людей не лем в демократичных державах, якы бы сомнівалися в нашей побіді, но не было уж думающих людей и во вражых фашистских державах, якы бы вірили в фашистску побіду над демократиями. Лем цілком сліпы фашисты могли надіятися ище на даяке фашистске чудо.

Не знала история такого розгрома великих империй, який принюс гитлеровской Германии и самоурайской Японии рок 1945. Што Германия и Япония были могучы империи, то уж доказуе сама ціль их войны — завоювание цілого світа и диктование своей воли в Вашингтоні, Лондоні и Москві.

Тым часом вышло як раз наоборот: Вашингтон, Лондон и Москва подиктовали могучым аггрессорам свою волю, волю своих демократичных народов — в Берлині и Токио.

Німецкий и японский милитаризмы знищены. Николи больше тоты державы не будут грозити войном миролюбивым народам и их державам.

2. Фундамент тревалого мира

В 1945 року был заложенный фундамент тревалого мира. 25 апріля съіхалися в Сан Франциско делегаты 46 держав, штобы заложити тот фундамент. А 26 юня они закончили укладание Чартера Объединенных наций, чартера новой світовой организации, яка повинна смотріти за тым, штобы мир миролюбивых народов не был нарушен аггрессорами.

В 1945 року, 17-го юля встрілися в Потсдамі, коло Берлина представители трьох великих союзников — за Соединенны Штаты Президент Труман, за Великобританию Винстон Черчилль, за Совітский Союз Иосиф Сталин, где они виробили план остаточного розгрома другого фашистского аггрессора Японии, и план будучого мира. Для будучого мира они постановили знищити цілковито вооружену силу німецкого аггрессора и саму возможность вооружения на будуче. Стародавны славянскы земли німцы мушены отдати славянам.

3. Выборы в Англии

Третье великое событие в 1945 року, то несподіваний результат выборов в Английский парламент. 26 юля было объявлено світу из Лондона, што на выборах в Английский парламент Консервативна партия с Черчиллем на челі провалилася, а Робоча партия выбрала большинство депутатов, так што в Великобритании пришло до власти робоче, социалистичне правительство. Дармо Черчилль и другие консервативны діятели страшили английский народ социализмом. Английскы выборы показали, што народ в Европі уж больше не боится социализма, а хоче го.

По нашому, выборы в Англии мають огромне значение для послевоенного часу и тревоного мира. Английский народ высказался на тех выборах против нового фашизма и войны, за нову систему господаркы державными богатствами, за тревалый союз с Советским Союзом, за братство народов и равенство людей. Никто днеска не може предповісти, ци руководители английской робочей партии выполнят волю народа. Но тот факт воля ясна.

За приміром английского народа пойдут и другие народы западной Европы.

4. Атомна бомба

Шестого августа 1945 року Американский Президент Труман объявил світу, што на японский город Гирошима была скинена первая атомна бомба. А скоро после того Военное министерство США дало информацию американскому народу о той бомбе, выдержкы из котрой помещае ниже:

“Людство вступило успешно в новый век — век атома, 16-го юля 1945 року перед очами знаменитых ученых и военных людей, што собралися в пустыні стейта Нью Мексико для обсервования над первыми результатами их усилий, што стоило державі два миллиарды долларов.

Вот отособненный район воздушной базы Аламагордо в 120 милях на юго-запад от города Альбукерке. О пол до шестой години рано 16-го юля мал місце первый атомный взрыв.

С хмарного неба лял дощ и блискали блискавицы до найпоследнийшого момента потрясающей драмы.

На железной вежі было поставлено революційне оружие, якому предназначено змінити

характер войны и яка, возможно, може принести конец всім войнам. Взрыв той бомбы стал сигналом вступления чоловіка в новый физический світ.

Успіх исследования показался великим, большим, як надіялися найбільшы оптимисты. Невелика сколюкость материи — продукт цілой сіти великих специально побудованных промышленных заводов, выделил материю вселенной, што была предтым в маленьком атомі. Чоловік добился великого достижения. Спекулятивна теория в довоенных лабораториях была перетворена в практичну действительность.

На челі той части атомного проекта стоял генерал-майор Лесли Р. Гровс, а научным директором был профессор теоретической физики Калифорнийского университета д-р Ж. Р. Оппенгеймер. Йому належит честь применения атомной энергии до военных цілей.

Концовый збор атомной бомбы почался ночью 12 юля на старой фармі. В міру того, як прибывали с разных отдаленных місц складовы части бомбы, зростало напряжение среди собранных ученых. Найспокойнейшим был тот, котрому поручено собрати само “сердце” аппарата — д-р Р. Ф. Бейчер, в мирный час профессор Корнельского университета.

Перед початком зобрания бомбы помощник генерала Гровса бригадир Гомас С. Фарел подписал документ о одержанию “материи”. Подписание документа означало передание знаменитыми учеными материала армии. Концовы работы перед пробом выконувалися в сильну блискавицу.

Наибольший обсервационный пункт был установлен приблизительно 6 миль на юг от вежи, где-си в деревяно-земном схоронищу были сконцентрированы всі контрольные прилады для пробы в 10 милях от вежи на подвысшению собралися важнейшы діючы особы атомного проекта.

О 3-й годині рано группа рушила ку контрольной станции, на ей челі Гровс и Оппенгеймер. Час взрыва был назначенный на 5:30 рана.

Напряжение дошло до незначимого пункта, в міру того, як приближался рішающий момент. Напряжение убольшалось регулярными сигналами, яки повідомляли: “ище 20 минут”, “ище 15 минут” и т. д. Здавалося, што всі перестали дыхати. Перед 45 секун-

дами прийшов в рух автоматичний механізм і з того моменту почав робити великий складний механізм уже без участі людської волі.

В назначений момент сталося осліплююче світло, що освітило цілу околицю ясніше сонця. Поздніше послышалася великий протяжний гуркот і могуча фал тиснення збила з ног двох людей, що стояли коло контрольного центра. Дораз послі того різнобарвна хмара вскипіла до висоти 40,000 футів. На її путі зникали звичайні хмари.

Проба була закончена і проект оказался успішним.

Желізна вежа, на котрій була уставлена бомба, зникла, "выпарувала". На її місці был величезний кратер (яма)."

Столько из военного рапорта о той страшной силі атомной бомбы, котра презначалася для японских городов.

Треба знати, що над том бомбом працювали німецькі фашистські учени, і если бы война затяглася пять-шесть місяців, если бы русські не розгромили вчас німецьких армій на сході, а тим самим наші армії не змогли бы висадитися в західній Європі і разом зайняти німецьку землю, то німці мали бы свої атомні бомби і знищили бы цілковито Англію, с англійськими городами сталося бы то само, що сталося с японськими — Гірошімом і Нагасаки.

Недобри, що тота небесна сила родилася в формі воєнної нищительної бомби!

Американський карикатурист представив тоту силу, як радується ньюм божок війни:

"Нарешті! Атомна бомба гарантує знищити всьо!"

ДРУЖБА НАРОДОВ

Повышла фотография представляет долгожданную встречу американского и русского воинов в середине гитлеровской Германии. Старчит посмотреть на их лица, чтобы увидеть их радость по поводу закончения кровавой войны против вооруженного фашизма. Оба они думают теперь о дружбе обоих народов, бо оба розуміють, що лем дружба тых двох великих народов може забезпечити им и их дітям тривалий мир.

Но они также знают, что с разгромом гитлеровской Германии и самурайской Японии с фашизмом ище не покончено, и что його остатки стараются за всяку ціну посіяти незгоду меж побідоносными союзниками, чтобы кинути людство в нову кроваву бойню, и при новых орудиях войны далеко страшнійше знищення.

Военные преступники хотят накинута людству нову войну, но они знают, что, если Америка и Советский Союз, американский и русский народы останутся в дружбе, то войны не буде. Потому-то они стараются уничтожить дружбу народов, насамперед тых двох наибольших в світі народов.

Наша задача — не дати уничтожить тоту дружбу, а дальше ей укріпляти. То задача и тых двох воинов и миллионов их товарищ. Віримо, що тоту задачу выполним, и войны больше не буде.

Атомна сила

Наука открыла в нашей землі солнечну силу — тепло, невыгасающий огонь, який гріє сонце, силу, яка жене звізды. Тоту найбільшу природну силу открыто в земной материи, в ей атомах. О атомах мы слышали часто в бесіді, если кто хотіл поровнати найменьшу частку дачого, пожартувати над маленкостью дачого, то жартом поровнувал того с атомом.

Што ест атом?

Каждая земна материя дастся поділити на элементы. Элемент, то такий материал, што уж не дастся поділити дальше на элементы. Приміром, чисте золото, серебро, то элемент. Но элементы также складаются из маленьких частичок, котры мы уж не можеме видіти ни голым оком, ни через планый микроскоп. Атомы сут тяжшы и лекшы. Найтяжшы атомы має ураний, найлекшы газ водород.

Як маленький атом, то мож вносити о числа таких атомов в одной унции урания. Учены обрахували, што в одной унции урания находится около 100,000,000,000,000,000,000 атомов!

О атомі учены знали давно, но думали, што то послідня частичка материи, яка уж дальше неподільна. До войны, знаны французскы учены де Кюри, муж зо женом, котры открыли радий, зауважили, што атомы радия дают энергию. Позднійше профессор Ейнштейн, знаный ученый, математик и физик, предсказал, што одного дня люде запряжут основну силу вселенной працювати на себе. Но над Ейнштейном сміялися реакційны учены.

Но в 1939 року учены в своих лабораториях переконалися, што в атомі ест тотта сила, тепло, энергия, о котрой говорит Ейнштейн. Они провадили свои исслідувания над атомом урания, як найтяжшым. Они переконалися, што атом, то не послідня, неподільна частка материи, а што атом складатся также из частичок — середнього ядра и электронов коло того ядра, и если отлучати от того ядра электроны и другы частичкы, то при том освобождаются энергия, котра держала тоты частичкы в купі. Так што учены почали бомбардувати атом и розбивати го и освобождати тоту силу для чоловіка.

Німецкы фашисты запрягли своих ученых в часі войны для открытия той страшной атомичной силы для ужитку в выбуховых материалах, для атомных бомб. Довідалися о том правительства демократичных держав и, по проекту покойного Президента Рузвельта, в Америкі были побудованы специальны лаборатории и заводы коштом двух миллиардов долларов для работы над открытием той атомной силы для военного ужитку против фашистских держав.

В Америку приіхали тоты профессоры, котры працювали даякий час в Германии, и або были німцами выкинены, як “не-арийцы”, т. е. “низшой” расы, або сами, не хочачи працювати для фашизма, выіхали тайно заграницу и приіхали в Америку. Ту они взялися до працы над атомом разом с американскими учеными.

И ту, в США был открытый способ добывания атомной силы из одного элемента урания. Што тотта сила была добыта, то уж знаме, бо она была вложена в тоты бомбы, из яких одна выбухла в пустыні в Нью Мексико, друга над японским городом Гирошима, а третья над портом Нагасаки. Як описуют газеты, сила той атомной бомбы огромна.

Никто не знае, сколько ученым и инженерам удалось добыти той атомной энергии вынайденным ними способом. Но сами они признают, што выдобывание той силы тым способом, який они знают, дуже примитивне, так што тотто выдобывание не оплачатся, лем для военного ужитку, для бомбы, а не для людского ужитку. Предповідают, што за пару десятков літ будут найдены другы способы выдобывания атомной силы, не лем с урания, но с других материй, так як каждая материя має в собі атомну энергию, бо складатся из атомов.

С открытием атомной энергии починается для людства нова ера и дуже счастлива ера, тотта нова природна сила може претворити нашу Землю в правдивый рай, если чоловік дорос культурно, штобы контролювати тоту силу для ужитку людства.

Бо може быти и так, што открытие той новой силы може стати концом нашего світа, если чоловік окажется замало развитым

культурно, абы контролювати тоту найбільшу природну силу.

Открытие и выдобывание атомной силы лем для нищительных атомных бомб — грозит людству войном и знищением. Мы часто читае тепер, або слухае по радио бесіды неотповідальных людей, котры грают том атомном бомбом и грозят ньом другим. Часто мож читати в поважных американских газетах таку писанину, што раз США маюте тепер тоту атомну бомбу, то мы можеме подиктовати цілому світу свою волю и свой порядок.

Який порядок тоты люде маюте на мысли? Розуміеся, што капиталистичный порядок, так як они ненавидят социализм. Мы всі памятае выступление Черчилля спочатком августа 1945 в английском парламенті, коли он получил в своей бесіді борьбу “с коммунизмом” с атомном бомбом. Мы памятае заявление бывшего американского президента Гувера о борьбі против “коммунизма и социализма”, котры “вползают” в их капиталистичный порядок.

То люде, котры хотят новой войны, тым разом против нашего союзника Совітского Союза, потому што он является социалистичном державом и не признае у себе Черчилльового и Гуверового порядку — т. е. приватной власности на земны богатства на своей землі.

Если бы тота атомна сила, атомна бомба нашлася в руках таких завязятых капиталистов, под их контролем, то они не вагалися бы ни минути, чтобы закидати тоты державы, где при власти социалисты, тыми нищительными бомбами.

Бог сохранил нас, што німецкым фашистам не удалося вчас вынайти способ добывания атомной энергии для военного употребления, так як днеска цілый світ был бы в руинах, а над тыми руинами реготал бы страшный фашизм.

Мы боимеся, што тота атомна сила и способ ей добывания были завчасу вынайдены, коли людство ище не готово, культурно не розвито так, чтобы ей принять не для знищения, а для великой будовы и счастливого житя людей на нашей Землі.

Атомна сила може быти правдиво небесном, або дьявольском, пекольном силом. Зробити ей едном або другом — в руках чоловіка. Если чоловік настолько уж культурный, што способный покончити раз навсе

с войнами и взаимным вынищением, то оберне тоту чудесну силу для своего мирного ужитку. Если же окажется, што чоловік не дорос ище до нового світа, який открыватся с вынаходом атомной силы, то он може погибнути, знищити себе сам и всю житя на землі.

Мы побідили агрессивны нации — гитлеровску Германию и самурайску Японию, дві великы державы світа, котры взяли за свою ціль завоювание и панование над світом. Против тых двох держав боролися всі свободолюбивы народы под именем Объединенных наций. В тых Объединенных нациях руководячу роль маюте дві найбільшы державы — Соединенны Штаты Америки и Совітский Союз, два великы и миролюбивы народы — американский и совітский под руководством великого русского народа. Ни американский, ни русский народ не агрессивны народы, потому и их державы не могут быти агрессивны.

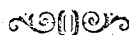
Гдекотрым американцам не подабатся Совітский Союз, потому што там инше державне и социальне устройство и инша господарка земными богатствами, што там ніт свободы писати в газетах того, што мож писати в Америкі. То правда, што в Совітском Союзі немож писати такы страшны річы о знищении других народов, як пишуते в американских газетах и страшити Америку и американский народ атомном бомбом, або даяким другим страшным оружием, знаючи, што то не агрессивный, а миролюбивый народ. Если бы там осмілился дакто позволить собі написати так по адресу Америки, як в Америкі пишуते по адресу Совітского Союза, то поставили бы го пред военный суд, як военного преступника.

Капитализма никто не може оборонити атомичными бомбами и войном. У нас в Америкі капитализм буде так долго истнувати, як долго даст американскому народу роботу и житя, ліпше житя, як дагде в социалистичной державі. Як долго в Америкі жити буде ліпше, як в Совітском Союзі, то Америкі ніт чого бояться социализма. Грозити днеска знищением социалистичной державі силом зо стороны капиталистичной державы, не може ище означати, лем признание высшости социалистичного господарства над капиталистичным.

Правду маюте тоты мудры американцы, котры бесідают и пишуते, што атомна бомба, если мы ей скрывае пред другими, чтобы

страшити ньом других и усилюватися диктовати им свою волю, так само, а може больше страшна для нас самих, так як и тоты, котрых мы усилюемеся настрашити, готовят таке саме страшне, а може ище страшнійше оружие против нам, што означало бы знижение и для нас и грозило бы знижением людству.

Най пропадут такы мысли, и тоты люде старого світа, што наводят нас на такы мысли. Мы думайме о новой природной, атомной силі, як небесной, божой силі, яка дана нам и нашим поколінням для ліпшого, счастливійшого житя от житя наших предков.

СОЛДАТ ВАСИЛИЙ ЛИПАТОВ

Ціле село проводило го в дорогу. Василий Липатов поклонился родичам в ноги, взял жминку родной земли, завернул в чисту шматку и пошел от села Чуркино на Коломну и дальше, на заход солнца.

То было в літо 1941 року. Много тогды русских людей шло в тоту сторону. Там, на грани советской земли шаліла война. По призыву товарища Сталина народ грудью вставал на защиту отчизны. Солдаты спішили на запад, на фронт.

Ненавистью наливалось сердце Василия Липатова. И чым ближе подходил он ку фронту, тым больше оно поломеніло от жажды мести. И, притискаючи до груди шматку зо жминком земли, Василий Липатов мысленно присягал:

— Не быти тому, штобы враг доптал мою землю.

Много дорог сходил за войну Василий Липатов. И все он был вірный своей присягі.

Он бил німцов под Наро-Фоминском, защищал святыню краины — Москву, брал участь в великом побоищі німцов под Сталинградом, бился за Сухиничи и Юхнов, дрался под Смоленском и Витебском. Одним из первых вступил в Оршу, Борисов, Минск, Гродно и перешол границу проклятой Германии.

Если вы придете в подразделение офицера Пачурина и звідате бойцов, ци знают они старшого сержанта Липатова, вам отповідят:

— Так, то он на границі Восточной Пруссии открыл піхоті и танкам ворота в Германию и зробил тото в білый день.

Досвідченый сапер-розвідчик, он нашол выгодне місце для устройства прохода. Минаметчики открыли сильный огонь по німецким позициям, парализовали противника, змусили го лячи на дно траншей, залісти в норы. Под прикрытием того огня старший сержант Липатов с двома бойцами подошол ку вражым заграждениям, перерізал кольчастый дрот, знял мины. Закончивши роботу в одном місці, переполз в друге, метров на 60 в сторону, и взялся за другой проход.

Три проходы зробил тогды Липатов. Знял больше сотки самых лем протитанковых мин. И всьо то дньом, под боком у противника.

Вечером почался наступ. Через липатовскы ворота в Восточну Пруссию прошла піхота, а за ней и танкы.

Среди тых, кто первым прошол через Мазурскы укріпления, был Василий Липатов. Он прокладувал дорогу піхоті через минны поля. Он огнем автомата росчищал собі дорогу.

Одного разу розгорілся сильный бой. Липатов был на правом флангі роты — с кулеметом. Німцы выбіжали зо села и кинулися в сторону кулеметчиков. Липатов пустил в рух "Максим" (великий кулемет). Німцы зауважили го и открыли встеклый огонь. Один за другим выходили зо строя бойцы кулеметного отділа.

— Держись, братцы! — сказал Липатов раненым товаришам. — Под Сталинградом тяжше было.

Родна земля! Во имя твое русский солдат Василий Липатов прошол от Волги до прусских городов. За счастье твое он проливал кров. Три ордены украсили грудь солдата: то — награда отчизны своему вірному сыну.

Капитан М. ЯРОВОЙ.

Народ-герой, народ-побідитель

Академик В. ПОТЕМКИН

I.

Потребны особливы слова, штобы говорити о значению нашей победы над гитлеровском Германием. Слова тоты повинны быти ясны и глубоки, просты и способны потрясти душу. Часом здаеся, што язык не в стані выразити чувства, котры мы переживае: мысль бессильна охватити всьо величие происходящего. Явление того понятно. Таж мы — свідки и участники грандиозных событий, котры с подавляючом силом воздійствуют на наше восприятие.

Пройдут роки, може быти десятилітія. И тогда, находячись в отдалении от событий нынѣшних дней, зможут люде отдати собі полный и ясный отчет в их всемірно историчном значению. Ище больше очевидным стане для всіх, што побѣда наша над розбойничым гитлеровским империализмом — поворотный пункт в истории людства и што явилась она закономірным етапом на том тысячелітнем пути, котрым шествовал русский народ-богатырь от своей колыбели к вершинам всемірной славы.

Уж первы кроки русского народа предвѣщали будуче величие России. Не случайны основоположники марксизма Киеву державу наименовали “державом Рюриковичей”; не даром страшилась ладей Киевской Руси горда Византия; от губительной силы русских копий и стрѣл бѣжали назад пажерны кочовники; руки русских княжен добивались владыкы могучых держав Европы; папский Рим просил русского князя о помощи крестоносцам в их походѣ против невірных. И, ставши твердыньом на пути “из варяг в греки”, Киев — мать городов русских — закладывал основы самобытной русской державности, общественности, культуры.

В своем дальнѣйшем ростѣ русский народ перемагал феодальну роздробленность и отстоювал свободу и независимость своей земли от покушений наїздников с востока и запада.

В “Слові о полку Игоревѣ” воспѣта героична борьба Руси с “погаными” — половцами. В битвах на Невѣ и в злой січі на Чудском озерѣ русскы воины-богатыри нанесли сокрушны удары пнядам и німцам. Нелегко

Руси было справитися с татарами. Но Москва, ставши сердцем русской державы, объединила вколо себе силы народа русского; операячись на них, она освободила русску землю от монгольского ига и преградила азиатским ордам дорогу к тучным пажитям и богатым городам Западной Европы.

Не лем найблизшы сусѣде Москвы, но и больше отдалены державы Европы чувствовали все возрастаюче могущество Руси. Германский император, римский папа, послы и купцы Венеции стремятся зыскати приязнь московских государей. Иван III уж величат себе царем. Он возлагат на себе шапку Мономаха, як наслѣдие византийского единогодержавия. Принцесса из рода Палеологов становится супругом московского великого князя. На Руси родится горделива мысль о Москві, як о третьом Римѣ.

Русский народ не лем вюл оборонительну войну, защищаючи свою свободу и независимость и охраняючи западну цивилизацию от азиатских варваров. В своем могучом ростѣ он роздвигал предѣлы державы Российской, присоединяючи к ним новы, жизненно необходимы земли с населявшими их народностями. Покорение Казани, Астрахани и Западной Сибири; побудование засѣчной обороны против крымских татар на южном краю Московской державы; героична борьба за Ливонию и за выход к Балтийскому морю; як пути к цивилизованому свѣту Запада, — такы найважнѣйшы вѣхы, котрыми зазначены часы Ивана IV. Наибольший из строителей Московской державы, он заложил на востоцѣ Европы основы огромной многонациональной державы. Полтора віка позднѣйше, перемогши, самозванщину, розгромивши вооруженный наїзд панской Польши, отбивши нападение шведов, воссоединивши земли Украины, — она стане могучом Российском имперіом.

За час ище полтора столѣтій империя тота буде выситися твердыньом над европейским материком. Самы грозны завбюватели — от Карла XII до Наполеона I — будут повергнуты ниц воинском силом России и гением ей полководцов — Петра, Суворова, Кутузова. Самы беспокійны сусѣде —

Турция и Польша — примушены будут смириться перед силою российского колосса и искусством його дипломатии. Духовны властители Запада — Лейбниц, Вольтер, Гримм, Дидро будут дивиться, видячи, якими великанскими кроками шествує по пути прогресса русский великан. Русска литература засият созвездием таких имен, як Радищев, Державин, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Крылов, Гоголь, Тургенев, Достоевский. Самобытну русску науку, живопись, музыку той эпохи прославят Ломоносов, Лобачевский, Козаков, Баженов, Александр Иванов, Глинка.

Вся тота мощь, всьо тото величие Российской империи творилися силами и трудами русского народа.

Русскы селяне в солдатских мундирах били шведов под Полтавом и французов на Бородинском полі и Березині. Тоты самы селяне кормили державу, строили ей города и дворцы; вырабляли товары для внутренней и заграничной торговли.

Но сам русский народ изнывал под гнетом помещиков; он мучился под тягаром державных податков; он задыхался в темноте и несправии. Однако николи не переставал любити Отчизну; ей землю он поил своим потом; за ей независимость проливал свою кровь; ей силу и величие славил в своих сказаниях и піснях.

Чужа народу державна власть не способна была опертис на його силы, дати им простор, направити их на дальшее развитие политической и господарской силы России.

Крымска война раскрыла тото дуже ясно. По поражці при Севастополі Российска империя постепенно утрачує свое попереднее могущество. Она переходит на роль сунданта сильніших европейских держав. Она становится покорным платничым процентов от заграничных пожичок. Она достарчат пушечне мясо для своих "союзников". Без огляду на воинску доблесть русского народа, она приводит го к поражениям в войнах с империалистами Японии и Германии. Таку росплату за преступления самодержавного режима народу русскому пришлось нести ище понад пол віка послі севастопольского розгрома.

II.

Велика Октябрьска социалистична революция змела гнилий буржуазно-поміщичий режим. Народны массы, повставшы під руководством большевиков, завоювали собі свободу. Власть в державі перешла в руки рабочего класса. Земля стала достоянием селян; фабрики, заводы, желізны дороги, банкы — власностью народа. Тот народ под знаменем Ленина и Сталина грудью стал на защиту своих завоеваний. Он подавил контрреволюцию в гражданской войні; он розгромил интервенцию заграничных капиталистов; он перемог господарску розруху и заложил основы социалистичного строя.

Творчим силам русского народа открытый был широчайший простор. Почался непрерывный рух Советской державы по восходящей линии — ку побіди социализма, несущего краіні невиданный ище господарский, политичный и культурный росквіт.

Поступный рух России послі Октябрьской революции не представлял собом стихийного процесса. Первый раз в истории людства развитие великанской державы подчинено было определеному плану, нарисованому отповідно принципам той науки, творцами котрой были Маркс, Енгельс, Ленин, Сталин. Тота наука марксизма-ленинизма раскрывает закономірность историчного развития; установлює тоту закономірность, она дає возможность предвидіти дальніший його ход; наконец, своих носителей она вооружат способностью активно воздіяти на историчный процесс, вносячи в него регулиуючы початки сознательности, организованности и плана.

Корифеи марксистской науки — Ленин и Сталин, большевистска партия подняли Россию на небывалу высоту. Деревяна, сельска, отстала краіна дробновластничого селянства, краіна национального несправия и гнета обернена ними в могучу индустриальну державу, в державу самого передового в світі сельского господарства, в великий союз народов, споеных нерушимом дружбом, свободно и радостно развиваючих свою культуру.

В Советской державі мал місце великий взлет народных сил. Попередны условия историчного истнования мішали проявлению беспредельной мощи народа-великана, сковували його богатырский розмах,—

напротив, новый, советский строй, советская демократия помогали сказочному росту народного могущества. Уже в прошлом, без оглядки на тяжкий гнет правящих классов, народ смог возвеличить русскую державу. Яком же силой напитал он свою родную социалистическую державу! Социалистическое преобразование страны, ликвидация эксплуататорских классов створили морально-политическое единство народа, тисне сплочение всех слоев общества на фундаменте общности интересов.

Советская держава по самой природе своей призвана служить интересам всенародным. Стержнем народной жизни стали широкие державные задачи, в разрешении которых народ восходил со ступени на ступень, открывая для себя все новые горизонты на пути политического, экономического и культурного строительства.

III

Никогда в истории держава не играла такой прогрессивной роли. Побудована гениальными строительными, она входила корнями в героическое прошлое, вершиной — в беспредельные дали великого будущего. Народ стал правдивым господаром державы: естественно ему было стараться о силе и крепости своей страны. И наоборот — силой державы вскрывались источники народной мощи, развертывалась неисчерпана инициатива масс.

Советская держава стала гигантским генератором энергии, движущим историю волею двухсотмиллионного народа. И стоило фашистским варварам посягнуть на нашу землю, как вся нагромождена в советском строю сила выбухла ударом блискавицы, поразившей врага.

Встеклый фашистский пес, кинувшийся на Советскую страну, забыл ее прошлое, не понял ее настоящего, не взял уроков своей собственной истории. Он не доглянул того, что за последнюю четверть века тот народ, и преданным всемирно прославленный своей мощью и доблестью, вырос в правдивого великана, тысячекратно умножил свою силу, стал несокрушимым оплотом против всякого покушения на его свободу, независимость и мир.

Невежественный фашистский ефрейтор не прислушался до голоса тех державных людей Германии, которые все предостерегали

свою страну против войны с Россией. Он не поверил, что, в предвидение разбойничьего нападения империалистов, великий Сталин побудовал в своей стране могучую военную промышленность, створил Красную Армию — единую в мире правдивое народное войско, вооружил ее полководцев своим гениальным науком побеждать. За все это и понес расплату немецкий фашизм.

Поражение германского империализма в сражении с народом-героем, народом-победителем была неunikнена. О том с незапамятных времен сказано было товарищем Сталиным уже в самом начале Отечественной войны. "Разгром немецких империалистов и их армий неunikненный," — заявил наш вождь. Иного исхода и быть не могло. Не по плечу гитлеровской Германии и ее помощникам было бороться с краем Великой Октябрьской социалистической революции — державой нового типа, побудованной на принципах социализма, правдивой демократии, братской дружбы населяющих ее народов.

Фашистская Германия несла народу рабство, руину и гибель. Тот понял свободулюбивые народы, которые в союзе с Красной Армией поднялись на защиту своего житья, независимости и цивилизации. Немецкий фашизм не выдержал той встречи. Он поверженный во прах и покрытый вечным глумом.

Советский народ принял великие жертвы во имя свободы и независимости своей страны. Он выдержал такие испытания, которые были бы не под силу никакой державе капиталистического мира. Потому и торжество наше многие из современников-иностранцев готовы признать чудом. Беспременно, история не знает другого такого примера. Но он говорит нам о одном. Народ, который завоевывал себе правдивую свободу, народ Ленина и Сталина, народ, руководимый партией большевиков, построивший социализм, створивший свою Красную Армию, — способный совершить то, что не под силу никому другому.

Победа наша имеет величайшее историческое значение. Разгром немецкого империализма открывает миру широкий путь свободы и прогресса. Народ-победитель, народ-герой показал непреодолимую силу Советской страны. Как знаменосец, он ведет за собой перелом человечества.

Население Советского Союза

Н. Н. МИХАЙЛОВ

“У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе людских сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы створить naprawdę могучую и обильную Русь.”

(В. И. Ленин).

* * *

Велика наша Отчизна и богата дарами природы — и минералы, и плодородны земли, и леса, и энергия вод — остались бы мертвыми, если бы их не оживили своим трудом люди.

Куды бы мы ни взглянули, всяди увидим труд наших людей, труд народа. Вот высятся новый город — он побудованный людьми, цегла за цеглом, рок за роком. Вот роскинулось поле — оно выхожено людьми: борозда за бороздом, покоління за поколінням. Вот тянется железная дорога — она проложена людьми: каждый метр пути выровнанный, каждая шпала зрублена, каждый рельс пропущенный.

Советский строй освободил наших людей от подневольного труда на помещиков и капиталистов. В нашей стране труд свободных советских людей стал делом их чести и славы, доблести и геройства.

Организованный и управляемый советской властью и коммунистическим партией, он — творец всех наших материальных и культурных ценностей, жерело нашей силы.

Сколько-ж людей живет в СССР? У нас в 1940 году числилось 193 миллионы людей — намного больше, как в дакотрой зо самых великих краин Европы и Америки. Есть лем дві країны в світі, где население больше, как у нас, — то Китай и Индия.

Внаслідок високої рождаємості и низкой смертности детей население СССР по віковому складу много молодше, как в других краинах. По довоєнним даним, молодших от 19 літ в СССР было 45 процентов населения, а США — лем 39 процент, в Англії — 30 проц. Вычисления показали, што понад 54 процент населения СССР родилося уж послі Октябрьской революции; если прибавити ку тому тих, кому в 1917 року было меньше как 8—10 літ, то оказується, што боль-

ше як 2/3 населения СССР николи не знало, што таке капиталистичный порядок, не дознавало експлоатации.

Население розпреділено по території СССР нерівномірно. Средняя по Союзу густота населения ровняется около 9 людей на 1 квадратный километр.

Найбільше населены районы юго-запада и центра Европейской части СССР, где місцями живе больше як 100 людей на 1 квадратный километр.

В Азиатской части СССР больше заселена смуга вытянута вздож Сибирской железнодорожной магистрали. Ку северу от железной дороги, в районах тайг, население дост рідке, а чым дальше на север, тым рідше. В Средней Азии рядом с орошанными місцями — оазисами, где густота населения часто превышает 100 и больше людей на 1 квадратный километр, находятся и обширы пустынь и гор с густотой населения меньше, як 1 чоловік на 1 квадратный километр.

В роки советской власти на востоке Союза с великом промышленном розбудовом густота населения непрерывно росте. Но нами ище не рішена до конца задача заселения и освоения огромных и дуже богатых районов на востоке и северо-востоке. Природны богатства, скрыты там, требуют приложения смілых и умілых людских рук. Безмірно велике поле діяльности для нашей молодежи, немало ище в нашей краині місц, где ей где захоплюющий труд освоения.

Наша країна — країна много-національна. В Советском Союзе живе около 60 великих націй, национальных групп и народностей. Крім того, у нас числится поверх сотки невеликих национальных групп и племен — всього лем попару тысяч людей и даже меньше.

Всі народы в СССР полностью равноправны, их скріплят братська, сталинска дружба.

Больше половины населения СССР — русскы (великороссы). По переписи 17 января 1939 року великорусскы числили 99 миллионов, т. е. 58.41 процент населения СССР. Русскы творят основну массу населения в центральных, северных и частично южных районах Европейской части СССР, а также

на Уралі, в Сибіри и на Дальнем Востоці. Немало русских жие и в других частях Союза.

На югі и юго-западі Совітского Союза жиют украинцы (по переписи 1939 року — 16.56 проц. населения СССР) и молдаване, на западі — білоруссы, литовцы, латышы и естонцы, на сіверо-западі — карелы и финны.

На сівері и сіверо-востоці Европейской части СССР жиют, кроме русских, народы коми и ненцы, а на востоці — татары, башкиры, чувашы, марийцы, мордовцы.

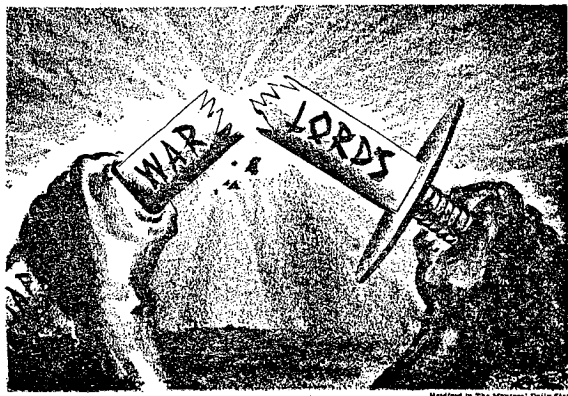
На Кавказі жиют грузины, азербайджанцы, армяне, русскы, осетины, кабардинцы, абхазцы, аджарцы.

В преділах Казахстана и союзных республик Средней Азии жиют казахи, узбеки, таджики, туркмены, киргизы, русскы.

В Сибіри и на Дальнем Востоці кроме русских жиют бурят-монголы, ойроты, хакассы, на сівері — якуты, евенки, манси, ненцы, чукчы, коряки и другие.

Разнообразна национальна культура совітских народов, их господарство, язык. Но всі наши народы влялися в едину союзню краину. Народы Совітского Союза горячо любят и самопосвятно защищают свою велику Отчизну-мать.

Побіда Великой Октябрьской социалистической революции и побудование социализма в нашей краіні коренным образом змінили классовый склад населения СССР. Совітское общество складатся из двох приятельских классов — рабочего класса и селянства, а также интеллигенции. У нас трудятся всі. Каждый трудится по своим способностям и получают по своему труду. Тото и значит, што в нашей краіні осуществленный социализм — перва фаза коммунизма.

ВНУКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Розвідчики наступающих войск Красной Армии при конці октября 1944 року в Югославии, проникли в село Новы Бецеж, штобы розвідати німецку оборону и пункты концентрации. Недалеко того села они встрітили людей, які говорили по-русскы. Они дали цінны відомости о врагу, котры помогли русским занять село. Кроме того они помогли красноармейцам побудувати понтонный мост через ріку Тису и достали коней для перевозки материалов. Совітскы солдаты и офицеры заинтересовались своими новыми друзьями и звідали их, кто они. Они оказались внуками великого русского писателя Льва Толстого, другого сына писателя, котрый помер в США в 1930 року.

Один из них, Владимир Толстой, заявил красноармейцам:

“Жиючи в Югославии, я уважно слідил за событиями в России. Тота война показала силу Совітской России. Я ждал Красну Армию и старался помочь ей в ей операциях и в установлению связи с партизанами.”

И направиу, Владимир Толстой оказал велику помоч русским войскам. Коли совітскы войска повели офензиву на Новы Бенеж, он присоединился до передовых отділов, як проводник. Отступающий враг знишил переправу через канал. Владимир Толстой помог найти потребны материалы для будовы понтонного моста. Бойовы припасы, артиллерия и минометы были переправлены на час через ріку.

Братья Толсты показали запасы, покинуты врагом, и помогли достати поживу и фураж для Красной Армии. Они были связаны с подпольными вождями югославского освободительного руху.

Лев Толстой, великий чоловіколюб и патриот воплотил в своем творі “Война и Мир” основны рисы русского народа — геройов Отечественной войны против Наполеона. Отечественна война совітских народов против німецко-фашистских наїздников нашла внуков великого писателя на своем патриотичном посту.

СТАЛИН

До войны не многим людям за границами Советского Союза было ясно, чом советскы люде, соткы миллионов жителей той державы так величают и славят Сталина. И не дивно. За границами Советского Союза мало людей знало, што зробил для той державы Сталин, што то под його мудрым руководством стара Россия перетворювалася и перетворилася в модерну народну индустриальну державу с индустриальным механизированным земледелием, в перву социалистичну державу світа — непобедимую народную державу.

Генералиссимус И. В. СТАЛИН

Як под руководством гениального революционера и великого ученого В. И. Ленина была проведена Велика русска народна революция и был выробленный великий план будовы социалистичной державы, так под руководством гениального И. В. Сталина была тота народна социалистична революция оборонена пред ей сильными врагами, и тот великий план социалистичной будовы проведенный.

До советско-німецкой войны многим за границами Советского Союза не могла быть ясна работа и гениальность Сталина, тым больше, што врагы народа старались всякими способами очернить тоту перву в світі социалистичну державу и ей руководителей. А што головным руководителем той первой социалистичной державы был Сталин, то они старались чернить наибольше його. Треба было быти свідомым работником, таким, штобы распознати меж приятелями народа його врагов, хоц як бы они скрывалися, штобы не поддаться пропаганді против той первой социалистичной державы.

Но минувша война против гитлеровской Германии и самурайской Японии, война против вооруженного до зубов світового фашизма выявила світу велику силу первой народной, социалистичной державы и гениальность Сталина, не лем як будовничого той державы, но и як гениального военного организатора, стратега и полководца. То Сталин, як Главнокомандующий Красной Армии и глава советской державы организувал величайшу побіду, яку знала история, то он выробил стратегичный план розгрома німецкой военной машины на русских землях, той военной машины, яка уходила за непобедимую в цілом світі до ей розгрома Красном Армию под Москвом и Сталинградом.

Так што днеска уж каждый знае, кто такой Сталин на самперед для Советского Союза, а затым для цілого світа. Днеска уж каждый знае, чом народы Советского Союза так величали и славили Сталина до войны, величали и славили в часі войны, величают и славят послі наибольшей военной побіды, яку даколи знала история.

И тот великий чоловік не походит из дакого "избранного" народа, из "высшой" расы, яком хвалятся німцы. Ани он не походит с "высшого" класса, зо шляхты, яка хвалится своим "шляхетским" происхождением и требует для себе специальных привилегий. Сталин сын малого народа и сын бедного ремесленника и селянки, а належит до наибольших людей в истории.

СТАЛИН (Джугашвили), Йосиф Виссарионович, родился 21 декабря 1879 року в городі Гори, Тифлисской губернии. Отец його — Виссарион Иванович Джугашвили, по национальности грузин, походил с селянской родины села Диди-Лило, Тифлисской Губернии, по профессии швец, потом работник обувной фабрики Адельханова в Тифлисі. Мати — Екатерина Георгиевна Джугашвили — из родины панщизняного селянина Геладзе села Гамбуареули.

Осенью 1888 року Сталин поступил в Горийске духовне училище. В 1894 року Сталин покончил училище и поступил того самого року в Тифлиску духовну семинарию.

В России в тоты роки на грунті розвития промышленного капитализма и роста рабочего руху почала ширитися наука Карла Маркса, звана марксизмом. Створений и руководимый Лениным петербургский “Союз борьбы за освобождение рабочего класса” усилил развитие социал-демократичного руху по цілої країні. Фали рабочего руху докотилися и до Закавказья, куды уж проник капитализм, где сильный был национально-колониальный гнет. При конці XIX столітия капитализм почал быстро розвиватися в Закавказзі, експлуатуючи рабочих и селян, и угнетаючи национальности. Особливо быстро розвивалася на Кавказі добыча нефти, где основны позиции захопил заграничный капитал. С появлением желізных дорог и первых фабрик и заводов на Кавказі появил-ся и рабочий класс. Особливо быстро розвился город Баку, як центр нефтяной промышленности и рабочий центр на Кавказі.

Розвитию промышленного капитализма товаришил рост рабочего руху. Тифлисска духовна семинария была тогда россадником всякого рода освободительных идей среди молодежи. Пануючий в семинарии езуитский режим вызывал у Сталина бурный протест и усиливал в нем революционный дух. Пятнадцатичоточный Сталин стае революционером.

В 1896-97 роках Сталин стоит на челі марксистских кружков семинарии. В августі 1898 он и формально вступат в тифлискую организацию Российской социал-демократичной партии. Сталин много и упорно працюе над собою. Он читат и выучуе творы Маркса и Енгельса, знакомится с творами Ленина. Уж тогда Сталин почал высоко цінити Ленина, знаючи го лем по його творах.

Разом с працом над своим образованием, Сталин веде организационну и просвітну роботу в рабочих кружках, бере участь в нелегальных рабочих митингах, пише летучки, организуете страйки. То была первая школа революционной практичной работы.

В семинарии починают догадыватися о нелегальной революционной работі Сталина. 29 мая 1899 його исключают из семинарии за пропаганду марксизма. Даякий час Сталин жиє из лекций, а потом поступат на работу в Тифлиску физичну обсерваторию, но ни на хвильку не перестает революционной работы.

Уж в тоты часы Сталин — один из самых энергичных и вызначных работников тифлисской социал-демократичной организации.

Коли в декабрі 1900 року почала выходить ленинска “Искра”, Сталин цілком стал на ей позиции. Сталин дораз увиділ в Ленині творца правдивой марксистской партии, вождя и учителя.

“Знакомство с революционной діятельностью Ленина с конца 90-х роков и особливо послі 1901 року, послі издания “Искры”, — говорит Сталин, — привело мене до переко-нания, што мы маме в особі Ленина чоловіка незвычайного. Он не был тогда в моих очах простым руководителем партии, он был ей фактичным творцом, бо он один понимал внутренню сущность и неотложны нужды нашей партии. Коли я зровнувал його с остальными руководителями нашей партии, мі цілый час здавалося, што соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и дру-гы — стоят ниже Ленина на цілу голову, што Ленин в поровнанию с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбі и сміло ведущий вперед партию по незбаданным путям русского революционно-го руху.”

Сталин проникся безграничным віром в ленинский революционный гений и пошел по пути Ленина. Он николи не скручивал с того пути, а послі смерти Ленина сміло и увіренно продолжат його діло.

Пришел экономичный кризис. На Кавказі, под влиянием рабочего руху в России и работы социал-демократов в Тифлисі в 1900-1901 роках нарастат фаля экономичных страйков, які охоплюют одно предприятие за другим. В августі 1900 р. почался вели-

кий страйк робочих залізничних варшавців і депо. В той страйку активну участь приймає висланий із Петербурга на Кавказ М. І. Калінін. 22 квітня 1901 р. в центрі Тифліса організується першомайська демонстрація. Сталин — організатор і керівник цієї демонстрації. Тодішню демонстрацію ленинська «Іскра» оцінила як подію історичну для всього Кавказу.

Наляканий ростом революційної боротьби закавказських робочих, царське правління посилює переслідування, рахуючи таким способом згнати робочий рух. Вночі 22 березня 1901 року поліція зробила ревізію в фізичній обсерваторії, де жив і працював Сталин і записав його в свій список, як небезпечного. Так що він змушений був працювати далі як підпольний революціонер аж до лютийської революції 1917.

З вересня 1901 року почала виходити нелегально перша робоча газета на Кавказі на грузинській мові під назвою «Брджола» («Боротьба»), котра проводила ідеї ленинської «Іскри». Одним із засновників і співробітників цієї газети був молодий Сталин. Того самого року 11 листопада відбулася конференція тифліської соціал-демократичної організації, на якій був обраний Тифліський комітет РСДРП (Русської Соціал-Демократичної Роб. Партії). В комітет ввійшов Сталин. Комітет відсилає його на роботу в Батум, третій за величиною робочий центр на Кавказі. Там Сталин організує робочих, веде їх боротьбу на заводах Ротшильда і Манташева, організує революційну пропаганду в селі. Сталин засновує в Батумі соціал-демократичну організацію, засновує Батумський комітет РСДРП. 9 березня 1902 року Сталин організував знамениту політичну демонстрацію батумських робочих. Після цієї демонстрації Сталина арештують, на деякий час тримають в'язнем, а в листопаді 1903 року відсилають на три роки в Східну Сибір, в Іркутську губернію, в село Нова Уда. Там Сталин залишається недовго, бо вже на третій місяць біжить і повертається знову на Кавказ.

* * *

За той час, за який Сталин перебував в'язнем і в Сибірі, відбувся II з'їзд РСДРП, який прийняв революційну програму Леніна. Проти Леніна і його програми виступають меншевики всередині партії, так що Ленін бачить вихід в світ III з'їзда,

який би покінчив з шкідливим роботою меншевиків. Боротьба за з'їзд стала тепер головним завданням більшовиків.

Вірним опорою Леніна в цій боротьбі на Кавказі був Сталин, який стояв на чолі закавказських більшовиків. Він об'їждив Кавказ, зміцнював старі і засновував нові партійні організації. В той самий час Сталин організує страйк бакинських робочих (13 до 31 грудня 1904), який закінчився заключенням першого в історії робочого руху Росії колективного договору з нафтопромисловцями. Така перемога робочих на Кавказі мала великий вплив на робочий рух в Росії.

Сталин не тільки організував робочих, він був їх вчителем, редактором, письменником. Організація створила свою підпольну типографію в Тифлісі, де друкувалися роботи Леніна, як «Революційна демократична диктатура пролетаріату і селянства», «До сільської бідноти», як також брошури Сталина, листівки, газети «Боротьба пролетаріату» і «Листок боротьби пролетаріату». Редактором «Боротьби пролетаріату» був Сталин. В своїх творах і статтях Сталин показав незвичайний талант.

* * *

В грудні 1905 року Сталин їде як делегат від закавказських більшовиків на першу Всеросійську конференцію в Таммерфорсі (Фінляндія). На цій конференції перший раз зустрілися особисто Ленін і Сталин. Наступного року Сталин активний учасник IV з'їзда РСДРП (Стокгольм, квітень 1906), де разом з Леніном відстоював проти меншевиків більшовицьку лінію в революції.

В квітні-травні 1907 року відбувся V (Лондонський) з'їзд РСДРП, який закріпив перемогу більшовиків над меншевиками. Сталин — активний учасник з'їзда. Повернувшись після з'їзда, він публікує справоздання про його роботи — «Записки делегата», в яких дав оцінку рішенням з'їзда, захистив більшовицькі ідеї і тактичні позиції, розкрити буржуазну лінію меншевиків в революції і їх ліквідацію в відношенні партії, показав класову природу меншевизму, як дрібнобуржуазного політичного руху.

* * *

Перша російська революція (1905) завершилася поразкою. Між кінцем першої і по-

чатком другой революции прошло 10 літ, за час котрых большевики героично, самопосвятно и упорно организували массы, выховували их в революційном духі, ковали грядучу побіду революции.

Для Ленина и Сталина то были роки непримиримой брьбы за сохранение и укріпление революційной партии, за проведение большевистской линии в новой обстановкі, роки напряженной работы и упорной борьбы с царском полициом. Царизм чувствовал, што в особі Сталина он має діло с великим революційным діятелем, и всякими способами хотіл позбавити Сталина можности вести революційну роботу. Аресты, тюрьмы и ссылка в Сибирь слідували одно за другим. С 1902 до 1913 року Сталин был арестуваный осем раз. Не успівали царскы слугы водворити Сталина в нове місце ссылки, як он знов біжит и знов на “волі” куе революційну енергию масс. Лем из послідной ссылки освободила Сталина февральска революция 1917 року.

* * *

В апрілі 1917 року, послі долгого выгнання, вернувся в Россию Ленин. Вість о приїзді любимого вождя революции была встрічена русскими рабочими с великом радостью. Навстрічу Ленину, на станцію Белостров выїхал Сталин с делегациом рабочих. Встріча Ленина на Финляндской желізнодорожной станции была могучом революційном демонстрациом. На другой день послі приїзда Ленин выступил со своим гениальным планом борьбы за переход от буржуазно-демократичной революции до революции социалистичной. Тезисы Ленина дали партии нову ориентировку в новых условиях борьбы послі скинениа царизма. 24 апріля 1917 року открылася VII конференция большевиков, в основу работ котрой вошли ленинскы тезисы. Апрільска конференция повела партию на борьбу за переростание буржуазно-демократичной революции в социалистичну.

На конференции Сталин, отстоюючи линию Ленина, дал рішительный отпор скрытым защитникам капитализма Каменеву и Рыкову. Сталин выступил на конференции с докладом по национальному вопросу. Розвиваючи марксистско-ленинску линию в национальном вопросе, Сталин обосновал большевистску национальну политику, отстоювал право наций на самоопреділение и

творение самостоятельных держав. Ленинско-сталинска национальна политика обеспечила партии поддержку угнетенных национальностей в Великой Октябрьской социалистичной революции.

В маю 1917 року, послі конференции, творится Политбюро ЦК. Сталин выбранный як його член. С того часу до днешного дня Сталин незмінно выбератся членом Политбюро ЦК. Партия, на основі рішень Апрільской конференции, розвиват огромну роботу по завоюванію масс, по бойовому их воспитанию и организации.

В тот трудный период революции, коли события стремительно шли вперед, требующи от партии мудрой тактики, Ленин разом со Сталиным руководит борьбой масс.

Ленин и Сталин сміло и увіренно, твердо и осмотрительно вели партию и рабочий класс на социалистичну революцию, на вооружене восстание. Ленин и Сталин — вдохновители и организаторы побіды Великой Октябрьской Социалистичной революции. Сталин — найближший помочник Ленина. Он непосредственно руководит всім ділом подготовки повстанія. Сталин вызывает к собі представителей районных и областных организаций и дае им инструкции и бойовы задачи. 16 (29) апріля Центральный Комитет избрал Партийный центр для руководства повстаніем на челі со Сталиным. Под руководством Сталина вырабатятся план повстанія и намічатся самый термин. Вчас рано 24 октября Керенский выдал приказ закрыть центральный орган партии “Рабочий путь” и послал броневики ку помещению редакции и типографии “Робочого пути”. Но до 10 години рано по указанию Сталина красногвардейцы и революційны солдаты оттіснили броневики и установили охрану у типографии и редакции. До 11 години вышел “Робочий путь” с написаном Сталиным передовом статью “Что нам нужно”, яка звала массы скинути буржуазне Тымчасове правительство. Одночасно, по указанию Партийного центра, были подтянуты ку Смольному отряды революційных солдат и красногвардейцов. Повстаніе почалося и побідило в тот сам день. Вечером 25 октября открылся II съезд Совітов, передавший всю власть Совітам.

Сталин вошел в первый Совіт народных комиссаров, выбранный на челі с Лениным

послі побіди Октябрьської революції на II Всеросійському з'їзді Совітів.

С перших днів існування Совітського уряду до 1923 року Сталин — народний комісар по ділах національностей. Он безпосередньо руководив цілою роботою партії і Совітської влади в ділі розрішення національного питання в СРСР. Он написав історичну "Декларацію прав народів Росії", яка проголосила нову еру о взаємних відносинах між народами: на зміну відносинам панування і підкорення, гніту і насильства прийшла рівність, братська довіра і дружба між народами СРСР. Під керівництвом Леніна і Сталина робочі і селяни на місці царських колоній створили вільні і квітучі Совітські республіки. Ніт ні однієї совітської республіки, в організації котрої Сталин не брав активної і керівної участі. Сталин керує боротьбою за Українську совітську республіку, керує ділом створення Білоруської республіки і Совітських республік в Закавказжі і Середній Азії, допомагає численним національностям Совітської країни створити свої автономні совітські республіки і області. Ленін і Сталин — натхненники, організатори і творці великої Совітської Союзу.

* * *

Скинені Російським соціалістичним революційним російськими поміщиками і капіталістами почали змовуватися з капіталістами інших країн о організації воєнної інтервенції проти країни Совітів. Вони поставили собі за мету розгромити робочих і селян, скинути Совітську владу і поневолити знов Росію. Почалася громадянська війна і інтервенція. Совітське уряду оголосило соціалістичне отечество в небезпечності і призвало весь народ до боротьби. Партія більшовиків підняла робочих і селян на отечественну війну проти закордонних наїздників і білогвардійців.

Весною 1918 року англо-французькі імперіалісти організували бунт корпусу чехословаків, сформованих з воєнноплінних австро-венгурської армії. Виступлення чехословаків, висадка англійського десанту в Мурманськ — розв'язали всі сили контрреволюції. Бунт чехословаків мав місце в критичний момент. Країна ледь що врятувалася з тиску імперіалістичної війни. Господарка капіталістів і поміщиків довела

країну до катастрофи. Робочі столиці отримували не більше як осму частку фунта хліба в день. Республіка була відрізана від українського і сибірського хліба. Оставалася ледь одна область, звідки можна було достати хліб, т. є. Поволжський край і Східний Кавказ, дорога від котрої проходила через Царицин (днеска Сталинград). Спасати революцію можна було ледь добившись хліба. Сталин був командований Центральним Комітетом партії на юг з надзвичайними правами керівника життя на юзі Росії.

6 червня 1918 року Сталин з відділом робочих приїхав в Царицин. Об'єднання в однієї особи прозорливості політичного керівника і таланту полководця дозволило Сталину розграти роль Царицина, як місця головного удару з боку контрреволюції. Взяття Царицина відріжало б республіку від останніх хлібних ресурсів, від бакинської нафти, дозволяючи білим об'єднати донську контрреволюцію з чехословаком і спільним фронтом йти на Москву. Треба було за всяку ціну утримати Царицин. Очищивши залізною рукою місто від ворогів революції, добившись і пославши в голодаючі столиці значну кількість життя, Сталин взявся за оборону Царицина. Безпощадно ламаючи опір контрреволюційних спеціалістів, присланих і підтримуваних Троцьким, Сталин швидкими і рішучими діями реорганізував розлютовані відділи, пришвидшив прибуття відділів Ворошилова, які стали ядром нової сформованої X армії. Залізна воля і гениальна прозорливість Сталина відстояли Царицин, не дали білим прорватися в Москву.

30 листопада 1918 року був утворений Совіт робочий і селянський оборони на чолі з Леніном для керівництва цілою роботою оборони на фронті і в тилу, мобілізації промисловості і транспорту, мобілізації всіх ресурсів країни. Представителем від ВЦИК в Совіт оборони був обраний Сталин, який став фактично заступником Леніна.

В кінці 1918 року з боку Сибіри наступав Колчак, щоб об'єднатися з англійськими військами, які наступали з сходу. Для затримання був посланий Сталин, котрий швидко відновив становище на сході. Червоні війська почали громити Кол-

чака, отрізаного от союзников и на югі и на сівері.

В маі 1919 року почал наступ на Петроград генерал Юденич, поддержанный английским флотом. И на фронт Центральный Комитет послал Сталина. Он ликвидувал загрозу Петрограду.

Літом 1919 року Сталин працює на западном фронті, в Смоленскі, організуючи отпор полякам. Антанта, розбита в первом поході, підприємляла другий поход, втянувши в него, крім білих войск и своих отрядов, армии малых пограничных с Россиом держав, до котрых належала и Польша Пилсудского.

В тот сам час Деникин захватил Донбасс и вдерся широким фронтом на Украину. Троцкий зрадничо розвалил роботу на южном фронті. И на тот фронт был посланный Сталин для организации победы над Деникиным. Прогнавши зо штабов ставленников Троцкого и потребувавши невмешування Троцкого в діла фронта, Сталин откинул преступный план прорыва деникинско-го фронта от Волги на Новороссийск и выробил свой гениальный план борьбы, котрый предвиділ головной удар на Деникина через Харьков—Донбасс—Ростов, чтобы россічи армию контрреволюции на дві части. Тот план обеспечивал быстре продвижение Красной Армии по району с рабочими центрами, где население ждало Красну армию, где была густійша сить желізных дорог. Тот план освобождал разом с тым Донбасс, який обеспечивал краину топливом.

План Сталина припровадил до цілковитой поражения Деникина.

Из той початковой биографии Сталина видиме, што уж тогда он показал свой огромный организаторский и военно-стратегический талант. Заслуги Сталина на фронтах гражданской войны были назначены по инициативі Ленина постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 ноября 1919 року, в котром сказано:

“В минуту смертельной опасности, коли оточена зо всіх сторон тісным перстеном врагов, Совітска власть отбивала удары неприятеля; в минуту, коли врагы Робоче-Селянской Революции в юлі 1919 року подступали к Петрограду, в тот тяжкий для Совітской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на бойовой пост Йосиф Виссарионо-

вич Джугашвили (Сталин) своим энергием и неустойчивым роботом змог сплотити дрогнувшы ряды Красной Армии. Будучи сам в районі бойовой линии, он под бойовым огнем, личным приміром воодушевлял ряды борцов за Совітску Республику. В зазначеніе його заслуг по обороні Петрограда, а также самопосвятой його дальшой работы на южном фронті, Всероссийский Центральный Комитет постановил наградити И. В. Джугашвили (Сталина) орденом “Красного Знамени”.

Творцом Красной армии — первой в світі Червеной армии, армии освобожденных рабочих и селян, армии братства меж народами совітской краины, армии, выхованой в международном духі; — была партия большевиков на челі с Лениным и Сталиным. Ленин и Сталин непосредственно руководили ділом обороны краины разом с ліпшими діятелями большевистской партии.

Беспосередным вдохновителем и организатором важнейших побід Красной армии был Сталин. Имя Сталина связано зо самыми славными побідами Красной Армии за час гражданской войны и интервенции.

* * *

Діяльність Сталина мож поділити на три периоды: в революции, в будові социалистичной державы и в Отечественной войні.

Первый период революционной діяльности Сталина представленный по “Краткой биографии” Сталина (1942 — ГОСПОЛИТ-ИЗДАТ), из котрой выняты важнейшы діла и заслуги Сталина для великой революции и побіды над контрреволюциом и заграничными интервентами.

Но сама, социалистична революция без перебудовы старой заотсталой краины в нову индустриальну державу не мала бы успіха. Тото знали Ленин и Сталин, и Ленин не раз говорил и писал, што для цілковитой побіды социалистичной революции стару Россию, яку перебрало совітске Правительство, треба перетворити в перворядну индустриальну державу с социалистичным индустриом и социалистичным земледілием.

И в той именно перебудові держвы — головна заслуга Сталина для Совітского Союза, так як по смерти Ленина (12 января, 1924 року), Сталин перебрал руководство в Совітской державі. Лем такой мудрый и твердый чоловік, як Сталин, лем чоловік, котрый тішился таким довірием народных

масс, як предтым Ленин, мог перевести тоту гигантску роботу индустриализации и коллективизации, поборовши всіх врагов социалистичной будовы, внутренних и заграничных. Ленин и Сталин предвиділи военный напад капитализма на первую социалистичну державу, и знали, што если она не буде мати силы оборонитися, то буде знищена. Но без высокорозвитой индустрии держава не могла мати оборонной силы. То виділи лидеры первой социалистичной державы. И потому Сталин постановил приложить головну роботу для проведения индустриализации, для проведения головного плана индустриализации, котрый складался с пятилітних планов.

Завдяки проведению пятиліток, Совітский Союз стал сильным державом и змог розгромити фашистску вонну машину, яка выбралася на завоювание Совітского Союза, поневоление не лем русского, но всіх совітских, всіх славянских народов, маючи в дальшом плані завоювание цілого світа и поневоление всіх народов. Завдяки твердості и вытревалости совітского народа и стра-

тегичному гению Сталина, фашизм был розгромленный на русских землях и його военна сила знищена в його берлогі, в Берлині.

Весь Совітский Союз знал гениальность Сталина, не лем як революционера, великого будовничого совітской державы и ей индустрии, но и як гениального полководца. И коли німецка военна машина напала на Совітский Союз, Сталин был назначеный Предсідателем державного комитета обороны, потом Главнокомандующим Вооруженных сил СССР. В 1943 року Сталин был назначеный Маршалом Совітского Союза, а в 1945 року Генералиссимусом.

6 ноября, 1945 року, Верховный Совіт СССР наградил Сталина орденом Суворова первой степени, за правильное руководство операциями Красной Армии в дни Отечественной войны.

Заслуги Сталина в Отечественной войні, його стратегичный гений, будут розберати будучи историки и ставити го на первом місці, як военного гения в другой світовой войні. Як державный муж и ученый — Сталин, то Ленин сегодня.

Военна Рада в декабрі 1941, пред розгром ом німцов под Москвом. (Сталин и Жуков)

Битва под Курском

5-го августа 1943 року в Москві первый раз прозвучал салют Победы. Столица Советского Союза зазначала великий успіх, достигнутый войсками Красной Армии в одной из наибольших битв Отечественной войны — в битве под Курском.

В тот день был завершений розгром орловской группировки немцев и освобожденный Орел. Одновременно войсками Красной Армии был взятый Белгород, што означало прорыв вражой обороны на Белгородско-Харьковском направлении.

Товариш Сталин в своем докладе 6 ноября 1943 року говорил, што поражение немецких войск на нашем фронте к исходу того року была предришена двома важнейшими событиями: битвом под Сталинградом и битвом под Курском. "Если битва под Сталинградом предвещала упадок немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ей перед катастрофом."

Вовсе не случайно, што решающая битва 1943 року отбылася в районе так званого Курского выступа и охватила в дальнейшем районы Орла, Белгорода и Харькова. Захваченный нашими войсками тот выступ, глубоко вклиненный в расположение противника, был исключительно выгодным плацдармом для развертывания наступательных действий Красной Армии. Немецкое командование само называло выступ "воротами для вторжения советских войск на Украину." Наши войска, энергично готовячи выступ к обороне, в тот сам час вели деятельную подготовку к великой летней наступательной и насамперед — к разгрому орловской и белгородско-харьковской группировок врага.

После того страшного разгрома, котрому подлягла гитлеровская армия под Сталинградом, положение ей оказалось дуже тяжелым. Армия понесла колоссальные потери, утратила стратегическую инициативу и на целом советско-германском фронте примужена была перейти до обороны.

Однако полный отказ от наступательной стратегии не устраивал гитлеровское руководство. Там переход до стратегической обороны означал бы признание германо-фашистским правительством того факта, што

надея на победу в войне против Советского Союза для Германии абсолютно страшна. Гитлеровское командование для восстановления своего сильно захваченного военного и политического престижа нуждалось в великой победе. Оно готово было всяком ценом доказать способность немецкой армии вести великие наступательные операции, чтобы не допустить до распада фашистского блока, застрашить своих противников и, насколько можно, отдалить створение другого фронта в западной Европе.

И Гитлер встал на путь новой авантюры, новой наступательной операции, выходящей з брака другого фронта в Европе возможность бескарного пересечения на советско-германский фронт значных сил з Запада. Кроме того, немцам удалось пополнить свои сильно поредившие ряды на рахунок "тотальной" мобилизации.

Постановивши знов вырвати стратегическую инициативу и зменить в свою пользу стратегическую обстановку, но, будучи не в силе вести одновременно великую наступательную на нескольких стратегических направлениях, немцы поставили себе за ближайшую задачу ликвидировать Курский выступ и уничтожить оборонявшую его группировку советских войск, а потом — развить достигнутый успех ударом в северо-восточном направлении. Орловский и Белгородско-Харьковский плацдармы в руках немцев — в значной степени облегчали выполнения того плана немецкого генерального штаба.

Таким чином, Курске направление летом 1943 року было основным стратегическим направлением, а битва под Курском, в которой участвовали колоссальные силы, стала генеральным битвом, решающим исход всей летней кампании того рока.

* * *

Первый этап Курской битвы — оборонительная битва под Курском — служит классическим образцом современной активной обороны.

Для наступления с севера и с юга немецкое командование сконцентрировало мощные группировки, якие складались взагалі из 17 танковых, 3 моторизованных и 18 пехотных ди-

визий. Группировки включали поверх 3,000 танков, 6,000 канонів и около 2,000 самолетов. В битве под Курском немцы первый раз применили в массовом размере новые тяжкие танки — “Тигры” и “Пантеры”, самоходные каноны “Фердинанды”. Немецкое командование полагало серьезны надежды на действие широкого применения этих новых средств борьбы.

Но удары этих танковых группировок разбились о несокрушимую силу нашей обороны. Войска Центрального фронта генерала, днеска маршала Советского Союза, Рокоссовского и войска Воронежского фронта генерала Ватутина, выполняя указания Верховного Главнокомандования — вымотав наступавшие группировки немцев на предвзятом подготовленных оборонительных позициях до перехода в общую офензиву наших на соседних участках, — обескровили противника. Наступление немцев началось захлебываться.

Оборонительный этап закончился 12 июля вострічном танковом битвом под Прохоровком, коли в бой вступили наши свежие резервы. В том бою на ограниченной территории одновременно с обеих сторон брало участие около 2.000 танков и великое число самолетов. Враг, стративший за день боя около 400 танков, потерпел окончательную неудачу. Немецкое командование мушено было отказаться от офензивы и перешло до обороны на целом фронте под Курском.

Офензива немцев, почавшаяся 5 июля, была ликвидирована на южном секторе 12 июля, т. е. на восьмой день наступления; а на северном направлении офензивных возможностей у немцев хватило лишь на 4 дни, ту гитлеровцы перешли до обороны уже 8 июля. Противник за час своего неудачного наступления понес огромные страты — больше, чем 70.000 солдат и офицеров убитыми, понад 3,000 танков и самоходных канонів, около 1.400 самолетов и много другой боевой техники.

Провал немецкой офензивы на Курск, даже тяжкие страты, понесены врагом, створили выгодные обстоятельства для перехода до общей офензивы Красной Армии как против орловской, так и против билгородско-харьковской группировок немцев.

Згідно до загальним планом Верховного Главнокомандования 12 июля войска Западного, Брянского, а затем и Центрального фрон-

тов перешли в офензиву с трех направлений, концентричными ударами с севера, востока и юга, с целью разгрома орловской группировки противника.

Битва носила исключительно завзятый характер. Немцы за всякую цену хотели удержати сильно укрепленный Орловский плацдарм в своих руках. В район Орла, чтобы парировать наш наступ, было перекинуто с других участков фронта больше, чем десять дивизий. Однако большая часть с них, равно как и сама орловская группировка, подлягла окончательному разгрому. В ходе битвы под Орлом было окончательно уничтожено 8 немецких дивизий. 5-го августа нашими войсками был взят Орел. Орловский плацдарм немцев, тот трамплин для немецкой офензивы в глубь Советского Союза, перестал существовать. А с 3 по 23 августа ударами Воронежского и Степного фронтов была разгромлена и билгородско-харьковская группировка немцев.

Если разгром орловской группировки был достигнутый в результате трех концентричных ударов, то уничтожение билгородско-харьковской группировки последовало в результате россыпания ее на две отособненные одна от другой части с наступным ликвидационным каждой из них в отдельности.

Как и в битве под Орлом, бои на Харьковском направлении носили исключительно завзятый характер. Однако ни многочисленны, завчасу приготовленные оборонные позиции, ни пробы немцев контратаками перекинутых с других фронтов резервов остановить наш наступ, не дали противнику желанного эффекта. 23 августа наши войска штурмом взяли Харьков, ликвидовавши Билгородско-Харьковский плацдарм — “могучий бастион немецкой обороны на Востоке”, как говорились о нем в одном немецком приказе.

* * *

Битва под Курском мала колоссальное значение для всего наступного периода войны.

Если в битвах под Ленинградом, Смоленском, Киевом и Одессом осенью 1941 року провалился ослабленный план блискавичной войны, если под Сталинградом потерпела крах офензивная стратегия немцев, то под Курском провалилась последняя проба немцев вернуть в свои руки стратегическую инициативу и вновь осуществить великую офензивную операцию стратегического размера.

Німці примушені були цілковито перейти до стратегічної оборони на всіх фронтах и ставити на як найбільше затягування війни, на перевод бойових операцій на совітсько-німецьком фронті на рельсы війни позиційної. Но поразка німецьких армій под Курском, Орлом и Харьковом створила передпосылки для провала и німецької стратегічної оборони. Таж в тих битвах Красна Армия знищила основны резервы врага; понесены німцями страты не могли быти пополнены. Дост напомним, што лем за период с 5 юля до 6 августа враг страшил под Курском, Орлом и Білгородом понад 120 тысяч людей убитыми, больше як 4.500 танков, 1.623 канонов, около 2.500 самолетов.

Розгром німців в Курській битві створил необхідны условия для стремительного выхода Красной Армии ку Дніпру и освобождения цілою лівобережної України и Донбасса. Тота обставина, што в битві под Курском были знищенны основны німецькы резервы, обеспечила нашим войскам и быстру ликвидацию ославленного “восточного вала”, створила благоприятны условия для форсування Дніпра и для преумножения пояса могучых укріплений на западном берегу Дніпра.

Так што побідоносне завершение Курской битвы створило выключно выгодны предпосылки для грандиозных наступательных операций Красной Армии осенью 1943 року и в 1944 року. А, кромі того, пересунение гитлеровским командованием зо Запада на совітсько-германский фронт великой сколькости дивизий, котры, доречи, нашли собі могилу под Курском и в степах лівобережної України, надзвычайно облегчила союзному командованию подготовку до роз-

вертування операций в Западной Европі в 1944 року.

Итак, німецькому командованию не удалось под Курском “взяти реванш за Сталинград,” не удалось наново захватити стратегичну инициативу в свои руки, не удалось змінити ход війны на свою користь. Германска армия в результаті літньої поразкы 1943 року оказалась перед катастрофом.

В битві под Курском Красна Армия знов продемонструвала свою силу, свою стойкость в обороні, свое уміньє маневрувати, діяти в складных оперативных обставинах, продемонструвала высшость совітской военной штуки, высшость совітской военной техники над техником врага.

Ярким приміром, демонструющим того положение, являются хочбы лем факт, што мощны танковы німецькы группировки в протягу 8 дней Курской битвы мимо огромных страт в живой силі и технике, не змогли прорвати даже тактичну глубину нашей обороны. А перешовшы в наступ соединения Красной Армии овладіли Харьковом, перемогши осем могучых оборонных позиций, які прикрывали город зо всіх сторон.

В той великой битві знов проявилася гениальность сталинского стратегичного руководства. Верховне Главнокомандование объединило в своих руках управление пятью фронтами и блестяче справилось с выключно трудном задачом координации дійствий всіх tych фронтов для достижения единой ціли в дуже складной обстановці.

Битва под Курском заслужено вошла в историю Великой Отечественной войны, як одна зо світлішых ей страниц.

Генерал-майор Н. ЗАМЯТИН.

ПРИБРАЛ НА ВАГІ

Лем што взятий в армию сын через пару дней по прибытию в лагерь пише мамі:

“От того часу, як я приїхал ту, я прибрав на вагі 60 фунтов: 2 фунты в тілі, а 58 в еквивенту.”

КОМПЛИМЕНТ

Муж: Чудно, но чом-то всі дуже хорошенькы женщины выходят замуж за дураков?

Жена: Наконец ес zdobyлся на комплимент жені.

Земля кличе

ВАСИЛИЙ НЕКРАСОВ

До Степанихи оставалось ище километры три. Дорога шла лісом. По обом сторонам стояли буры от моха березы, обросшы пушистым инейом. Воздух был полный морозного пороху. Скрозь дерева місцами просвічувало просторне зимушне поле. Федор Иванович приспішил крок: “Як-то там, дома, ци всьо в порядкі! Певно, староста-паразит покою не дає старушкі.” Вчера он достал доволеньку зайти в містечко, купити соли. Но вернутися на-час йому не удалось: пришла сніговица и он заночувал у свата Егора. Он знал, што за спозднение чекат го штраф або мусова работа. Но йому было тепер не до кары. Сват занепокоил го страшном, здававшомся неправдоподобном новостью, — якобы німцы с приближением фронта всьо население гонят в Германию, а села дотла выпалаяют.

И чым ближе он подходил ку селу, тым тревожнійше и смутнійше ставало на душі. Ліс остался позаду.

Зо-за горба показалася знакома звоница. Скоро он буде дома. От всей многочисленной родины Федора Ивановича остались жена и невістка Клавдия с двома внучатами. От трьох сынов, як почалася война, он не мал никаких вистей. А дочка пошла в партизанский отряд.

Вышовши на горб, Федор Иванович застыл на місці. В груди заперло дых. Всьо пред ним нараз завернулося, поплыло.

— Та што-же то таке, Господи Боже мой? — прошептал он онімівшими устами.

Федор Иванович подошел ку своему обыстю. На концу него, около рікы, уціліла лем сама баня (лазня). Там, где стоял дом, — купы попелу и закоптила русска печь. От забудовань остались обгорены дубовы стоякы. “Но где-ж моя родина?” Федор Иванович широко ростворил низкы двери в баню. В лице ударило спертым, пропахшым мылом, дымным воздухом. В кути темніла печь с огромным котлом, vzdolж стіны тянулася широка лавка.

— Угнали в Германию! — безнадійно тихо рюк Федор Иванович.

И ту силы оставили го. Ноги подкосились, и он вяло опустился на лавку.

Под подлогом бани пищали мыши, однотонно тряслася шибя в оконці. Тонко, на разные голоса, завывал вітер. Густа, окладиста борода Федора Ивановича покрылася кудрявым инейом. Он совсім перестал чути на собі одежу: ни кожушок, ни валенки уж не гріли. Тіло кочаніло... “Таж так и застыти мож” — тотя мысль принудила го встати и выйти из бани. Над полем стояла сірувата предвечерня мгла.

— Та-ак, а жити треба! — глубоко вздохнул Федор Иванович.

Он росчистил вход в пивницу, где хранилися зимушны припасы родины: прегородка картофель, діжки с капустом и солеными огурцами. Нанюс в баню дров. Запалил в пецу. Потянуло теплом. В котлі залокотала вода. Запахло вареном картошком. Федор нерухомо сиділ пред печком, не спускаючи очей с яркого огня. Мысли о родных не оставляли го.

В оконце давно смотріла синя ноч. На тонком морозном рисункі на шибі лучисто грали великы сивы звідзы. Федор Иванович, затулившись с головою в кожух, лüğ на лавку. Но сна не было. Он превертался с боку на бок. Вставал. Курил пипку. Выходил с бани. Над лісом, в густо-синьом небі, стояло огромне, червене зарево. Розоватый отсвіт от него ложился на поле, на верхы дерев. Где-си рокотала артиллерийска канонада. На шоссе шуміли машины.

... Потянулись дни, одностайны, подобны еден на другий. Федор Иванович навет не зауважал их. В ньом як бы замерло всьо. Часами он цілыми добами не вставал с лавкы, не палил в пецу, не варил картошкы. Спал чудно мало. И каждый раз, дост было забытиса хоц лем на одну минуту, йому снилася або жена, або дакотра дитина, або внучата. И тоты сны ище больше мучили и ранили його сердце. В одну с таких ночей, коли он лежал с открытыми очами, зо стисне-ном в зубах згаслом пипком, йому почудил-ся скрип морозного сніга. Як бы кто шол

на лыжах. “Кто бы то мог быть?” — Федор Иванович привстал. Заглянул в оконце и, вздрогнувши, отскочил. Прямо ку бані по стежки іхали штыри лыжники в білых плащах, с низко натянутыми на лица капюшонами. На груди у каждого висіл автомат. “Німцы!” — Федор моментально перемінився. От физической немочи не осталось ни сліда. Стиснувши в руки топор, он, затаивши дух, встал коло двери. Сердце громко и часто стучало, каждый удар його отдавался в висках. “Хоц бы єдного убити, гада. Поможи, Царица небесна...” Скрип лыж все ближе и ближе, Феодор поднюс вгору топор. Но тут, за стіном, послышался спокойный, окающий русский говорок.

— Говорил же я вам, хлопцы, што ту кто-си жие. Так и ест!

Лыжники оказались советскими развідчиками. Они пришли в баню, посиділи коло пєца, закусили горячом картошками с огурчиками, покурили. Федор Иванович поділился с ними своим горем.

— Ничого, отец, не горюй, — рюк ко-мандир, скуластый, білобровый хлопчина. — Далеко угнати не вспіют, отобьеме.

— Направду отобьете?

— Розумієся. Лем посмот, сколько дому вертаются, — всі дороги мирным населением забиты.

— Неділки через полторы ждий свою старуху в гости...

Надія на повернение родины знов вернула Федора Ивановича до житя, дала му и силу и бодрость духа. На слідующий день почалося беспорядочне отступление німцов. Цілу ноч шол горячий бой за станцию и районный центр. Прислухуючись до трескучых арматных выстрілов, Федор с ликующе-радостным чувством говорил до себе: “Ну, тепер карачун німцу. Тепер уж му не устояти, проклятому.” Он вірил, што не днеска — завтра повинна вернутися його родина, и потому приступил до утепления бани: переробил печку, подогнал двери, штобы ліпше приставали, зо жердок и соломы приставил сїни. Коли всі приготовления были законченны, Федор Иванович кажде рано почал выходить ку шоссе, по котрому бесконечным потоком тянулися обозы мирного населения. Дакотры іхали на конях, другы на ко-ровах, но большинство шло пішком, тянучи на саночках свой скудный скарб.

— Чіи будете? — звідувал многих Фе-

дор. — Не приходилося вам встрічати Стє-нихи?

Но никто не порадувал го вісточком о родных и близких. Федор долгими годинами “дежурил” около шоссе. Світячими очами проводил он огромны, посивівшы от мороза танкы. С грохотом и лязгом, вздымаючи сніжный порошок, они вихром пронесли-ся мимо.

... Женщину в дубленом сердачку Федор Ивнович зауважил здалека. Операючись на палку, она лєдво перекладала ноги, часто спочивала. За нѳом слїдом хлопец двана-строчный тянул саночки, в котрых сиділа дитина, замахулена в подерту колдру. В пару кроках от Федора жена, выронивши с рук палку, повалилася горізнач. Мальчик кинул-ся ку ней. Голосно заплакала дитина. Жен-щина лежала с мертвенно-блїдным лицом, покрытым каплями пота. Из полуоткрытого рота вырывалося тяжке, порывисте дыха-ние. Она была без памяти.

— Далеко идете? — звідал Федор Ива-нович.

— Годуновскы мы, — плачучи отповіл мальчик.

— Ех-ма!... Плохо діло. Ну, ничего, хлопче, што-си лем придумає. Побуд хвильку с матерью. Я скоро вернусь.

Федор сходил за саночками. Уложивши на них хору, он привіоз всіх до себе. Жарко натопил печку. Зварил желізняк картошкы. Покормил дітей, уложил их спати, а сам ост-ался коло хорой. Чадивша копилка тускло освічала баню. Женщина не приходила до себе, бредила, металася, просила пити. Лем один раз она, открывши очи, посмотріла вколо:

— Где я? — лєдво внятно прошептала она.

— Лежете, лежете, мамо, — рюк Федор Иванович.

Женщина попробувала встати.

— Дїдушка, не покидай ради Бога моих діток... — великы слезы быстро побіжали по ей впалым, горівшым нездоровым румян-цом щекам.

— Ну, нетреба того, нетреба, — успоко-ювал ей Федор. — Гварю, полежете собі спо-койно.

Женщина повалилася на спину, и знов почала в горячкі бредити. До рана она умер-ла.

... Старунок о дітях не был для Федора тяжким. Наконец-то кончилось його тоскливе самотне житя. Дітські голоси як бы загрили його неуютну хижину.

Долгы зимовы вечера уже больше не пригнетали го. Федор Иванович сплел с ивовых прутьев дітске лужечко, зробил стол, два столы. Коротаячи долги вечерны години он бесідувал с Лешком. Они обсуждали насущны вопросы своего житя, строили планы на будущее.

— Ех, коника бы нам, хоч бы лем такого малого, спокойного, тогда мы бы с тобой, Лешку, зажили, — говорил Федор Иванович.

И завітна мечта их, котра здавалася цілковито недосягненом, сполнилася чудно легко и, головно, несподівано. Бродячи зо стрільбом по лісу, Федор наткнулся на стоявшего коло стога раненого коня в німецькой упряжкі. У него осколком был вспоротый бок и ушкоджена задня нога. Худый, облізлый, он ледво держался на ногах. Раны были покрыты гноем и сукровицом. Федор с трудом довол коня до обыстя.

— Ничого, Лешку, вылічимо. Памятай, весном он буде орати, — сияючи карыми очами, весело рюк Федор Иванович, глядячи свою густу бороду.

... Зима кончилась. В полудне, цілком повесняному, с высокого синього неба пригривало солнце. Прилетіли грачы. С приближением весны у Федора Ивановича и у Алексия прибывали все новы и новы старунки. В колхозной стаини они починили дах, пробитый снарядом, перенесли там цілый уцілівший инвентар, котрый они откопали под розвалинами будинков и сніговых заметей.

— Вернутся наши, спасибо нам, хлопче, скажут, што спасли колхозне добре, — с горделивом усмішком зауважил Федор.

Ку ним часто заізжал председатель сельской рады.

Присідаючи с Федором Ивановичом на дровно и закуривши пипку, он починал росповідати новости, які слышал по радио и читал в газетах. Подробно говорил о господарских ділах, о недалеких полевых работах.

— Так сколько-ж ты, Иваныч, посіяти думаеш? Гектаров пять зможеш? — достаючи из полевой торбы записник, звідувал председатель.

— Пяточку-то зможу. А с сіменами як?

— Сімена будут. За тото не грызся, а

у мене до тебе ище така справа: вчера ми обідали на сельраду молодняка дати для молочно-товарных ферм. Ци тебе взяти на увагу?

— А як же? Обязково.

— Так, значит, дві телички я для тебе запишу.

... Нараз наступила весна. За дві doby с полей зогнало весь сніг. На тлочках сочно зазеленіла молода травка.

Выходячи ранами на улицу, Федор Иванович полным грудью вдыхал свіжий воздух.

— Яка благодать, — умиленно говорил он, подставляючи лице теплomu, южному вітру.

Світ будился. В потоках шуміли поточки. На разны лады співали пташки.

— Ну, Лешку, скоро нам за роботу... Два-три дни, смот, земличка подспіе, — с добрыми нотками в голосі говорил он мальчику, вертаючись в свою комору.

Для полевых работ у них всьо было готове. На стіні висіла сіялка, старостливо и любовно сплетена с тоненьких личок, и дві пары новых лаптей (плетеной з лыка обуви). Около бани стояла поскладана зо старых частей теліга.

И вот, наконец, пришол тот желанный день. Предтым дньом Федор Иванович обошол ціле тото поле, котре он намітил зорати. Дому он принюс в жмени грудку суглинистой земли и, с благоговінием смотрячи на ню, тихо рюк:

— Смот-ле, хлопче, земличка — сметана! Сам раз орати!

Ночом Федору Ивановичу спалося планно. Смутна тревога волновала його селянске сердце. Вспоминалися минувшы весны. В колхозі он много літ працювал завідуючим господарством. И перед ним вставали предвесенны старунки, подготовка сіменного материала, збруи, инвентаря. С яким, бывало, глубокым задоволением и гордостью он переступал порог зернохранилища — обширного шпихліра, с огромными перегородами, до крайов полных чистого, отборного зерна.

Лем што почало розвиднятися, а Федор Иванович был уж на ногах. Діти также встали рано. Поснідавши, они втрое направилися в конюшню. Ту Федор Иванович запряг "Сірку" в однолемешный плужок.

— Ну, рушай! — сказал он Алексію.

Рано было ясне и тихе. В воздухі тонко пахляло березовыми почками, подсыхаючом

земльом, молодом травком. В ветлах кричали грачы. А в синьой, бездонной вышині звеніли незримы жаворонки.

Поле починалося за селом. Широка и ровна смуга земли, покрита буром тамторочном стерньюм, тягнулася до самого ліса.

— Вот ту мы с тобом будеме трудитися... — рюк Федор Иванович.

Острый лемех мягко и послушно вошел в сыру землю, поднял пласт стерни. Ровна борозда черным шнуром потянулася через все поле.

Зробивши два кола, он передал вожжи Алексію. Мальчик, баском покрикуючи на коня, увіренно закрачал за плугом.

Федор Иванович опустилсся на придорожну канаву, заросшу старыми дуплистыми ветвами. В их вітвях, покрытых жолтоватым пушком, гуділи пчолы.

“Брешеш, німче, — думал Федор Иванович, — русского чоловіка тобі не перемочи. Много ты, собака, напакостил, а вот вернутсся нашы, вернутсся, непременно вернутсся, так тогда зажиеме!... И село побудуеме и поля всі до порядку приведеме.”

А на другой день Федор Иванович приступил к сіву. Он важно крачал по полю. Весенний вітрок надувал на спині сорочку, теплыми своими пальцами ласкаво переберал його густу бороду. Беручи полную горсть тяжкого, отборного зерна, он увіренным взмахом руки широко опоясувал себе. Пшеница с шелковистым шелестом ровно клалася на землю.

ДОБРА РАДА

Дві жены вадилися в вагоні про окно — одна хотіла, шtbody было отворене, друга — шtbody было замкнене. Закликали кондуктора, шtbody их руссудил.

— Коли окно буде отворене, то я захожуся и помру, — гварит една жена.

— Коли окно буде заперте, то я в такой жарі и духоті дораз задушуся.

Кондуктор не знал, шtbody робити. Но на помоч му пришол еден с пассажиров:

— Насамперед отворте окно: тото убье одну. Потом замкнийте го: тото задусит другу. Тогда наконец будеме мати покой.

НА ПОЧТІ

Маленька Мери принесла на почту регистроване писмо. На коперткі уж была наліплена марка, и дівчина подала писмо почтаркі. Тота зважила го и сказала, шtbody писмо тяжше, як треба.

— Ты мусиш приліпити ище одну марку, — рекла почтарка.

Мери зачудувано смотрит на почтарку и кусат палец рукавички, не знаючи, шtbody робити. Наконец гварит:

— Та ци от другой марки писмо не буде тяжше?

Німецько-фашистські звірства

В історії не було ще війни, котра б зазначилася такими страшними звірствами, яких допускалися в другій світовій війні німецькі фашисти над безборонним цивільним населенням, стариками, жінками і дітьми, і безборонними воєнопінними, попавшими в їх руки. Лемки, котрі в минулу світову війну були інтерновані в Талергофському лагері коло Грацу в Стырії, а потім досталися ту в Америку, впоминають тото лагер, як пекло на землі. Но Талергоф, при німецьких лагерях в другу світову війну, при Майданках, Освенцимах, Дахау і десятках других німецьких фабрик смерті, то ще правдивий курорт. В Талергофі німці морили інтернованих голодом, поширили меж ними тиф, но там не было техники масового убийства, не было прирядов тортур, троків і камер для мордования газом, не было фабрик і форнесов для спалювання тіл, млинов для молотя людських костей. Там німці не садили капусту на полі, спрогноеном попелом из людських тіл і молотыми людськими костями.

Всьо то робили німецькі фашисти в другій світовій війні в спеціальних фабриках смерті, збудованих по послідному слову техники для вынищення ненавистних им людей, особливо євреїв і славян.

До війни німці хвалилися своїм найвышом цивілізаціом і называли себе творцами западной цивілізації, котру они збералися насадити на цілом востоці і на цілою кулі земной. Но если направду німці представителі западной цивілізації, то будь она проклята! На світі не было больше жестокого, звірського народа, як долго тот світ стоить, от німецьких фашистів в другу світову війну, в половині 20-го століття по Христі.

С найбільше заїлом встеклостью німецькі фашисти вынищували славянське населення на окупованих ними славянських землях. Они вынищили около 5 миллионів поляков, от 6 до 7 миллионів українців, около миллионіа білоруссов, около полтора миллионіа югославов, миллионы русских, чехов і словаков.

Тоты німецькі фабрики смерті і выни-

щення славянського населення на окупованих німцями землях были роблены по обдуманому німецькому плану. Німці захотіли панувати насамперед в Європі, а потом над цілым світом. Но на путі стали им численні, трудолюбивы і тверды славянські народы. Штобы досягнути свою ціль, німцям треба было насамперед часть славян вынищити, а остальну часть поробити своїми невольниками, робочым скотом на німецьких панов, німецьку "высшу" расу.

Німецькі плани вынищення і поневолення славянських народів провалилися, а с ними провалилася і Германия, ей воєнна сила. Но слав'янам треба розуміти, што приятели німців, а враги славян, не счезли с розгромом Германии. Они остались, і они дуже сильні, і впливовы на світову політику. Уж от днеска, тоты люде, люде той самой с німцями культури, тоты самы, котры помагали німцям в их планах завоювання славянських земель і поневолення славянських народів, — почали отбудову німецької воєнної сили для поновного нападу на славянські землі.

Най-же для славянських народів пережити ними страдания в другій світовій війні останутся вічном школом той правды, што лем их єдинство забезпечат их покоління от новых німецьких фабрик смерті і цілковитого вынищення. Бо если німці осмілилися напасти на славянські землі, то лем завдяки тому, што славянські народы были роз'єдинены своїми несовістними і продажними руководителями. И лем так слав'янам грозить даколи нова катастрофа зо запада, коли врагам славянських народів удасться наново порознити славянські народы, штобы сами меж собом билися для выгоды чужого імперіалізма.

Дальше поміщаме офіціальне справозданіє Совітської державної комісії о німецьких звірствах в Львовской області. Най тото справозданіє буде лекціом для нашого народа, як Майданек і Освенцим для польского, а Лидице для чешского, што слав'янським народам, штобы уникнути повторення того, треба строити свою будучность в слав'янськом єдинстві.

Злодіяння німців в Львовській області

(СПРАВОЗДАНИЕ НАДЗВЫЧАЙНОЙ ДЕРЖАВНОЙ КОМИССИИ)

Вдершися в город Львов 30 юня 1941 року, німецькы наїздники объявили Львовску область “дистриктом Галиции” и ввели в ней так званный “новый порядок” безудержного грабежа, насилий, тортур, массовых расстрелов и убийств мирного населения.

Убийства советских граждан совершалися не случайными бандитскими группами немецких офицеров и солдат, а преднамеренно немецкими воинскими соединениями, полициом и СС, организованно, по предтлым розробленным планам германского правительства. Для массового вынищения советских людей был створеный специальный аппарат и организована ціла сіть лагерей для нищения людей.

Главным вдохновителем и организатором системы вынищия людей был рейхсминистр Германии Гиммлер, який не раз приїзжал в Львов для инспектования и проверки работы заложенных по його волі “предприятый смерти”.

Для росслідования злодіяний німецько-фашистских наїздников Надзвычайна Державна Комиссия назначила специальную комиссию в составі депутатов Верховного Совета Союза ССР генерал-майора И. С. Грушецкого, Н. В. Козырева и В. Г. Садового, доктора И. М. Трегуба, Е. С. Грушко, председателя исполкома Львовского Городского Совета П. В. Бойко, П. С. Турченко, А. А. Вишневого, представителя Надзвычайной Державной Комиссии С. Т. Кузьмина, при участии головного судебно-медицинского эксперта Красной Армии В. И. Пухнаревича, судебно-медицинского эксперта Д. А. Галаева, эксперта-криминалиста Н. И. Герасимова, прокурора Львовской области И. П. Корнетова и начальника следственного отдела Львовской областной прокуратуры П. З. Крыжановского.

На основі материалов росслідования, проведенного специальным комиссиом, заключения судебно-медицинской экспертизы, а также многочисленных свидетельских по-

казаний советских граждан и граждан других держав Надзвычайна Державна Комиссия установила, што в Львові, Рава-Русской, Золочеві, Сокалі, Яворові, Жолкві, Городкі, Бродах, в Подкаменском, Ново-Ярычевском, Ивано-Франковском и других районах Львовской области німецькы наїздники вынищили около 700 тысяч советских людей — мужчин, женщин и дітей, а также граждан Чехословакии, Югославии, Голландии, Великобритании, Соединенных Штатов Америки, привезенных в Львов из концентрационных лагерей Германии.

Німецькы наїздники убили во Львові передовых діятелей науки и искусства

Отряды гестаповцев ише до захоплення Львова мали составлены по указанию германского правительства списки передовых представителей интеллигенции, предназначенных на смерть. Дораз послі захоплення города Львова почалися массовы аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали: члена Союза советских писателей, автора многочисленных литературных творов, профессора Тадеуша Бой-Желенского, профессора медицинского института Романа Ренцкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшию-де-Берье разом с трьома його сынами, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора-хирурга Генрика Гиляровича, профессора-стоматолога Антона Тешинского, профессора Францишка Гроера, профессора патологичной анатомии Витольда Новицкого, докторов физико-математических наук Владимира Стожека и Антона Ломницкого, академика Соловій, почетного члена многих академий наук Казимира Бартеля, доктора химических наук Стайислава Пилата, доктора технических наук Романа Виткевича, доктора технических наук Владимира Круковского, профессора Станислава Прогульского, профессора Менчевского, этнографа Адама Фи-

шера, доктора технічних наук Казимира Ветуляни, знаного юриста, члена Кодифікаційної Комісії Польши, професора Мауриція Аерганда, львівську письменницю Галину Гурску, критика Остапа Ортвина, доцентів Ауербаха, Пясецького, фізика Вандера, інженера Шимона, Блюменталю, хірурга Руффа, доцента Чортковера і других професорів і преподавателей інститутів науки.

Професор Львівського медичного інституту Ф. В. Гроер, котрому випадково удалось уникнути смерті, заявив комісії:

“Коли 3-го юля 1941 року, о 12 годині вночі, мене арештовали і посадили в трока, в ньому вже знаходилися професори: Грек, Бой-Желенський і други. Нас повезли в дом “Бурса Абрамовичов”. Ведучи нас по коридору, гестаповці здівалися над нами, подтолковали кольбами, дергали за волосся і били по голові... Позднійше я виділ, як из дома “Бурсы Абрамовичов” німці вивели под конвоем 5 професорів, штырьох из них несли окровавленный труп убитого німцями при допыті сына знаного хірурга Руффа. Молодий Руфф был также специалистом. Вся та та група професорів под конвоем пошла ку Кадетской горі. Через 15-20 минут я услышал салву с карабинов оттамаль, куды повели професорів.”

Штобы унизити людське достоїнство, німці низко здівалися над арештованими ученими, а потом росстрілювали их.

Житель города Львова Гольцман свідчил пред специальным комісією, што он сам виділ, як во двор дома № 8 на улиці Артишевского в юлі 1941 року есесовці привели 20 людей, среди них 4 професори, адвокаты, докторы. Одного из них свідок знал, а то доктора прав Крепса. Меж приведенными было 5—6 женщин. Есесовці змусили их языком и губами мыти сходы в 7-х під'їздах 4-поверхового дома. Послі того, як всі сходы были помыты, тых самых людей примусили собирати на дворі губами смітя... Всьо собране смітя треба было перенести в одно місце двора... Всьо то разом зо мною виділ также дворник дома № 8 по улиці Артишевского, — Гира Леопольд. По сконченію работы гестаповці выбрали с той группы 5 людей, вивели их за город и росстріляли.”

Фашистскы наїздники даремно скрывали

факты выніщування інтелігенції. На многоразовы просьбы родных и близких сказати, яка доля постигла ученых, німці отгребалися “незнанием”.

По приказу рейхсминистра Германии Гимлера, осенью 1943 року гестаповці спалили трупы росстріляных професорів. Тоты, што роскопували трупы, бывшы заключены Яновского лагеря Мандель и Корн заявили комісії слідує:

“5 октября 1943 року ночью меж улицами Кадетском и Вулецком, по приказу одного из гестаповцов, при світлі прожекторов нами была открыта яма, с которой мы извлекли 36 трупов. Всі тоты трупы были спалены. В часі извлечения трупов из ямы мы нашли документы на имя професора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и професора политехнического института Казимира Бартеля.”

Росслідуванієм установлено, што уж в первые місяцы оккупации німці арештовали и убили во Львові 70 вызначнійших діятелей науки, техники и искусства.

Массовое выніщення німецко-фашистскими наїздниками мирного населения и совітских военноплінных

Німецкий губернатор “дистрикта Галиции”, в котрый входила Львовская область, — доктор Вехтер и генерал-майор СС Кацман в ноябрі 1941 року, во Львові, на Яновской улиці створили так званный “лагерь мусовых работ”. Он был огороженный муром с цеглы и обведенный кольчатым дротом. Ту німці зганяли мирных граждан и военнопліных. Заключенных в лагері морили голодом, примушали выполнять непосильны работы, звірскы избивали палками, заражали тифом и дизентерією. Порция денной пищи складалася из 2 шклянок “чорной кафы” из древесных опилок (різовин), 100 граммов хліба с домішком тых самых опилок, тарелки супы с картофельных лупин. Заключены тысячами умерали от голода, тифа, дизентеріи, и росстрілювалися.

Гауптштурмфюрер СС Гебауер установил в Яновском лагері систему звірского выніщення людей, котру потом, послі його перевода на нову работу, “удосконаляли” коменданты лагеря оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок

“Я лично виділ, — заявив комиссии бывший заключенный лагеря Аш, — як гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауер дусил женщин и дітей, а мужчин в зимі заморожував в бочках с водом. Бочки наполнялися водом, жертвам связувалися руки и ноги и опускали в воду. Несчастны находилися в бочкі до цілковитого замерзания.”

По свідочтву многочисленных свідков советских военнопленных, а также французских граждан, які находилися в немецких лагерях, установлено, што немецкы бандиты “вынаходили” самы нелюдскы методы вынищения людей, причом все то уважалося у них ділом особливої чести и заохочувалося головном военном командом и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, наприклад, любил подвішувати заключеных за ноги ку столбам и так оставляти их до наступления смерти; оберштурмфюрер Роки-та особисто роспорювал заключеным животы; начальник слідчої части Яновского лагеря Гайне проверчувал тіла заключеных палком або куском желіза, кліщиками вырывал у женщин ногти, потом роздівал свои жертвы, подвішувал их за волосы, росколысувал и стрілял до “рухомой цілі”.

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, для спорта и довольствия жены и дочкы, систематично стрілял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключеных, працювавших в мастерских, потом передавал автомат своей жені, и она также стріляла. Часами, штобы забавити свою 9-рочну дочку, Вильгауз казал подкидати в воздух 2—4-рочных дітей и стрілял в них. Його дочка плескала в руки и кричала: “Папа, ище, папа, ище!” и он стрілял.

Заключеных в лагерях вынищували без всякого поводу, часто на спор. Свідок женщина, Р. С. Киршнер свідчила пред слідчом комиссиом, што комиссар гестапо Вепке поспорил с другими катями лагеря о том, што он одним ударом сокиры розрубал мальчи-ка. Тоты му не повірили. Тогда он поймал на улиці 10-рочного мальчику, поставил го на коліна, примусил зложити руки долонями разом и пригнути ку ним голову, примірил, поправил голову хлопца и ударом сокиры розрубал го вздолж туловища. Гитлеровцы

горячо поздравляли Вепке, кріпко стискали му руки и хвалили.

При лагері для заключеных была организувана больница. Немецкы каты Брамбаер и Бирман каждого 1-го и 15-го дня в місяці проводили проверку больных и, если ствердили, што меж ними ест такы хоры, што находятся в больнице больше як дві недели, то на місці их росстрілювали. При каждой такой проверкі росстрілювали от 6 до 10 людей.

Тортурь, муки и росстрілы немцы проводили под музыку. Для той цілі они организували специальный оркестр из заключеных. Оркестром примусили руководити профессора Штрикс и знаного дирижера Мунд. Композиторам немцы казали створити специальную мелодию, котру назвали “Танго смерти”. Незадолго до ликвидации лагеря немцы росстріляли всіх оркестрантов.

В Яновском лагері фашисты росстріляли больше як 200 тысяч мирных советских людей. Бывший заключеный того лагеря Мантиль посвідчил: “За два місяцы моего пребывания в лагері немцы убили до 60 тысяч заключеных и в том числі 8 тысяч дітей.”

Основным місцом массовых росстрілов в Яновском лагері был берег, названный заключенными “Долином смерти”, котрый находился в отдалении пол километра от лагеря.

На территории Яновского лагеря комиссия нашла 3 ямы с трупами росстріляных в другой половині юля 1944 року советских граждан. Як посвідчили свідкы и родны убитых, немцы росстріляли ту советских людей, привезеных из разных тюрем гестапо. Нарушивши звычайный порядок, гитлеровцы на тот раз не обшуквали одежи убитых. В кишнях одежи замученых комиссия нашла документы. По тым документам стверджено, што в числі замученых и убитых были: Рыбий Василий, рожд. в 1910 року, Панасюк Василий, Окун Михаил, Сорока Игор, рожд. 1921 р. во Львові, Рыбаковский Рудольф, рожд. в 1913 во Львові, Говалевич Леон, Лакрайх, рожд. 1913 в Седлисах, Львовской области, Цыганик Валфоломей, рожд. 1914 р. в Комарно, ул. Садова, № 66, Вансович Михаил, рожд. в 1904, Білый Чеслав, рожд. 1914 р. и проживающий во Львові, Синерухин Александр, рожд. 1916 року, Табино Василий, рожд. 1919 р.

Судебно-медицинска експертна комиссия,

обслідувавши "Долину смерти" в Яновском лагері и изучивши показания свідков, ствердила:

"1. В Яновском лагері чинилися массовы убийства мирного гражданского населения."

2. Убийства чинилися в основном дорогом росстріла типичным німецьким прийомом — выстрілом в тыл головы. Часть росстріляных убита выстрілами в теменну часть чашки.

3. На территории, прилегающей к Яновскому лагерю, німцы робили массовые погребение и потом спаление трупов. Паление трупов отбывалося долгий час в разных місцах территории лагеря, но большу часть трупов палили в балкі-выімкі.

4. Земля в той балкі на значной глубині оказалась просыченом трупными плынами и тлущами с гнилыстым запахом и запахом гари.

5. Характер найденного попелу, який складася из дробных обломков костей, свідчит о том, што спаление трупов отбывалося при высокой температурі. Оставшийся при спалению трупов попел закопувано в розмаитых місцах на территории лагеря на глубині 2 метров. Таких місц найдено 59. Крім того, попел с костями был найденый на поверхности на всей территории лагеря.

Взявши под увагу загальну площадь закопувания и росіювания попелу и костей, досягавшу 2 квадратных километров, експертна комиссия рахує, што в Яновском лагері вынищено больше як 200 тысяч совітских граждан".

В юлі 1941 року німецька военна команда створила в центрі города Львова, на территории крѣпости, званої "Цитадель", концентраційный лагерь для военнопленных. Под загрозом росстріла німцы примушали заключеных працювати от рана до поздной ночи. Поміщення лагеря не огрівалися. Заключены десятками тысяч умирали от голода, побойов и росстрілювалися.

На основі свідочств стверджено, што в лагері "Цитадель" за час його истнования содержалося больше як 280 тысяч военнопленных, из котрых от голода, болізей, тортур и росстрілов погбло понад 140 тысяч людей.

Свідок Никифор Григорьевич Голюк, який находилсЯ в том лагері с 8 юля 1941 року по апріль 1942 року, заявил комиссии:

"Як медик, працюющий в том лагері, я знаю, што за 4 місяцы умерло лем от дизентерии около 3 тысяч военнопленных. Нияких кроков борьбы с болізями німецьке командование не предпринимало. Наоборот, німцы умыслно привезли в тот лагерь из лагеря № 385 в Раві Русской больных плямыстым тифом и розмістили их в казармах группами по 10 людей среди здоровых военнопленных. Послі того неunikнено в лагері выбухла епидемия плямыстого тифа, от котрой с ноябрю 1941 року по март 1942 року умерло около 5 тысяч военнопленных."

При осмотрі лагеря "Цитадель" комиссия нашла в камерах надписи замученных военнопленных:

"Ту умирали с голоду русскы пленные тысячами. 22 января 1944 року."

"Доблесна русска армия, вас ждут с нетерпением не лем народы, но и военнопленные, котры презначены на голодную смерть. Як тяжко умерати."

Массовы росстрілы мирного населения и военнопленных німцы проводили также и в Лисеницком лісу, який находилсЯ на окраині Львова в сторону Тернополя. В тот ліс німцы каждоденно пригоняли и привозили на автомашинах великы партии совітских военнопленных из лагеря "Цитадель", заключены из Яновского лагеря, Львовской тюрьмы, а также мирных совітских людей, задержанных на пляцах и улицах города Львова в часі многочисленных облав.

Судебно-медицинска експертна комиссия, обслідовавши місце росстрілов совітских военнопленных, нашла на поверхности земли и в разных ямах попел и уцілившы кости людских скелетов, штучны зубы, людскы волосы. "Остатки мозговой субстанции, волосы, предметы личного обхода и різкий трупный запах в ямах свідчат о том, што в них долгий час были зарыты трупы, котры потом были выкопаны и спалены."

На основі рослідования стверджено, што німцы росстріляли в Лисинецком лісу понад 200 тысяч людей.

В сентябрі 1941 року, по свідочству генерал-майора полиции СС Кацмана, во Львові было организовано гетто, назване німцами "Юденлаг" — еврейский лагерь. Гетто было розміщено на окраині города. Территория лагеря была обгороджена плотом и дротом. Выходити из гетто никому не дозволялося.

На работу и с работы водили евреев лем под конвоем. В лагере находилось 136 тысяч людей. Население лагеря было ограблено за все. Обставины жить в гетто были страшны — люди спали на голой земле и под открытым небом, с евреями обходились горше, как с быдлантами. Немцы проводили в городе массовые облавы на евреев. Они не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи как цель в стрельбе.

Вот что посвідчила по тому поводу в своем письменном заявлении французская гражданка Ида Вассо, директорка истнувавшего во Львові задолго до войны специального схоронища для престарелых и неспособных до работы французов.

“... С приходом немецких властей мы были все переконаны, что будут убийства. И, напавду, не прошло и 2-3 дней, как мы услышали стрелянину из автомата, котра переконнала нас в росстреле евреев — тех несчастных людей. Я мала можность отвидети гетто. Гигиеничны обставины там были страшны. Люди жили по 15—20 в одной комнате, без воды и электрики. Дороговизна была страшна, и, как все, сила грошей грала свою роль. Несчастны были презначены на голод. Один раз тыжднево их отвижало гестапо, котре одних увозило в Бельзек (Польша), других ку писчаному рову, штобы росстреляти. Засужденных увозили лем в сорочках, так как немцы бандиты обдерали их с одежи и награблене отправляли вагонами в Германию. Маленькы діти были мучениками. Их отдавали гитлеровской молодежи, котра с тех дітей робила живу цель и на них училась стреляти. Ниякого жалю ку другим, все для себе, такой клич у немцев. Треба, штобы цілый світ знал о том методі. Мы, котры сме были беспомочными свідками тех страшных сцен, мы повинны росповісти о тех страшных ділах, штобы всі знали о них, а, головно, не забыти их, так как отплата не верне життя миллионан людей.

Забыти — было бы зрадом людства. Страдания советских, французских, английских, американских пленных повинны были отомщены. Запаметайте на ціле життя. Ида Вассо Том”.

За час истнования гетто с 7 сентября 1941 року по 6 июня 1943 року немцы вынищили

понад 130 тысяч людей, часть из них была росстрелана в самом гетто, часть в Яновском лагере, остальных немцы отправили для уничтожения в лагерь смерти в Бельзек (Польша).

Немцы проводили массовое вынущение советских людей и в других городах Львовской области. В городе Рава-Русска немцы организували лагерь военнопленных. С июня 1941 року по апрель 1942 року в том лагере находилось понад 18 тысяч советских военнопленных. Все они ку концу того периода были уничтожены. Военнопленных, яких привели в лагерь, немцы роздвали, оставляли на них лем близну, в зимущий час водили на работу роздатыми и босыми. Позбавлены сил военнопленные падали. Немцы их добывали из автоматов и просто кололи багнетами.

Житель села Яныче, Магеровского района, Кочак Василий Степанович свідчил перед слідком комиссией слідующе:

“Я працювал в лагере советских военнопленных с декабря месяца 1941 року по апрель 1942 року. За тот час немцы уничтожили голодом, холодом и росстреляли около 15 тысяч военнопленных. Трупы умерших и росстрелянных вывозили на тракторных прицепах в Волковицкий ліс. Голодны и вычерпаны военнопленные, коли их провадили по территории лагеря, накидались на кучи гнилой и змерзлой картошки, но конвоеры на місці их росстрелявали. Я виділ, как выводили цілком голых военнопленных, привязували шнуром ку стіні або ку столбу и в зимі держали их так, покаль они не замерзали.”

Массовое вынущение советских людей немцы проводили всяди, особливо в городах Золочеві, Сокалі, Яворові, Жолкві, Городкѣ, Бродях.

Немцы вынищили в лагерях Львовской области тысячи граждан других держав

Надзвычайном Державном Комиссией стверджено, што немецке правительство систематично высылало в лагери Львовской области военнопленных и мирных граждан других держав из концентрационных лагерей, росположенных на территории Германии. Ту немцы тортуровали их и убивали.

Житель города Львова Бич З. Е. свідчил пред комиссией:

“Коли я находился в заключению в Яновском лагере, там были, кроме украинцев, поляков и евреев — граждане Франции, Чехословакии, Италии и других держав.”

Военноплінних других держав німцы при-
мушали до непосильной работы, били, мо-
рили голодом, наркоком вынищували. Всьо
тото подтвердятся многочисленными сви-
доцтвами совітских граждан, а также сви-
доцством освобожденных Красном Армиом во
Львові французских военноплінных, які на-
ходилися в заключению в "Цитадели" и
Яновском німецких лагерях.

Уроженец города Ангулем департамента
Шаранта (Франция) Еміль Леже, взятый
німцами в плін 13 юня 1940 року в Шампани
(Франция), посвідчил: "Уж с первых минут
мого пліна мі пришлось вынести на собі же-
стоки методы, приміняны німцами. Под
страхом смерти нас змушали працювати без
отдыха, без достаточной сколько-то пожи-
вы; мы были вычерпаны, вымучены, покры-
ты вошами, без обуви, наши мундуры пада-
ли з нас. Коли мы скаржилися на подобный
режим, нам отповідали: "То ище замного
добри для французских свиней и собак."

"За тоты часы мы не мали вістей от на-
ших родных. Коли мы просили позволения
писати им, то німцы отповідали нам. "На
што? Ваши родны, без сомніния, убиты, а
с вашими женами спят німецкы солдаты..."

"... 1941 року я был присутный при пер-
вом прибытии русских военноплінных в
"Шталаг" Нейбранденбург. То было страш-
но. Русскы были правдивы скелеты, в кот-
рых ище теплилися остатки житя. У многих
из них были раны от багнетов на ягодицах
и плечах. Дакотрых німцы убивали, дакот-
ры сами падали мертвыми от вычерпання
при найменьшом руху. Мертвых роздівали,
складали на телігу и везли во спольну моги-
лу, яка находилася в окрестностях "Штала-
га". Теліга верталася в "Шталаг", наладована
хлібом и ярином для кухни. На телігі были
кровавы плямы. То было страшно! В тоты
минуты мы поняли, на яку утончену жесто-
кость способны німцы. Кажде рано німецкы
офицеры и унтерофицеры посіщали лагерь
русских военноплінных. Они говорили: "Мы
идеме тренуватися в стріляню на живу ціль."

"Приблизно 200 людей русских солдат
умирали каждый день. Их убивали, або они
умирали от болізней и голода. Среди мно-
гих убийств я особисто виділ ужасный спо-
соб убийства русских военноплінных німец-
кими солдатами. Ударами палки або удара-
ми чобота они розбивали им головы, гово-

рячи: "Русскы собаки не стоят карабиновой
кули." Доведены до высшей степени тонко-
сти подлость, варварство и жестокость яв-
ляются отзначающими прикметами "бошей"
(німцов) в лагерях."

"В январі 1943 року я был отправленный в
"дисциплинарный лагерь 325" в Галицию
(Рава-Русска — Тернополь—Львов). Ту был
ище больше жестокий режим. Много Фран-
цузов было убито в том "Шталагі". То был
террор. Одна надія, одна мысль — смерть. В
часі мого тюремного заключения во Львові
мі приходилося ходити на работы по моще-
нию улиц, што позволило быти свідком
убийств німцами десятков тысяч людей.
Улицы были завалены грудями трупов жен-
щин, дітей, мужчин, убитых ночью."

Лооф Клеман свідчил пред слідчом ко-
миссиом о ужасах німецких лагерей, котры
йому пришлось пережити, будучи плінни-
ком: "Воинску повинность я отбывал в Сент-
Авольд недалеко Меца, в 18-м кавалерийском
полку. Попал в плін к німцам 4 юня 1940 ро-
ку в Сент-Клере (департамент Сена)... Рава-
Русский лагерь военноплінных, куды я при-
был 3 сентябрия, 1942 року, англичане назы-
вали "повольном смертью". В том лагерьі был
один водопроводный кран на 12 тысяч лю-
дей. Корыстуватися ним дозволялося лем за
час 4-5 годин денно... Німецка охрана нас
терроризувала. За найменьшу провину гро-
зила смерть. Нам заборонялося пити воду.
Мы голодали. Рано в часі перекличкы мы с
трудом стояли на ногах; нам давали денно
200 граммов хліба, рано мы получали горячу
воду с сосновыми шпильками, днем пол-
литра зупы. Часто зупа была лем водом. Мы
спали на землі. Всяди были блохы и вошы.
Русскы военноплінны тысячами померали в
лагерьі от голода и тифа... По ночам в Рава-
Русской мали місце убийства еврейских жен-
щин и мужчин. Цілу ноч стріляя кулемет.
Рано, идучи на работу, я сам виділ велику
сколько-то трупов. Німцы навет не закопу-
вали их и не давали собі труда вывезти их."

Бывший французский военноплінный
№ 18057, XII. Д. Марсель Риветт о звірствах
німцов свідчил слідуюче: "... Я отбывал во-
енну службу в Саарбургі (Мозель) в 59 пі-
хотном полку. В часі загальної мобилиза-
ции был высланный в 60-й армейский мотори-
зованный полк. 24 юня 1940 року я попал к
німцам в плін в Вогезах..."

“В Трире я первый раз встрілся с русскими военнопінными. С ними обходилися дуже зле. Меж военнопінными были и полякы. Русскы жили отдільно в своих камерах, и им давали в страву картофельны лупы.

“В Лимбургі в “Шталагі XII. А. обходилися с пінными ище горше. О 6-й годині рано нас выганяли из барака ударами дубины. В полудне давали зупу, котру русскы мушены были істи стоячи. Если дакто из них присідал, дораз стріляно с карабина або кулемета. Французский товариш подносил упавшого и нюс го в госпиталь, где лікарю оставалоса лем признати смерть. Каждоденно умирало 15-20 русских. Причином смерти были голод, болізни або убийство. Французский доктор, котрый робил вскрытие, находил в кишках помершых траву, земляны черви, котрых іли умеравшы от голода военнопінны.

“... Начальник “Шталага XII. А.” барон фон Бок, нашол, што сборы в бараках odbyваються дуже повольно (нас было 1.200 людей в двох бараках № № 7, 8). Послідовал приказ быти готовыми за 4 минуты. Тых, што спозднялися, дозволялося колоти багнетами. В том находил собі задоволение унтер-офицер Шрейнер, який колол нас. Нас перевели в Рава-Русску. Там мы звернули увагу на планний вигляд русских военнопінных. Было 10 января, и термометр показувал 10—15 градусов ниже нуля, а многы были лем в сорочках, кальсонах, босы, без шапок, и всі страшно вухудлы, майже скелеты. У всіх у них были раны от багнета на плечах и ягодицах. Нам удалось поговорити с русскими и дознатися, што они военнопінны и працюют непосредно на линии фронта. И коли их спросили, чом они роздіты, то получили отповідь, што німцы розділи их, штобы охранити себе самых от холода. Послі двухдневной провірки и вызовов нас помістили в подвалі без світла. Мы ничего не іли. Было 20 градусов ниже нуля. Среди нас были солдаты Сіверной Африки, котры невыносимо страдали от холода.

“1-го юня 1943 року мала місце кровава бойня, в часі котрой было убито 10 тыся людей. Гдекотры были где-си вывезены. На слідующий день, коли мы шли рано на работы, мы виділи много трупов женщин, дітей, мужчин, які лежали в лужах крови.

Німцы убивали без розбору всіх еврейов, где бы они их ни встріли. Убийства продолжались около місяца.

“Совітска армия вступила во Львов. И с того часу мы свободны, ждеме скорого повернення во Францию. Я надіюся, што німцы сполна заплатят за проляту кров и будут покараны за всі злодіяния. Марсель Риветт, военнопінный № 18057 XII. Д.”

Ле Фуль Жорж посвідчил комиссии:

“Послі пяти тяжких доб мы ночью были в Рава-Русску. Нас влекли, так як большинство военнопінных цілком ослабли. Німецкий унтер-офицер крикнул нам: “Вот вы и приіхали в краину солнца”. Но який ужас тот лагерь!...

Німец-адъютант сказал нам, што в лагерьі Рава-Русска умерло больше як 3.000 русских военнопінных от тифа. Мы закопуеме их ту на місці. Трафляться, што меж ними попадаются ище не умершы, но их всьо-ровно кидают в ямы и засыпуют негашеным вапном, от котрого они задушуются. Каждоденно в лагерь прибывало 1.000 французов, які утекли с Германии. То были тоты, котры не хотіли працювати для побіды Германии...”

Под Рава-Русском, в 200 метрах от городского госпиталя и в 50 метрах от шоссе, под лісом, комиссия нашла 22 могильны горбы. На дакотрых из них сохранилися кресты с французскими надписями.

Судебно-медицинском експертном комиссиом были роскопаны 2 могильны горбы. В одном из них был найденый труп мужнины в униформі французской армии. На вылогах колніра была цифра “24”. Документов при трупі не найдено. В другом горбі комиссия нашла два мужскы трупы без одежи, зо слідами опаления по всей поверхности трупов. По сохранным надписям на крестах могильных горбов установлено, што в них похоронены французы, замучены німцами: Боне Рожер, рожден. в 1911 року, Годи Пьер. рожден. 1915 року, Дастю Пьер, 29 рочный, Посе Поль, 34 роч., Вито Ейжен, 34 роч., Сирг Камиль, Боннуа Альфонс, Котье Рожер и други.

Німецкы наіздникы, позбавлены всякой морали, вынищували всіх неугодных им людей: русских, украинцев, еврейов, поляков, французов, чехов и даже вчерашних своих приятелей по оружию — итальянцев.

Працювавша в період німецької окупації переводчицею в команді "Ретрово-Італіяно" Петрушковна Ніна Здиславовна, по національності полька, посвідчила:

"Після упадку Муссоліні фашисти потребували від італійських солдат, які знаходилися в місті Львові, присяги на вірність гитлерівській Німеччині. Багато з них відказалися дати присягу. Всіх, хто відмовлявся дати присягу, фашисти арештували. Так було арештовано 2,000 італійців, і всіх їх німці розстріляли.

Між розстріляними було 5 генералів і 54 офіцерів італійської армії, котрих я знала. В числі розстріляних знаходилися наступні генерали і офіцери італійської армії: генерал-майори Манджаніні Енріко, Форнаролі Альфредо, Джанноті Джузеппе, полковники: Манджоніні, Луїджі, Ашенцо, Стефаніні Карло, офіцери: Джіно Каруссо, Фузароллі Луїджі, Томмасо Серафімі, Форнаролі Енріко, Ніно Манто, Едуардо Монджіаніні, Альфредо Ломбарді, Лівно Корсані, Джіованні Джіакоміні, Луїджі Стефаніні, Персіні Клено, Кастеляні Рішардо, Персіаніні Туліо, Дельнієрі Маріно, Мороссі Альфредо, Касторі Джіорджіо, Бостіаніні Альфредо, Стореллі Едуардо, Біньямі Джіованні, Валентіні Джіно, Сабо Луїджі, Сабо Рішардо, Вінценті Емануело, Лоренцо Вераніні, Тоскано Альфонсо, Родоканакші Массімо, Лібері Марселло, Крістіаніні Роберто, Цитріні Джіозеппе, Пауліні Еміліо, Біскезе Донато, Джіантіні Луїджі, Джіатоні Туліо, Джіакотто Туліо, Тороссе Евальдо, Крістіаніні Серджіо, Кедріаніні Лоренцо, Валентіно Альфредо, Каусуро Рішардо, Руссіні Беніто, Тіорсіні Туліо, Крісталліні Маріно, Фаріно Антоніо, Кальнієрі Маріно, Массоні Луїджі, Кальцарі Маріно."

Громадянка Французької республіки Іда Вассо також підтвердила факт розстрілу німцями італійських генералів, офіцерів і солдатів: "Після упадку Муссоліні, — говорить вона, — німці арештовували всіх італійців, котрі не хотіли приєднати до фашистської партії, і знищили їх. Трупів їх зникло. Без сумніву, вони були спалені або засипані негашеним вапном".

Німці хотіли сховати сліди своїх злочинів

В зв'язі з успішним офензивом Червоної Армії і панічним відступом німецько-фашистських військ, гитлерівське правління і воєнне командування приступили до сховання своїх потворних злочинів по знищенню мирного населення, радянських військовиків і громадян Франції, Чехословаччини, Югославії, Польщі, Голландії, Бельгії, Сполучених Штатів Америки, Великобританії, які знаходилися в німецьких концентраційних таборах Львівської області.

На наказ рейхміністра Німеччини Гіммлера і генерал-майора поліції СС Кацмана в кінці 1943 року були проведені спеціальні кроки для викопування і спалення трупів замучених і розстріляних мирних жителів, радянських військовиків і громадян інших держав.

В Львові була утворена німцями спеціальна зондер-команда № 1005, яка складалася з 126 людей. Шефом цієї команди був — гауптштурмбанфюрер Шерляк, його заступником — гауптштурмбанфюрер Раух. В обов'язок зондер-команди входило викопування з землі убитих німцями мирних жителів і військовиків і спалювання їх. Розкопкою і спаленням трупів керували шарфюрер СД Раух і обервахмейстер СД Кепік.

Викопані трупи укладали на спеціальних площадках в штабелі, від 1.200 до 1.600 трупів в кожному. Трупи обливалися смолою, бензином і спалювалися. Попел і рештки кісток просіювалися через спеціальне решето для цілі збору золотих предметів — коронки зубів, перстень, годинник. Свідки Величкер, Хамайдес і інші посвідчили, що за п'ять місяців їх роботи в "бригаді смерті" з попелу спалених ними трупів було вийнято і відправлено німцями в Німеччину 110 кілограмів золота.

Попел розсіювався по полях, а також заховувався в землю, великі кістки збералися окремо і перемелювалися в спеціальній машині. Тіту машину для молоту кісток німці не мали часу знищити, вона залишилася на території колишнього Янівського табору, як доказ кровавих злочинів гитлерівських катів. Керував перемелюванням кісток замучених — німець шарфюрер СД Елітко.

Бувший ув'язнений Янівського табору Величкер Л. А., котрого німці примусили працювати в бригаді для розкопування і па-

ления трупов, посвідчил: "В "бригаді смерти" для паления трупов я працювал с 6 юня 1943 року до 20 ноября 1943 року. За тот час бригадом было спалено понад 310 тысяч трупов, из них около 170 тысяч на пісчаніку Яновского лагеря, понад 140 тысяч в Лисеницком лісу. В тото число входят як тоты трупы, котрыры выкопувалися бригадом из могил, так и тоты, котры не закопувалися в землю, а дораз послі росстріла спалювалися. 20 ноября 1943 року ціла наша бригада утєкла. Лем ьемногы остались в живых, остальные при утєчкї были убиты. Німецкы каты организували другу бригаду зо заключеных, котры продолжали паление трупов. Яке число трупов было спалено послі мойой утєчи, я не знаю, но знаю, што паление трупов в Лисеницком лісу продолжалось до января 1944 року.

Свідок Манусевич Д. Ш., який также працювал в "бригаді смерти", свідчил слїдующе: "Послі спаления трупов в яру коло Яновского лагеря нас ночью автомашинами повезли в Лисеницкий ліс, где мы откопали 45 ям с трупами росстріляных граждан. По формї одежи, по войсковым отзнакам, гузикам, медалям и орденам мы познавали меж трупами росстріляных красноармейцев, а также французских, бельгийских и итальянских военноплінных, меж ними были также трупы мирных граждан."

Судебно-медицинска експертна комиссия, на чєлі с головным експертм Красной Армии, профессором Авдеевым М. И., провєла обслїдование місц захоронения и спалювания трупов в Лисеницах и ствердила: "Симметричне росположение на поверхности площадок, где были найдены ямы с попєлом, молодых деревец, из котрых часть засохла або слабо розвиватся, указуют на то, што деревца посажены на тых площадках штучно, для цілі замаскования площадок. Для той самой цілі проводилося вкопувание по поверхности площадок пней дерев. Тоты факты свїдчат о том, што німецко-фашистскы власти всіми силами хотїли скрыти слїды своих преступлений. Выбор місца для "фабрик смерти" в глубині котловины, скрытой майже зо всіх сторон от посторонного взора высокими горбами и деревьями, также помагал німцам орудувати скрытно. Природны обставины місцевости, маскування и сильна охрана позволяли катам твори-

ти свою страшну роботу в глубокой тайні."

Таким способом гитлеровскы убийцы на территории Львовской области придерживались той самой методики скрытия своих злодіяний, котру они почали предтым, убивши польских офицеров в лісу под Катынью. Экспертна комиссия ствердила полну идентичность маскования в Лисеницах могил с таким самым маскованием могил убитых німцами польских офицеров в Катыни.

Для поширения досвіда вынищувания людей, паления трупов, маскования преступлений німцы утворили во Львові при Яновском лагері специальну школу для подготовкы "квалифицированных кадров".

В тоту школу приїзжали коменданты лагерей из Люблина, Варшавы, Кракова и других городов. Руководитель зондер-команды № 1005 Шерляк "на місці" учил командантов, як выкопувати трупы из земли, як складати их в стюсы, спалювати, высїювати попєл, перемєлювати кости, засыпувати ямы и засажати на свїжих пляцах деревца и корчы.

Німецкых катов до суровой отповїдальности!

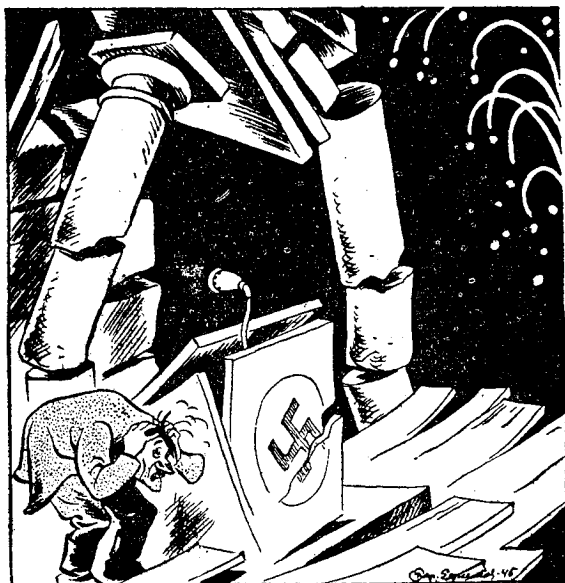
Надзвычайна Державна Комиссия держит отповїдальными за массове звїрске вынищєние в городі Львові и Львовской области мирных совїтских граждан, военноплінных и граждан других держав гитлеровске правительство, особливо райхсминистра Германии Гиммлера, який нераз приїзжал во Львов для инспектования німецкых убийц и катов.

Разом с головными вдохновителями и организаторами массовых убийств невинных людей виновниками являются слїдующы особы: глава генерал-губернаторства доктор Франк, генерал-губернатор "дистрикта Галиции" бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции доктор Ляш, губернатор "дистрикта Галиции" доктор Вєхтер, начальник полиции генерал-майор СС Кацман, начальник "Шталага XII А." в Германии барон фон Бок, унтер-офицер в том самом лагері Шрейнер, организатор Яновского лагеря гауптштурмфюрер Гебауер, коменданты Яновского лагеря гауптштурмфюрер СС Варцок Франц и оберштурмфюрер СС Вильгауз Густав, помочники и заступники коменданта Яновского лагеря: лейтенант СС Шейнбах, обер-лейтенант СС Силлер, штурмфюрер СС Рейс, штурмфюрер СС Шульц, оберлейтенант СС Венке,

шеф Яновского лагеря оберштурмфюрер Манвингер, шарфюрер СС Колянка, начальник следственной части шарфюрер СС Гейне, шефы "гетто": унтерштурмбанфюрер Гайниш, шарфюрер Мансфельд, гауптманштурмбанфюрер Гжимжик, шеф зондеркоманды СД № 1005 гауптштурмбанфюрер Шерляк, його заступник гауптштурмбанфюрер Раух, руководитель группы для перемелювания костей шарфюрер СД Елитко, руководитель группы для выкопывания трупов шарфюрер СД Праж, руководитель "бригады смерти" гауптшарфюрер Ейдель, шарфюрер СД Райс и Маер, руководитель группы для паления трупов обервахмейстер СД Кепик, обервахмейстер Вольф, оберштурмбанфюрер Савицкий, коменданты лагеря "Цитадель": капитан Блют, майор Сидорен, майор Рох, оберфельдфебель 328 полка Миллер Фриц, оберфельдфебель Пер, комиссары по ділам еврейов: Енгель, Зейс Икварт, Ленард, директоры заводов в Яновском лагери Бляйнес, Кауфман, шарфюреры СС: Рерих, Чекаля, Хан, Блум, Бурет, Биттерман, Мельхиор, Боер, Коллер, Бирман, Битнер, Ульман, Браумбауер, рядовы команды СС Фокс, Гайнер, Раузер, Поляпис, Ган, Лейдкрман, Кроп, оберштурмфюрер СС Ришвентнер, заступник коменданта "гетто" Циллер, комиссар гестапо Вепке, комендант города Сокаль Миллер, гестаповцы Цейман, Гартман, Риман, Гайзагов, Лекер, Крамаер, Сушес, Кроммер, Бельц,

Шнар, Бенер, помощник коменданта лагеря в городе Золочев Галимак, комендант лагеря в селі Ляцки обер-лейтенант Зоммбарен Йоган, начальник полиции города Золочев майор Людвиг, начальник жандармерии города Золочев Мура, жандарм Гильзенкар, штурмовики отряда СС в городе Золочев Прейзнер, Людвиг, Монс, начальник гестапо города Жолква капитан Папен, начальник полиции обермейстер Кетер, оберштурфюрер СС Гильденбрант, крайсгауптман города Каменка-Бугска Неринг, комендант лагеря Липник, комендант города Городок Штаер, комендант жандармерии Кремлер, комендант "гетто" Шитт, крайс-гауптман в городе Рава-Русска Хагер, штатткомиссар Ляске, начальник гестапо Шпейт, шеф жандармерии — комендант города Кляйн, офицеры жандармерии: Тригнер, Маерт, Фрейнтонк; комиссары по ділам еврейов Гольц и Штрух, коменданты лагеря военнопленных майор Фишер, майор Гассинер, майор Флекер, заступник коменданта лагеря майор Бем, начальник гестапо Новарро, офицер Броер, лікар лагеря лейтенант Найман, артскомандант города Яворов капитан Енке, оберштурмфюрер СС Лейбмаер, ландкомиссар Штаер, полицай Голоб, Найце, Вольф.

Всі они повинны понести сурову отповідальность за свои потворны злодіяния.

Конец Германии.

Последний "Лебенсraum"

Ковпак в Кремлі

ЛЕОНИД КОРОБОВ

На слідуєщий день після прилета из Москвы в далекий тыл врага я был на раді партизанских командиров. Рада отбивалася в домі, где пребывал командир соединения украинских партизан Ковпак. На раду командиры приїхали верхом на конях, в санках, накрытых коврами, пришли на лыжах або просто пішком. Сельска улица была людна и оживлена, як бы в праздник. Не понагляючися, проходилися по морозку автоматчики. У многих на колнірах німецьких мундиров были нашити білы колнірчики, дакотры парадували в літних тоненьких рукавичках, и никто не носил валенок. Молоды были в хромовых чоботах, начищенных саяом, старшы — в добротных яловых, котры всім своим видом говорили, што ногі в них просторно и тепло. Не вірилося, што то село находится 800 километров за линиом фронта.

Я вошел в хату в тот момент, коли Сидор Артемьевич Ковпак, розложивши мапу, глядал што-си по кипеньях.

— Біс бы их взял! — сказал он застарано.

Його заступник по розвідкі Вершигора с усміхом рюк:

— Так часто бывает в житю. Напримір, глядаш шапку, а она на твоей голове.

Ковпак зачудовано посмотріа на него и быстро взялся за окуляры:

— Біс бы их взял, а я их глядам, и найти не могу!

Окуляры были найдены. Ковпак оглянул собранных и, як бы перебираючи в мысли одного за другим своих командиров, сказал:

— Діда-мороза ніт, подождем мало.

Комната была просторна. Под окном стоял стол, накрытый обрусом, красиво вышитым червеными когутами. Плечами ку окну сиділ Ковпак, наскос от него — комиссар Руднев, а обок на лавочкі — бородатый Вершигора. Його волосы были зачесаны назад, куртка ростворена, из-под полы вызерал великий кобур німецького пистолета. Звертали увагу розміры галифе Вершигоры.

— Ты ними, Петрович, місце за двоих занимаеш, — сказал командир батальона Матющенко.

Он сиділ с ним рядом. Матющенко с первых дней в соединении командует батальоном, котрый складатся переважно из жителей Шалыгинского района, Сумской области. В штабі их называют "шалыгинцами", но не третьим батальоном. Он больше прислухувався до розговоров и говорил лем тогды, коли требовали от него отповіди.

Молчки курил, ожидаючи отворения рады, секретар партийного бюро соединения Панин. Он стоял коло пеца, прислухувався до бесіды и, смакуючи табак "Діда", як называли ту Ковпака, повольно, затягувався дымом. Вид його говорил о задоволенію. Для него всьо было рішено. Он побывал в батальонах, бесідувал с командирами и бойцами и тепер ждал того момента, коли "Дідо" почне говорити.

Обок Панина стоял Александр Ленкин. Из-под правого рукава німецького мундира у него выползала змійоподобна нагайка, чапаявска каракулева шапка была бодро заломлена назад. Он держался сдержанно, но с достоинством, як и належит молодому чоловіку, попавшому в раду старших. Ленкин командувал взводом конной розвідки. Ту он был наймолодший зо всіх, тогды як у себе в зводі, котрой ровнялся доброй компании, он был найстарший зо всіх. Великы, добри росчесаны усы, спускалися на куты його рта, прикрываючи верхню губу. Ленкин поважно принял предложенный Матющенко табак и, молчки скручючи цыгарку, зрідка позерал на Ковпака.

И вот наконец в избу вошел, впустивши клубы морозного воздуха, чоловік. Он отрепал валенку о валенку, снял шапку, поглядал гвоздя на стіні и, нашовши го над сходками, приставленными ку пецу, повісил шапку и розмотал шаль. Пред собранными предстал правдивый дід-мороз, образ котрого каждый из нас хранит с дїтства: невысокого роста, с білом як сніг головою, с бородом и усами, в облакі морозного воздуха.

— Здравствуйте, — сказал он.

— А! Дід-мороз, Алексей Ильич, наше почтение! — рюк кто-си.

Он поздоровался за руку с каждым, и по

тому, як с ним здоровалися, я поняв, що он важний чоловік.

— А где твой командир — звідал го Ковпак.

— Иде за мною, — рюк Алексей Ильич Коренев и повернулся ку сусіду, котрый предложил му закурити.

— Та-ж я не курю. Як ты того не знаш?

Скрипнули двери, и на пороги появился высокий юнак в чорной бараньей шубі и огромных валенках — командир батареи Анисимов, у которого “Дід-мороз” был комиссаром. Он ище не встиг заперти двери, а уж витал:

— Здравствуйте, кого не виділ.

— А вот и он, — рюк “Дід-мороз”, звертаючись к Ковпаку.

С Анисимовым поздоровались, и он, увидивши Ковпака, встающего со столка, дораз сіл на свободное місце на лавкі.

Ковпак обозріл собраних и, видно, переконавшись, што всі в сборі, сказал:

— Отсиділися, воювати треба. Самолетов с Великой земли больше не буде. Починаме рейд. Куды пойдеме, тото мы рішимо позднійше. Приказ получите перед выходом. Завтра готовте сани, укладывайте выбуховый материал, бойовы припасы, — одним словом, готовтеся. Кони отдохнули?

— Так, — рекло пару голосов.

— Ну, а люде просто засиділися, больше немож сидіти. Днеска хочу вам росповісти, зачым я літал в Москву, и высказати всьо, о чом молчал столько сот километров.

Всі насторожилися. Ковпак посмостріл на двери. Анисимов встал, вышел на двор и знов вернулся.

— Автоматчики во всіх кутах стоят, — рюк он и сіл на свое місце.

Ковпак поправил окуляры и поговорили:

— Мене позвали в Москву. Я был у самого Сталина. Сейчас вам ясно буде, чом мы приняли такую тактику и чом идеме на запад от Брянских лісов.

В комнаті стало дуже тихо. Никто не курил, не рушался, лем Папин переступил с ногы на ногу.

— Так вот, — продолжал Ковпак, — як вам відомо, из Брянских лісов я улетіл в Москву. Прилетіл. Помістился в гостиниці “Москва” — така велика гостиница в центрі ест. Оказалось, што кромі мене, там собралися и други командиры партизанских со-

единений. Почали оглядати столицу.

Раз под вечер до нас приіхали военны и давай респрошувати, кто кым командуе, які соединения, а потом говорят: “Подме”. Пошли. Выходиме из гостиницы, а они говорят: вот ту машины, сідайме и поидеме. Сіли. Машины хорошы, не такы, як мы ту подбиваме. Поіхали. Подъїзжаеме ку Кремлю и прямо в ворота Спасскы. Іхали так быстро, што и о пропуск от нас не спросили, стража лем засалютувала.

Поднялися во дворец. Пошли по коридору. Открыли нам двери и говорят: “Прошу, заходите.” Входиме. Справа окно, и перед нами стол долгий. Меж окном и столом товариш Сталин и товариш Ворошилов стоят. Ту навет я як бы стратился.

“А, вот який Ковпак!” — ище здалека рюк Ворошилов.

С товарищем Ворошиловым я встрічался в часі гражданской войны, та и в отбывовый период я встрічался с ним также.

Не памятам, як я нашолся в кабинеті. Ку мі подошол Ворошилов, обнял мя, и мы росцілувалися. Сталин подошол, поздоровался за руку, попросил сісти ку столу.

“Вот ту сідайте”, — рюк он.

Я подошол ку столку и вижу, рядом сидит кто-си с цивильных. Сідам. Сусід звертается ку мі, и я обомліл: Молотов! А товариш Молотов говорит: “Присаживайтесь, присаживайтесь.”

Я змішался. Николі зо мною такого не было, як в тоты минуты. И Сталин увиділ тото. Он почал респрошувати то одного, то другого о родных: где они, ци живы. Он подходил ку каждому, всмотрювался в лице и задавал вопросы.

— Значит, старунок у него ест, — сказал кто-си с партизанов.

— Значит, ест, — отповіл Ковпак.

Тота реплика його остановила. Он хотіл было продолжати, но снял окуляры и поліз в кишеню за махорком. Всі сиділи молчки, чекаючи. Сидор Артемьевич оторвал от газеты добру осминку и, завернувши в ней табак, почал skleювати.

— Значит, ест, коли звідувал, — повторил он и закурил цыгарку.

— Но о партизанском ділі не говорил ни слова, — продолжал Ковпак. — Всіх обышол, провідал и говорит:

“Сейчас побесідуеме о ділі.”

Сталин взял пипку, вынял зо скриночки штыри папиросы, подровнял их и, оторвавши концы с табаком, засунул их в пипку.

— О це люлька, — рюк Матющенко, — штыри входить!...

— Так, — рюк Ковпак, — штыри папиросы.

Помолчавши, он продолжал:

— Говорит: "Курте". Папиросов много было. Перед каждым по пачкі лежало. Мы, як у себе, и закурили. "Слово має Ковпак", — рюк товариш Сталин. Я встал, потому што с начальством стоячи говорил ціле життя. Встал, а товариш Сталин говорит: "Сідайте." Я сіл и змішався. Ну, думам, отразу онімил. Сижу, червенію, аж жарко стало. Он, видно, зауважил тото.

"Мы будем задавати вопросы, а вы будете отповідати, — рюк товариш Сталин и звідует: — Ци потребны в партизанских отрядах комиссары?"

— Потребны, — отповідам.

Комиссар Руднев, сидівший коло стола, почал гладити чорны усы.

"Як вы держите связь с населением?"

Отповіл.

"Як население относится до партизанов?"

Отповіл.

Тогды товариш Сталин почал розвідувати о том, як мы кормимся, одівамся, як маеся справа с оружием. Поговорили о всьом, аж до дробных справ. Сталин задумався, я посмотріл на него. Я смотріл на него и по лицу його виділ, што он не дост спит. Так выглядят люди, котры не спят ночами. Думам, найтяжше из всіх тепер йому. Нараз он звідал:

"А як вы думате, Ковпак: если пойти вам на правый берег Дніпра и поднять там народ на вооруженну борьбу против німецких наїздников?"

Я хотіл было отповісти. Як вы знате, мы перед моим отлетом уж думали о таком рейді. Но Сталин не дал мі сказати.

"Подумайте, потом отповісте," — сказал он и почал розпитувати командира партизанского соединения Сабурова.

Я продумал отповідь и посмотріл на товариша Сталина. Он увиділ мой взгляд и, видно, понял, што я готовый отповісти.

— Мое соединение, — сказал я, — прошло по тылам врага три тысячи километров. Можно выйти и на правый берег Дніпра.

Для того, товариш Сталин, треба оружия и бойовых припасов.

"Составьте заявку," — сказал он.

Покаль Сталин говорил с другими, я составлял заявку. Думам, если самолет пойдем тонну, то по мойой заявкi выходит сто самолетов. И мелькнуло у мене в голові: где-ж самолетов достанут, коли их, певно, и на фронті брак? Зачеркнул и написал наполовину меньше. Сталин взял мою заявку, прочитал, подумал, а потом сказал:

"Не стісняйтеся што до самолетов".

Он, видно, понял, што я спугался ста самолетов. Товариш Сталин отдал мі заявку, и я почал ей перерабляти. Смотрю, там где я написал "черевикы", он зачеркнул и написал "чоботы".

— Чоботы! — воскликнул Матющенко.

— Так, он написал "сапоги". Мі тяжко было написати "чоботы". Сами знате, німцы над Волгом и краина в яком положению. Но он написал "сапоги".

Я переписал заявку, Сталин передал ей Ворошилову и сказал:

"Треба обеспечить Ковпака, собрати их с Сабуровым в рейд."

Ворошилов взял заявку, и вы знате, як ку нам почали приходити самолеты с Великой земли.

В Кремлі много говорилось о дальней партизанской борбi.

— А долго бесіда продолжалася? — звідал один из командиров.

— Так што по полторы пачкы папиросов выкурили, — отповіл Ковпак. — Партизанский рух, говорил товариш Сталин, ест діло народа. В него немож вмішуватися административным органам. Народ на борьбу с німцами поднимается хорошо. Партизаны повинны тот рух всячески розвивати. Командир отряда в тылу у врага представляют партию и совітску власть.

Ковпак остановился, посмотріл поверх окуляров на сидячих командиров и строго продолжал:

— Товариш Сталин говорил о связи с населением. Он особливо звернул увагу держати связь с народом. Вы лем смотте: в рейді што до коней, того, штобы селяне не скаржилися. Што тычится коров, также.

Он зробил паузу, а потом сказал:

— Из Кремля всі уїхали взрушенными. Незадолго Ворошилов принял мя, сказал мі

напутственне слово, и я улетіл за линию фронта.

Ковпак замолчал. Сіл. Кто-си вздохнул вгледос, и всі полізли в кишени за табаком. Зашелестіл папер. Над сидящими поднялися дымки. Каждый, видимо, чувствовал, што “Дід” не всьо ище сказал, и длятого не за-давали му вопросов, ждали.

— Вот для чого я тотò росповіл, — на-конец рюк он. — У нас тактика правильна. Товариш Сталин увиділ в ней нове в партизанской борьбі и приказал ей розвивати. Значит, мы правильно діеме. Если вождь принимал партизан в сентябрі 1942 року, то они нас потребуют направду много. Значит, мы потребны.

— Розумієся, вон німец уж где, под Сталинградом, — сказал “Дід-мороз”.

— Мы отталъ пойдемe на Правобережну

Украину, — сказал Ковпак, — и повинны выполнить то, што сказал Сталин. Умерти, а зробити, иначе мы не партизаны будеме, а так, пусте місце. Готовьтєся к рейду. Базима, Вершигора и Войцехович, остантєся у мене.

Всі вышли. Командир батареи Анисимов взял мене за руку:

— Вот Дід! Та-ж он знає, што мы уж готовы, а все скаже: Готовьтєся. Но он то-то для порядку...

* * *

Через тридцет годин послі нарады почался грандиозный рейд в далекий тыл врага, на Правобережну Украину, в часі котрого партизаны Ковпака прошли 6.400 километров. Ковпаковцы назвали тот рейд сталинским.

ПОВОРОТ БЛУДНЫХ СЫНОВ

(Не напечатана статья Геббельса
в “Дас Райх”)

Німцы! Отважны солдаты Германии! Пять літ тому назад вы пошли в походы завоювати для фюрера житъовый обшар. Вы оставили дома ваших любимых фрау. Пять роков вы снили о повороті дому. Тепер ваш сон сполнился: вы повернули в родный фатерланд.

О, який солодкий поворот в родну землю! Под громы русских канонов або гуркот англо-американских танков вы вбигате в родный город. Докола вас весело и горячо, горят дома и дым отчизны вам солодкий и приятный.

Вот и ваш дом. Завдяки бомбам врага, вы можете войти в комнату просто через окно. Вас встречат любима и любяща фрау, с котром вы не виділися пять літ. Вас обнимают ваши улюблены діти и старый папахен. Вы сядете коло окна в кресло діда и перестрілюетєся отталъ с врагами. Діти весело подают вам патроны, а фрау пестливо перевязує ваши раны. А в сусідной комнаті уж стукат молотком старый папахен, старостливо збиваючи для вас простору соснову труну.

Недармо приповідка гварит: “Мой дом — моя кріпость.” Ніт ничего зручнійшого для

німца, як воювати в своей власной комнаті, в колі своих najbliżших. Коли ваш дом найдеся в “мішку” ци в “котлі”, то вы зможете скинути униформу, взяти на себе шляфрок и ночный колпак и удати, што вы ни-коли не были на фронті. Остаточно, коли вас убьют, то родина отразу дознатєся о вашей смерти, заміст того, штобы долго ждати на таку відомость с России.

Німцы! Тепер вы видите всю гениальность нашего фюрера. Покаль вы билися за него, он думал о вас. То он придумал скоротити фронт и скоротил го не лем на много километров, но и на много німецких дивизий. Навет ваша команда скорочена на пару десятє генералов, — а генералы на столько само голов.

Завдяки фюреру, мы воюеме тепер на своей землі. Тепер нам дуже близко возити на фронт муницию. Для нас уж не страшны украинскы партизаны — они остались на востоки.

Фюрер привюл нас дому. Фюрер повернул нас отчизні. А потому будеме умерати якнайскорше за фюрера.

С німецкого переложил

С. Смирнов,
старший лейтенант.

(“КРОКОДИЛ”).

Славянска Дружба

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Уж майже над раном, в тоту перву ноч, коли мене перекинули в тыл, ку югославским партизанам, мы, четверо русских, после бесконечных росспросов о Москві, наконец, все-таки рішили поклястися спати. Полковник, старший среди нас, сіл на сіно, накрывте полотнищами тягаровых парашютов и служивше нам спольном постелью, и, подавши тым сигнал остальным, первый почал стягати зо себе блюзу. При том он нехотючи вывернул ей нарубы, и я с удивлением увиділ, што там, внутри, против нагрудной кишени до блюзы был причепленный орден Ленина с великим круглым отвором в середині, очевидно пробитый кульом.

— Не мой, — сказал полковник, встрітивши мой взгляд. Держу на хранению, причепил, штобы не стратити.

Он привстал на сіні, повысше оперся на мішки с трепаном конопльом, яки заміняли нам подушки, и, закуривши сигаретку, росповіл мі перву из многочисленных услышанных мною ту потом историй. Я, правда, не записал ей тогда, но запомнил и, думам, мі удастся передати ей больше або меньше точно.

... Летчик Владимир Сергеевич Ерихонов, старый пилот гражданского воздушного флота, был подпаленый німецкым ночным вынищувателем недалеко от Загреба, в ноч своего сімдесят третьего полета к партизанам. Самолет горіл и почал розвалюватися в воздухі. Ерихонов выкинулся последним. Приземляючись, он зломил ногу, и коли через дві doby його, единого из всего экипажа, нашли партизаны, он не мог зроби́ти ни крока без посторонней помощи. Властиво, його нашли не партизаны, а один партизан — Мирко Николич, тринадцатилітний хорватский хлопец, отружняющийся от всіх других хлопцов своего віку двома річами — по-перве на груди у него был бронзовый значок с цифром 1941, означавший, што Мирко Николич партизанит

уж три роки, и, по-друге, через плечо на шнурку у него висіл німецкий автомат, с котрого он стрілял давно и добри.

Увидівши хлопца зо звїздом на пилоткі, Ерихонов положил на землю револьвер, вздохнул и первый раз с минуты катастрофы облегченно выругался разом за всю: и за гибель самолета, и за зломану ногу, и за дві doby страху, што попаде в плін.

Мирко Николич понял, што то летчик — по шлему, што то русский — по униформі и што он хворый — по неприродно зогнутой без житя стырчавшой ногі.

Объяснити, што дораз он пойде за помочом, было для Мирка діло одной минуты. Ерихонов кивнул, он понял. Властиво, тепер треба было, не тратячи часу, біжати за конем. Но в душі Мирка дитина взяла свое. Он опустился на коліна обок Ерихонова и уставился очами в заинтересувавший го предмет.

На груди у русского летчика был портрет Ленина — несомнінно, то был портрет Ленина, Мирко знал його лице, но чого-си дуже маленький, круглый и зробленный зо золота и срибра.

— Ленин? — звідал Мирко.

— Ленин.

Пробуючи ліпше сісти, Ерихонов вскрикнул от боли.

Тото напомуло Мирку о його обовязках, он вскочил, положил обок Ерихонова свой автомат и убіжал.

Через годину партизаны пришли с коньом и забрали Ерихонова до себе. Треба сказати, што Ерихонов попал до них в неудачный час. Уж третий тыждень ту шла велика німецка офанзива (так партизаны называли наступ), и приходилося уходити все дальше в горы, каждую ноч міняючи місце. Батальон, спочатку оставленный в арьергарді, был уж давно отрізанный от остальних и мог рахувати лем на свои силы.

На третью добу, по коротком бою, партизаны забралися в найглухшу лісну пу-

шу. Арбу, на котрой везли Ерихонова, пришлося кинути. Його посадили на коня верхом, подвязавши справа ку сідлу вкось спускавшуся доску, на котру Ерихонов мог положить свою нерухому зломану в голени ногу. Таким способом йому яко-си удавалося держатися в сідлі.

Мирко, як предтым, шол с ним, лем тепер не зо-заду, а обок и все зо стороны хорой ноги. Он охранял ногу Ерихонова, отгинал и ламал конаркы и часом брал коня под узду.

По загальної молчаливой згоді честь опіковатися Ерихоновым взагалі была оставлена Мирку. Он поил Ерихонова водом зо своей німецькой фляшкы, он пару раз оскубувал и пюк му над огнем птиц, коли удавалося их подстрілити. А коли не было уж цілком што істи, он нараз уходил от Ерихонова, уступивши на час своє місце другому партизану, и вертался несучи в руках шапочку, где на дні лежало пару огрызков сухарей, окиршинок сыра и два або три стручки паприкы. То партизаны отдавали для русского свое послідне, яке хранилося на дні их кишен и торб, и презначене для себе на цілком уж чорный день голода.

Подошовши ку Ерихонову, Мирко протягал му шапочку и нараз ставал незвычайно бесідливим. Он чувствовал подозрительный взгляд летчика и зо всіх сил старался не дати му заговорити и звідати, откаль береся тота іда. В тоты минуты он задавал Ерихонову бесчисленне множество вопросов о Москві, о русской армии, о його полетах, и Ерихонов, котрый все ище планно розуміл хорватский язык, нехотячи интересовался, стараючись с трудом добрати зрозумілы для хлопца слова. На другой, третий або четвертый раз Ерихонов принял от Мирка пилотку, стиснул ей в свободной от поводьев руки и, не дотыкаючись іды, попросил Мирка взяти коня под узду и отвести го ку командиру батальона Ніколі Петричу.

Петрич был рослый білградский металлист, молчаливый и в звычайных обставинах, а в послідны дни взагалі не выдушувал зо себе ни одного слова, кромі самых найпотребнійших приказов.

— Откаль тота іда? — звідал Ерихонов, подыхавши ку нему. — Я не хочу істи сам, коли всі други голодуют.

Петрич посмотріл на дно пилоткы, потом на Ерихонова и понял, што кламати в тых

обставинах не здастся на нич.

— Ты также скидал нам пушкы, автоматы и патроны не потому, што их там, у тебе в России, збывалось, — быстро рюк Петрич.

Они с минуту смотріли еден другому в очи, потом Петрич кріпко стиснул Ерихонову руку и рюк:

— Мы братья, дорогой мой!

— Слухай Петрич! — крикнул му в догонку Ерихонов.

Петрич шол стежком назад на свое звычайне місце на челі отряда и думал о том, што тот русский летчик хореший, завзятый чоловік, и, нехотячи, ставячи себе на його місце, легко представлял собі, што на його місці он бы сам непременно так само зробил.

Петрич, як и большинство окружавших його людей, рідко и неохотно говорил голосно о своем отношении до русских. В душі його до них жила любов и признательность — глубока и молчалива. Тото было и для него и для других настолько понятно без слов, што властиво о том и не треба было бесідувати.

На слідующий день Мирко подстрілил из автомата яку-си дост велику птицу, яка старчила йому и Ерихонову на цілы два дни.

А на третий день послі той бесіды остатки батальона были загнаны німцами в глубоку парию, яка майже не мала выходов. Оставалася лем надія прямо перевалити через неприступну вершину горы и там, быти може, выйти ку своим. Но прямо через гору не было даже стежок, и конь не мог ~~прейти~~. Из парии вела, правда, в обход горы ище одна стежка, но она выводила на ровнину, где были німцы.

Петрич вызвал к собі двох автоматчиков и Мирка.

— Вы пойдете с русским, — сказал он автоматчикам. — Пойдете по стежкѣ в обход горы. — Он объяснил, як и куди скручуе стежка, як спочатку треба повернути вліво, а потом, коли буде розвилка, вправо. — Вы дойдете с ним до найблизшого села и схватите го там, покаль он выздоровіе.

— Нас напевно на стежкѣ встрітят німцы, — покрутивши головою, рюк еден автоматчик.

— Не знаю. Думаю, што ніт. Они знают, што мы там не поїдеме. На всякий случай, коли вы уйдете, мы ту почнеме бой. Всі німцы, які находятся близко, пойдут на нас. Вы повинны спасти летчика. Он рус-

ский и летчик, — сказал он заміст отповіди. И еще раз повторил, — летчик. — Потом, отвернувшись от них, он отвял на бок Мирка.

— Ты нашол летчика, ты мусиш го довести. Ну, ид.

Петрич поклепал го по плечу, повернулся и ушел.

Через десять минут два автоматчики, Мирко и Ерихонов рушили по ледвозамітної стежки, яка шла вздож горы, мимо німцов.

Коли Мирко сказал Ерихонову о ждавшей их дороге, замолчавши однако о том, што Петрич буде тым часом вести бой, Ерихонов кивнул головою и сказал лем два слова: — Добри, Николич. — И, вынявши пистолет из далеко сѣхавшей за плечи кобуры, переложил го за пазуху.

Мирко звал Ерихонова так само, як звали один другого всі партизаны, — на ты и по имени — Володьом.

Што до Ерихонова, то он все называл Мирка по родинном його имени — Николичом, так само, як он привык в часі службы называть по родинных именах товаришов своей летной части.

Мирко уж давно привык до того, но тепер тоты привычны слова — “Ладно, Николич!” нараз прозвучали яко-си несподівано смутно, як бы они прощались меж собой, и Мирко, вздрогнувши, подумал о ждавшей их опасности.

Через пол години дороги, коли уж почало цілком змеркатися, они услышали за собом стрілянину. Спочатку то были лем автоматичны чергы, потом почали стріляти минометы, все частійше и частійше, як в великом бою.

Ерихонов спер коня и прислухался. Мирко виділ в полтьмі його зачудуване печальне лице.

— Володя, поїдеме, — рюк он.

— Подождий! — Ерихонов долго прислухуался, потом молчки повернул коня и поїхал назад. Он всьо понял.

Мирко забіжал вперед и різко хопил коня за узду.

— Володя! — моляче повторил он, смотрячи в очи Ерихонову и чувствуочи, што тот всьо ровно уж всьо понял.

Оба автоматчики также стали пред коньом Ерихонова и загородили му дорогу.

— Хломцы, я вернуся. Треба битися, — не своим голосом крикнул Ерихонов и дер-

нул поводья. Но Мирко и оба автоматчики продолжали стояти нерухомо, все так само загрожуячи му дорогу.

Стрілянина все кріпла. Ерихонов розуміл, што тепер уж поздно дашто змінити, што для тых людей, котры сейчас там билися, спасаючи йому житя, не могло быти ничего страшнійше и бессмысленнійше його поворота, и однако йому было не лекше от того.

— Ех, вы и померти разом зо всіми чоловіку не даете, — сказал он, с горечью позераючи на Мирка и нараз несподівано для себе заплакал первый раз за три roky войны.

Тепер он относился ку всьому безчувственно. Мирко повернул його коня и повюл го за узду. Ерихонов іхал молчки, смутно опустивши голову, и за всю ноч не сказал больше ни единого слова.

За ноч они два разы повернули так, як им сказал Петрич. Другий раз Мирко долго вагался — йому здавалося, што ведуча вліво стежка — не стежка, а просто слід выскхеного поточка, но, порадившись, они все-таки рішили, што то розвилка двох стежок, и повернули направо.

На росвітї, поднимаючись на крутый склон и нараз выїхавши зо-за великого камня на майже открыте місце, они наткнулися на німцов. Видно, німцы, як и ждал Петрич, ушли там, где был бой, но патруль зо штырох людей они все-таки оставили ту на стежки.

Их было штырох на штырох. Но німцы, потому што Ерихонов іхал на коні, первы зауважили их и первы почали стріляти. Один автоматчик отразу молчки упал, другой залюг за купу каминя и, хрипло крикнувши “Мирку, уводи летчика”, дал перву чергу. Мирко с цілою силы ударил руком коня, он повернулася и кинулася вскач назад, но Ерихонов, натянувши поводья, круто остановил го за огромным каменем. Перекинувши здорову ногу, он незграбно пробувал злісти с коня.

— Володя, — майже плачучи крикнул Мирко.

Но Ерихонов не слухал го, он вынял зо-за пазухы револьвер, и пробувал освободити застрявшу ногу и злісти. Мирко в роспукі хопил коня за узду и силом потянул го назад под гору разом с Ерихоновым. Автоматна черга задрбила по камню, и Мирко

скорше почувствував, чим увидів, як Ерихонов бессильно обвисат на шию коня.

— Уведи летчика, — ище раз хрипло меж двома чергами крикнул автоматчик.

Мирко вскочил на клуб коня, хопил одним руком поводья, а другим с недітском силом обнял Ерихонова и, дернувши коня, выскочил зо-за камня назад на стежку, по котрой они іхали ту.

Стежка шлѣ долу. Конь, спотыкаючись, распачливо заскакал с камня на камень, все быстрійше и быстрійше, потом сполз, упераючись копытами, по каменной осыпи и, наконец, уж сам галопом, не слухаючи сідок, помчался по узкому руслу поточка меж тріщавшими и смыкавшимися над головою вітвями. Так они проіхали ище минут пять. Потом конь нараз почал хилитися на бок, и Мирко ледво встиг зоскочити, штобы подержати беспомочно падавшего Ерихонова. Вколо были корчы.

Ерихонов лежал нерухомо. Мирко ростегнул му пояс и задер блюзу. Вся лѣва половина груди Ерихонова была залита кровью, и Мирко понял, што он убитый. Если бы Мирко был немного старший и немного терпеливший, он бы напевно розбудил Ерихонова, прислухался ку його сердцу и понял бы, што Ерихонов живый и што дві кули зробили лем вид страшной раны, роздерши грудь, а поправді даже не задівши кости.

Но Ерихонов был в глубоком обморокі, Мирко не знал, што при том у чоловіка майже не мож зауважити дыхання, и, три раз распачливо и без отповіди крикнувши: Володя! — он рішил, што летчик мертвый, и остолпівши от ужаса, он опустилсѣ пред ним на коліна.

Побілівшими губами он шептал про себе якы-си неслышны даже йому самому слова и с распачом вспоминал, што сказал му на прощанье Петрич, и як они ночью напевно спутали стежку.

Зозаду громко донеслися выстрѣлы. Мирко вскочил, обмацал свой автомат, о котром в послідны минуты он цілком забыл, и нараз с несподіваным спокойем он вспомнул всьо, што йому треба было сейчас зробити.

Знов опутившись на коліна, он дотянул

ся до окровавленной блюзы Ерихонова и почал откручати с ней орден Ленина. Он не доткнул других орденов — лем тот, о котром Ерихонов говорил, што он самый головный. Пошаривши по землі, Мирко нашол вітку с острым сучком и, проколовши ним свою сорочку, прикрутил орден собі на грудь на тото само місце, где он был у Ерихонова. Через четверть години он добрался до того місца, где они встрѣтили німцов. Он выліз кроков на тридцет выше стежки. Зверху были видны нерухомо лежавшы тіла штырох убитых и два живы німцы, один из котрых стоял, прислонившись к дереву, а другой кучал.

Мирко зробиł ище пару кроков. Дробны каменцы посыпалися спод його ног. Первым спохватился німец, стоявший коло дерева. Быстрым рухом он потянулся к автомату. Но Мирко уж натиснул на спуск. Под треск долгой чергы, он увидів, як німец взмахнул руками, метнулся в сторону и почал падати.

Коли другой німец выстрѣлил с карабина, Мирко, вскинувши знов автомат и ище раз натиснувши на спуск, услышал молчание. И лем ту понял, што он одним чергом выпустил всі патроны.

Тогда, не думаячи, што он робит, не выпускаючи из рук автомата, он побіжал в долину, прямо на німца.

Німец выстрѣлил ище раз. Мирко, уронивши автомат и зажмурившись от боли, повернулся и сіл. Он был раненый в грудь.

Так он и умер с орденом Ленина на груди.

— Вот и вся история, — рюк полковник. — Потом партизаны нашли тіло и русский орден отдали нам, русским, хоц, по чести говорячи, будь я тогда там, я бы похоронил мальчика, не знимаючи того ордена с його груди...

— А што-ж с Ерихоновым? — звѣдал я.

— Ничого. Літат. Ище раз доказал живучость русской природы. Пришел до себе, пять доб полз, потом подобрали. Потом рѣзали, сшивали и латали.

Потом помолчал и добавил:

— Уж місяц, як знов літат. Но все не ту, все в Словению и в Черногорию. Я уж доносил му через других о ордени. Обіцал зайти, коли прилетит ту.

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

НИКОЛАЙ ИСАНОВ

Мы сидели на травнике аэродрома, с цікавостью обсервуючи, як техники маскували лем што сівшы на землю "літаючы кріпости", затягаючи огромны крыла брезентовыми полотнищами. На полотнищах были штучно нарисованы корчы, трава и дерева, майже такы самы, якы отачали нас. Американскы летчыкы молчкы ждали приближения другой фалі бомберов, на котрых их друзья сейчас бомбили вражы желізны дороги и города. Нам, гостям, не хотілося нарушати тото молчание.

Была осма година рано, на мачті около будовы штаба союзничой авиации нараз появились флаги, звідный американский и смугастый английский, и с торжественном повольностью поплыли вверх. Летчыкы вскочили на ноги, переглядаючись меж собом, потом пустилися было ку штабу, як нараз от будовы отошла машина и стремительно приблизилася ку нам. В машині стоял летчик лейтенант. Он приложил руки ку устам и што-си кричал, заглушуючи рокот мотора.

Машина зробила коло около нашей группы и так само стремительно рушила дальше, ку техникам, ку службі ремонта, ку службі погоды. Летчик все стоял в ней и кричал торжествующым звонким голосом. Даже не знаючи языка поняли, што то было донесение какой-си необычайной важности, а коли Джемс Гейли перевел нам тот радостный выкрик лейтенанта, загальна веселость, охопивша нараз аэродром, примусила и нас кричати, и тупати ногами, и кидати шапки вгору, и даже свистати так, як вколо свистали американцы, преразливо, по хлопьячи, на двох пальцах, выражаючи тым свое одобрение.

Через три минуты всі свободны от работы летчыкы и техничный персонал были в штабі, слухаючи отрывисты донесения радио. Джемс Гейли, наш добровольный переводчик, коротко объяснял, што почалася инвазия на континент и што тепер передают первы вѣсти с фронта.

Британска радиовѣщательна корпорация перешла на передачу торжественной музыки, и мы вышли анов на аэродром, штобы

первыми встрѣтити летячы откальси бомберы той базы и сказати летчикам подробно, если они не приняли их по радио ище в воздухі. Мы знов легли на траву, но тепер то была сама шумна компания летчиков, яка лем збералася даколи на аэродромі. Што кус, то дакто починал и кидал пісню. Нараз в небо летіл який-си особливо преразливый свист, всі починали аплодувати свистуну и наслідувати го. Роздавался одинокий возглас привѣтствия, котрый мигом подхоплювался зо всіх сторон. Коли оживление дакус улеглося, кто-си звернулся ку Джемсу Гейли:

— Джемс, розповіchte нам о ваших полетах над Франциом.

Гейли, дуже молодой, світловолосый юнак, штурман корабля, приїхавший в Европу из Бостона, где он працювал електротехником, хотіл што-си сказати, як ку нам подошел тот самый лейтенант, што обѣзжал аэродром с донесением о высадкѣ союзников во Франции. Мы с удивлением смотрѣли на того офицера; он шол хромаючи, и по тому, як он ставил ногу, было видно, што права нога штучна. Гейли вскочил йому навстрѣчу, подал руку и сказал по-русски:

— Слухай, Патт, я прирюк русским товаришам, што ты розповѣш им о своих полетах над Франциом... — одночасно Гейли подмигнул нам, так што мы всі почали просити лейтенанта.

Лейтенант сіл разом с нами на траву, вытянул калічну ногу, усміхнулся, от чого його смугле открыте лице нараз стало совсім юным, отповѣл по-русски:

— О чом им розповѣсти?

Джемс Гейли повернулся ку нам и представил своего друга:

— Том Паттерсон, бывший летчик-вынищуватель, тепер штурман бомбера. — Потом знов звернулся к товаришу: — Розповѣч Патт, о полюваню. То была правдива Франция!

Паттерсон зорвал травинку и задумчиво жувал ей, смотрячи вдаль, як бы хотіл там видѣти тото, о чом його просили розповѣсти.

Потом повольню заговорил, старанно добраючи русскы слова:

— Завтра я вылечу в Гавр. Мі треба найти там одно поле. Оно заросле вот таком самом травом. Як она называтся по-русскы? Кашка? — он зорвал цвіток клевера и звідуючо посмотріл на нас; мы кивнули, чекаючи пояснения. — Я и не представлял собі, што во Франции и в России росте така сама трава, як у нас в Олбани. Я родился и вырос в том городі, там я и працювал. Если вы знате, в Олбани ест великы металлургичны заводы. Там ест завод "Троя", я был горновым в доменном цехі того завода до войны.

Он замолчал, все так само смотрячи вдаль, як бы пред ним встало видіние родного города.

Паттерсон нараз сказал:

— Видно, без ноги мі уж не придется працювати на мойой домні. Ей называли Сузанна. Вы знате, у нас каждый новый форнес подпалят маленька дівчинка, и по ей имени печ потом и называют. Сузи была дочком доменного мастера; так як у хозяйина завода дітей не было, ей и поручили запалити тоту печ. Сузи тепер має 19 літ. Я могу показати ей фотографию.

С простотом, котра возможна лем на войні и среди бойовых товаришов, Паттерсон вынял фотографию дівчины. Дівчина смотріла из-под долгих рісниц, усміхалася сдержанно и ціломудренно, як бы боялася, што ей усміх перехопит дакто другой, кромі Тома, котрому она тот усміх предназначала. Паттерсон сховал фотографию и задумчиво сказал:

— Я боялся написать ей о ногі, но старый тигр Гейли сам написал ей о том несчастью. Што ты сказал тогда, Гейли?

Гейли почервеніл от змішания. Як блондин, он не мал права мішатися, бо в такы моменты он червеніл от затылка до кончиков ушей. Однако он отповіл:

— Сказал не так уж глупо. Если она тебе любит, то буде ждати и без ноги, а если не любит, то чом о ней беспокоитися?

— Правильно, старина! — сказал Паттерсон и стиснул руку приятелю. — Мы дозналися дорогом старанной розвідкы, што Сузи жде мене и без ноги.

— Ты прирюк росповісти товаришам о полювачкѣ! — напомул му Гейли.

— А о чом я говорю? — россердился

Паттерсон. — Я лем хотіл сказати, што літ десять смотріл на расплавленный металл, а кто так долго на него смотрит, тот будте певны, не буде боятися металла ни в яком виді и сколькости. То — вступ в оповідание.

Мы поспішили запевнити приятелей, што нам интересны всі детали, котры Паттерсон зможе вспомнути для свого оповідания. Постепенно не понимавшы нашего розговора летчики занялися своими ділами, мы лежали тепер отдільном группом — два американцы и пару русских.

— Мы прибыли в Англию в середині сорок другого року, — сказал Паттерсон.

— Скажу прямо: я не думал, што німцы такы дикуны. Руины в Англии и в России я уважал звычайным наслідком войны. Правда, удивляло и мене и товаришов, што німцы бомбували и тоты города, где не было заводов, но мы думали, што ту виновата плоха розвідка. И я воювал без великой охоты. Тогда я літал на вынищувателі, проводил бомберы, вылітал на перехват німцам, но воювал по-джентльменскы: если удавалось збити німца, я слідил за тым, як он приземится, а если збивал над морем, то дораз посылал за летчиком дежурный катер.

И вот юнак с третьей ескадрильи росповідат мі, што в часі одного вылета он виділ на власны очи, як німецкий вынищуватель, мающий отличительны знакы на крылах — огнезіющы драконы — по два на каждом крылі, збил одного нашего юнака, а потом коли летчик выкинулся с парашютом, спиковавал на него и росстрілял в воздухі. Я сказал, што то брехня. Мы здорово подерлися с тым юнаком, котрый мі тоту повідал, потому што раз он твердил, што виділ сам, — значит, я обвинил го в кламстві.

Кто-си росповіл хлопцам, што я заступился за німца, и мі за тоту попало. Можно представить собі, як хлопцы здівалися надомном. А ту мі пришлось вылетіти яко-си в сторону Гавра, и вот я увиділ того німца с драконами.

Паттерсон помолчал хвильку, як бы знов переживаючи тоту зустрічу. Потом с усмішком сказал:

— Самолет — як самолет. Ничого страшного в тых драконах не было. Днем они были видны, як на долони. Німец пошел на мене в атаку, и ту я увиділ, што то правдивый дракон. Он ліз прямо в лоб, так што я

не выдержал и отвернул, но и уйти он не давал. Почалася така вертушка, што у мене скоро очи вылізли на лоб, а німець все нашолю у мене на хвості. Летчик был перво-классный, ничего не скажеш. И коли я понял, што треба утікати, он вцепился в мене зубами и двома чергами запалил мой мотор. Ту я не выдержал, рішил, што все пропа-ло, треба поддатися. Отсунул кабину, вывалился на плоскость, оторвался от самолета и раскрыл парашют.

Паттерсона всего передернуло. Лице його исказилося гримасом. Нам ясно представилося пусте небо, в котром болтаются одинокий парашют над враждебном зем-льом; вражий самолет вверху; синява и оглушна тишина, яка нараз обрушатся на лет-чика, оторвавшегося от мотора. Лице Пат-терсона было тепер як каменне, заговорил он через стисненны зубы:

— И тогда я увиділ того німца. Он прошол обок мене, уважно смотрячи на ме-не. Парашют болгнуло от воздушной фали. Німець хотіл перекопнати, ци я живой ніще. И покаль я дашто мог подумати, самолет развернулся и пошол на мене. Я увиділ струи трассирующих куль перше, як почув боль. Потом мі показалось, што кули отрі-зали мі праву ногу напроч. Я ище вспіл под-тягнуты стропы, штобы ускорити падение, а німець знов прошол мимо, и я знов увиділ за бронзовым стеклом узке, остроносе лице с примжуреными очами. Он не хотіл тратити патроны надармо и справждал, ци я обер-нулся в мертву ляльку, висячу на небі, ци я ище жию. И ту я не выдержал, я закричал зо всіх сил, як бы он мог мене услышати за ревом самолета, и погрозил му пястьом. Ох, як бы я хотіл ударити го в морду, штобы розмязжити тоты челюсти хорька и нос астряба! А німець засміялся, развернул само-лет, як бы грал в кошку-мышку, и знов спи-кувал на мене. На тот раз кули запалили парашют; одна пробила мі грудь, друга ударила в руку. Я повиснул на стропях, уж не в силах управляти падением. И коли ні-мець знов оказался рядом, я спустил голову, опустил руки vzdоль тіла, словом, я пока-зался му мертвым. И то было саме трудне, потому што парашют горіл, земля была ище далеко, а проклятый німець робил одно коло за другим вколо мене, чекаючи, коли я урву-ся с дымящих стропов.

Но парашют спас мене именно потому,

што он запалился. Скорость падения увели-чилась, я увиділ под ногами поле, покрыте тыми самыми квітами, и на обрывках пара-шюта я вспіл приземлитися. А німець про-водил мене до земли и улетіл, не стараю-чись донести береговой стражі о падению мертвого американца.

Видно, мене здорово трянуло при при-землению, потому што я пришол до себе аж ку вечеру. Я лежал все на том самом по-лі; вколо квітла кашка, пахло медом и ро-сом. Я с удивлением зауважил, што перевя-занный по всім правилам искусства. Обок, так, што я мог достати руком, стояли зба-нок и кошик, нияких слідов парашюта не было, та и на мі были лем звычайны штаны и сорочка, а сверху лежал широкий бре-зентовый плащ. В збанку было біле вино, в кошику — сыр и хліб. Ту также лежала записка, написана печатными буквами по-английски:

“Ночом вам буде оказана помоч. Старай-теся не стогнати и не рушатися. Збертеся зо силами.”

И тоты бесстрашны люде пришли ночом. Где-си за преділами поля проходили воен-ны машины; с наступом темноты все частій-ше слышались выстрілы німецкой стражи; што хвиля взлітали освічаючи ракеты. — німцы ждали ночного налета, а три француз-скы селяне пробиралися по некошеному по-лю ку раненому летчику, знаючи, што за помоч мі им грозит доразова смерть, если их схватит патруля. Один из французов уміл говорити по-английски, я подозревам, што он был такой сам селянин, як я прези-дент, но мы не звідували один другого о именах и не обмінювалися визитными кар-точками. Я был для них американский лет-чик, они для мене — французы, — значит, мы были союзниками. Говоривший по-ан-глийски чоловік объяснил мі, што они спозднилися по той причині, што треба бы-ло порозумітися зо знающим чоловіком, ко-трый передал по радио в Англию о місці нахождения летчика, што тепер они ждут ту самолет. И вот три люде стали по краям поля, просвічуючи темне небо ручными ли-таренками, с риском, што их дораз при-стрілят из темноты, а я лежал среди паху-чых квітов и все ище не вірил в чудо. А тымчасом в высоті почал уж ворчати мо-тор, я знал, што то “сандерболт”. Мі даже здавалося, што я вижу його силует, и все-

таки я не вірил. Зрештом, о том може росповідати Гейли, бо то он вивюз мя в тоту ноч.

Послі госпітала мі предложили вернутися дому. Но тепер аж я почал понимати войну. И послі долгих уговоров мі удалося остатися в арміи, хотя я, напевно, єдиний летчик зо штучном ногом. Розвідка, в котрой тогды працювал один мой приятель, выяснила, што мене росстрілювал знаменитый німецкий асс, фон Грюнинг, який збил 12 самолетов. Он командовал ескадрильою, яка мала базу коло Гавра. Я почал літати там каждоденно. Три разы я зустрічався с ним, но каждый раз он уходил от мене, видно, йому было неприємно, што нашолся такий, котрый ище завзятий от него, лізе в лоб, подходит на ище меньшы дистанции. И вот в прошлом году я застукал го.

Коли німец вивалился из машины, я спокойно прошол мимо него и прострілил му праву руку на случай, если у него осталось оружие. А потом посадил машину рядом с тым подлецом, дал му два раз в морду, штобы он утих, сунул го в кабину и привлюк на свой аэродром. Німцы постріляли немного за мною, они не сподівалися, што подбитый самолет, як им здавалося по мойой посадкі, може знов взлетіти. Ну, я думал, што мі захочеся поговорити с тым фон Грюнингом, а оказалось, што даже смотріти на него мі было противно. Так мы його и сдали в лагерь до будучого суда, котрым мы закончимо тоту войну. Дуже мі хочеся смотріти на Грюнинга, коли он буде сидіти на лаві обвиненых разом зо своим фюрером, котрый научил тых подлецов стріляти в безборонных, убивати плінных, грабити

мирных жителей и руйнувати тихы города. Сказати поправді, мі ище больше хочеся завтра приземлитися в Гаврі, найти поле, покрыте кашком, и тых трьох людей, котры, ничего не боячись, пришли на помоч раненому лётчику. И завтра я лечу в тоты місца. Што передати тым людям от вашого имени, если я их найду?

Паттерсон лукаво посмотріл на нас, предлагуючи нашу отповідь. Гейли с воодушевлением воскликнул:

— Тота история называется "Геппи енд!" Счастливый конец! Нас, американцев, обвиняют в том, што мы любиме счастливы концы. А кто не любит счастливых концов, особливо в житю? Геппи енд буде, коли Патт встрітит своих французов, а самый главный геппи енд буде скоро, коли фрицы будут клячати на колінах и просити пощады, як твой фон Грюнинг...

— Чом фон Грюнинг? — звідал я.

— А тот подлец ползал на колінах перед Паттом, коли дознался, што то тот самый летчик, котрого он росстрілювал в воздуху с парашютом. Вот чого Патт нияк не мог поняти, хотя ту и понимати ніт што; всі німцы тхорливы и віроломны, я так смотрю...

— И я, — хмуро сказал Паттерсон.

Я и мои товаришы молчки кивнули головами, вспомнувши фрицов сорок-первого и сорок четвертого рока.

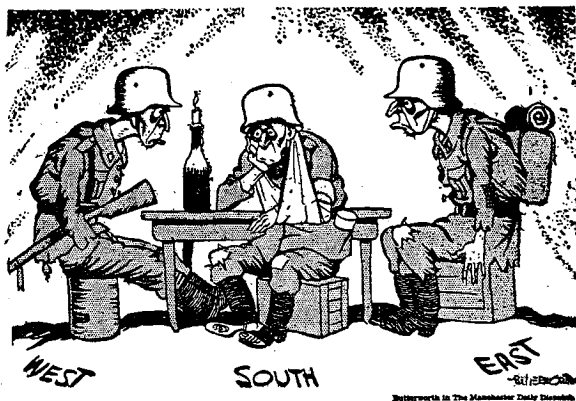
В воздуху появились первые машины давно ожидаемой ескадры. От штаба послышался сигнал до сбора. Отдохнувши летчики должны были готовитися к вылету.

"GET THAT THROUGH YOUR THICK HEAD!"

Порозумій раз, што-с програв войну!

"MEETING OF THE NOT-SO-BIG THREE"

Зо всіх фронтів!

РЯДОМ С НАМИ

ТАТЬЯНА ТЭСС

В Одессі мі довелося потрапити в один дом. Дом находится на Зоринской, 27, он походит на всі звичайні будинки одеської окраини — маленький, вибілений, з ошкляном “галлерийком”, виходячом в невеликий сад, где похвіюються под вітром дерева с крутими розбухшими почками и сидит на ланцушку лохмата зла собачка, лаюча хриплым басом. Жие в домі родина Горгалюк. Даколи и я жила на той окраині и многих знала. Знала я и Серафиму Даниловну Горгалюк, невысоку, чорноволосу женщину.

Змінилася она за тоты роки мало, даже не посивіла. Но в домі, крім неї, я увиділа сейчас дівчину — блондинку, маленьку, привітливую и дуже хорошенку. От неї як бышли лучи счастья, счастья веселого, котрым с охотом діляться, — того счастья, при виді котрого всякий чоловік обов'язково починає вздыхати и усміхатися. Мати представила ей, як жену молодшого сына, Александра.

— А где сейчас сын?

Мати поспотріла на мене якисими чудними очами.

— Та ци вы ничего не знате? — спросила она.

И ту мі розповіли дивну историю.

Росповідала невістка, а мати сиділа молчки, уважно глядячи на ню живыми чорними очами, и лем зрідка поправляла: “Галинка, вот тут ты пропустила одно місце...”, и тогда Галя верталася и розповідала пропущену подробность, а мати задоволено кивала головою.

Пред войном сын закончил летну школу. Осенью сорок другого року часть, где он служил, часово стояла в Иванові. Галя училася там в химико-технологичном институті. Они познакомилися. “Где обычно знакомятся? — сказала Галя и подняла брови. — Разуміється, на танцах! Он такий любитель танцов...” В тоту пору он был лейтенантом. Вот на стіні висит його портрет — бравый летчик с живыми очами одесского юнака. Лейтенант почал бывать в студентском общежитии. Разом с Галью в комнаті жили ей подруги — “одна Зина, потом Стася, умна дівочка така, и ище Клава.” Они ходили всі разом в кино, на танцы; лейтенант встрі-

чал с ними и институті Новый Рок. Встріча вышла хороша, — такы встрічы долго вспоминаются, они встают пред тобом отдільными словами, от котрых перестает на секунду битися сердце, отдільными взглядами, обрывками музыки.

Послі Нового року Галі треба было уїхати на практику. Лейтенант пришол проститься с ней. Они долго стояли одно против другого с серьезными настрашенными лицами, потрясены новизном и силом ставшойся в них перемены. Всі великі слова нараз вылетіли из головы, и они мучилися и не знали, што сказати, и прирекли одно другому “справдити свои чувства”, хоц уж всьо было ясно и сомніния здавалися им образливыми.

Коли Галя вернулася в Иваново, лейтенант уж уїхал на фронт.

Город был пустой. В нем остались лем річы, наминаючи о минувшом. Всьо мало инший смысл, — сходы в институті были уж не тими простыми сходами, а тым дивным місцом, где они бесідували под Новый рок. Стали другими улицы, дома, книги, и даже столы в общежитии стал цілковито другим столком, потому што на ньом звичайно сиділ лейтенант, и Галя дружелюбно позерала на тот стол, як бы он был живым чоловіком.

Пришло первое письмо с фронта, Галя отповіла на него, она писала тепер письмо каждый день, як дневник. Наконец, пришло письмо, где лейтенант писал:

“Пребач мі, но ты прислала таке хороше письмо, што я прочитал го голосно товаришам. Я не мог оставить лем для себе тоты умны, добры и дороги слова, я хотіл, штобы и товаришы дозналися о том, який ты правдивый чоловік, — быти може, у них ніт никого, кто писал бы им такы писма. Не сердся, мы прочитали го разом, я розділил тоту радость с товаришами, як діляться хлібом.”

Тото письмо Галя читала каждый день рано и ище перечитувала в институті. Она много працювала, приготавлялася к дипломной роботі. Письмо было все с ней, — тото по-

магало терпеливо ждати новых писем. Но их не было дуже долго.

И нараз пришла телеграмма.

Галя читала ей, зажмуривала очи, потому што ей здавалося всьо то недобрим сном, знов читала, клала телеграмму в сторону, штобы она счезла, ростаяла, штобы мож было пробудитися. Но телеграмма не счезала. Она росла, роспухала, закрывала собом цілый світ. В телеграмі было сказано, што лейтенант раненый, лежит в московском госпиталі и просит Галю приіхати. Он раненый в оба очи и осліп.

Вышовши из института, Галя не пошла дому. Она долго ходила по улицам, с телеграмом в кишени, и рішала свою судьбу. Было темно и мокро, дул свіжий весняный вітер. Засунувши руки в кишени, Галя блукала по пустынным улицам. Она уж не плакала, лице ей боліло от слез и вітра, она старалася обдумати всьо трезво и спокойно, во всіх страшных подробности, всьо зважити, представити и обсудити сама зо собом.

Вернувшись дому, она написала лейтенанту письмо. Она доносила му, што постановление ей незмінне, она любит го, як предтым, но приіде в Москву лем послі того, як защитит дипломный проект.

Она не хотіла іхати в Москву, штобы плакати разом с ним и жалувати го. Она хотіла приіхати там инженером, самостийным чоловіком, котрый може строити його и свое житя. Тота маленька дівчина с курносим дітским носиком засіла за роботу. Она працювала твердо, завзято, трудолюбиво.

Так прошло понад два місяцы. Двадцетого юля она защитила дипломный проект и через пять дней была в Москві.

Чоловік, первый раз попавший в очный госпиталь, мусит набратися мужества. Галя шла по долгому коридору, она виділа більма, рубцы, западшы вікы, она виділа світ сліпоты, в котром блукали наомацкы люде. Само горе жило в том домі. Галя щла все быстрійше, руки ей похолоділи, она тяжело дыхала. Она майже вбіжала в палату и остановилась.

На лужку сиділ Шурик, тот самый Шурик, што и предтым, дорогой, любимый, с милым, живым лицом, на котром были тепер черны окуляры. Он повернул голову, услышавши ей крокы, и так само, як предтым, она зауважила тот неувимый и ніжний

рух, тото внутренне світло, котре так чудесно появлялося на його лиці, коли он ей виділ. Она почувствовала, як нараз тае и счезат ужасне напряжение, в котром она жила всі тоты дни, як тепліют, распускаючися, мускулы, и закрыла на секунду очи от ощущения блаженного успокоения.

Только тепер она поняла, што больше всього она боялася увидіти перед собом другого чоловіка. Она боялася увидіти перед собом чоловіка, жиющего в ином, чужом ей світі, отділеного от ней своим горем. Она боялася увидіти в нем приміты сліпца — пальцы, ставшы боязливими и рухливыми, внутренню несмілость, готовность к жалости. Ничого того не было. Перед ней сиділ тот сам чоловік, котрого она знала. У него было дост моральной силы, штобы не зогнутися, не поддатися горю, не стратити себе, — старчило силы стати выше своего несчастья. Он протянул ку ней руки и усміхнулся немного виноватым усміхом, як бы му неприемно было, што он в окулярах, и што взагалі с ним случилася тота нехороша история. То была рука мужчины, тверда и любима.

Через пару дней они поженилися.

Свадьбу отпразднували в Москві, у його теты. Отпразднували дуже весело, и они сами дивувалися, як им легко и просто. Як бы невзначай, Галя покраяла му колбасу на тарелкі, подсунула пугарик. Она зробила тото незамітно, не придаючи значения ни для него, ни для себе. Нич не отділяло го от других, он был зо всіми ними.

Через неділю она уіхала в Молотов устроюватися на работу. Лейтенант остался в госпиталі с тым, штобы приіхати ку ней, коли она устроится.

Но в Молотові Галя застала от него телеграмму: "Ничого не предпринимай, вертайся в Москву." Дораз за тым пришла телеграмма от теты: "Поздравляю тебе с геройом." Галя змішалася, не знаючи, што думати. В тот час ей принесли газету, где был напечатанный указ о присвоение гвардии старшому лейтенанту Александру Горгалюк звания Героя Советского Союза.

Коли она вернулася в Москву, муж сказал ей, што постановил остатися ту и йому уж дажи квартиру. Они разом вошли в дом, где мало початися их нове житя.

И знов Галя дивувалася житьовой силі

мужа, його незвичайної завзятости. Он взявся сам починити газу колонку и, як жена ни отгваряла го, провозился пару дней и починил, не стративши ни одного винтика. Он сам поправил штепсели и зробил нову проводку. Он не лем не боялся всего, што змушувало го больше чувствовати свою сліпоту, но сам шол тому навстрічу, хочачи перемочи трудность, справитися с ней. Хороший пловец, он знов, як предтым, тренувався в плаванию, он заставил жену ходити с ним на лыжах по снігу и на лыжах по леду. Она дивувалася його душевному зрінію, всплескувала руками и говорила:

— Шурик, ты, напевно, просто удаеш! Та-ж ты все видиш! Ты видиш ліпше, як я...

Нич не повинно было одділяти го от других. Жена чудувалася його житьовой силі, не свідомо того, што вечер, коли она блукала сама по мокрым весняным улицам Иванова и рішала свою судьбу, положил начало той силі и вірі в життя. Не думала она о том, што в ней самой также заложена тота моральна сила, котра помогла ей стати выше несчастья, зробитися для мужа не поводом, не жалостливым помочником, а просто хорошим женом, правдивым чоловіком.

Институт академика Филатова находил-ся в Ташкенті. Лейтенант постановил поїхати к Филатову, — быти може, окажется возможным вернуть взрок. Он предупредил жену, штобы она не строила на той надежді життя, — ранение дуже тяжке, операция и лічение могут окончитися неудачом. Но он мусит знати, што спробувал все, выкорыстал всі возможности. Если взрок не вернется, то он все ровно зробіт, што задумал. У него тверда, вперта память, котра с каждым днем все уліпшатся, он поступит в институт на историко-филологичный факультет и покончит го. Галя може быти того певна. И жена отповіла йому спокійно:

— Чого ты запевняш мене, Шурик, то даже дивно! Та ци я не знаю, што ты все робиш того, што задумал?

Академик Филатов вернулся из Ташкента

в Одессу, лейтенант зо женом также приїхали ту. Знов крачал он по той улиці, што и в дитстві. Он нашол засувку в дверках, отворил калитку. Послышались крокы, шорох одежи, прервисте дыхание, лейтенант сказал предостерегающе:

— Но, но, мама, лем не треба плакати...

В "галлерійкі" пахло, як предтым, сухом кукурузом, помидорами — запахами дома и дитства. Лейтенант перекročил высокий порог. Он прошол по комнаті свободно, як зрячий, оточеный знакомыми річами в их милом, памятном с дитства порядку. Повольно и трудно пробил старая година, и он засміялся, познавши ей хриплый бой. Мати смотріла на него, на маленьку, привітливую невістку и постепенно чувствовала, што саме трудне уж прошло и ніт того, чого она найбільше боялася, — стіснення перед сыном, чувства непоправимой и ужасной страты, розлуки с тым дорогим, што она так любила в своей дитині.

* * *

Разом с Галью я была сейчас в Одесском очном госпиталі, где находится Александр Горгалюк. Мы разом вошли в велику палату. Муж не ждал Галю в тот день. Она молчки показала мі його здалека, — он сиділ на лужку, я увиділа свіже, симпатичне лице, полне живости, увагы. Очи были закрыты черными окулярами, хлопачы волосы сторцом стояли над чистым лбом. Он повернул ку нам лице, и нараз я увиділа, што оно освітілося знутри живым и быстрым блеском, он усміхнулся и сказал с радостным удивлением:

— О! Ты сегодня пришла!

Як он дознался о ей приході? По дыханию, по воздуху, в котром прошло видиме лем йому одному світло? Она подошла ку нему и сіла рядом, с простом и мягком свободом, они заговорили, — и уж не было ту ни палаты, ни лужок, ни сліпых людей вколо, а сиділи лем два люде, любов котрых и душевна сила оказались сильнішими всего го горя, яке послала им судьба.

АНТОНИНА МАЛЕНЬКА

Ф. ПАНФЕРОВ

Єй всі так звали — Антонина Маленька, хоч єй було уж двадцет штыри роки, она закончила медичный институт и была лікарем. Та и на зрост она была середня. Но чом-си всі без вынятку — ци комиссар, ци рядовой воин, ци навет мы, што недавно прибыли на фронт, — всі без вынятку называли єй маленьком Антонином. Може быти, што то зато, што у ней такы маленькы руки, але ціпкы руки, и дитяча усмішка. А, може, зато, што вся она — отверта, любит людей, любит так само бескорыстно, як діти любят взрослых. Незрозуміло было, чом до ней причепилося таке имя, тым паче, што она была совсім не беспорядна: она приїхала на фронт, знаючи лем лікарску штуку, а то скоро перетворилася в популярного лектора, доброго чтеца газет, за короткий час научилася управляти легковом машином. Всьо кипіло в єй руках. Єдине, чым она нияк не могла овладіти, — то огнепальне оружие. Якоси майор Шилов подарувал єй браунинг в кобурі с мягкой скоры.

— Маленька! Бывате вы всяди, то и возте тото на всякий випадок.

Але браунинг в кобурі с мягкой скоры так и остался висіти на стіні коло лужка. Певно, первого вечера она долго и уважно розглядала го, навет дозналася, як з него треба стріляти, но коли єй запропонували выйти надвор и выстрелити, она, мощно зажмурившись, сказала:

— Ніт, даколи позднійше, а то ище дакого убити мож.

— Кого? Вночи? В воздухі? Може со-року? — закинул єй старший лікар. Инокентий Гаврилович.

— Ну, хоч бы и мыш. Та-ж она тыж жити хоче.

— Чудна. На фронті, а боится мышу убити.

Антонина схилила голову набок и, позераючи в кут, трохи скрививши губы, скоро-скоро заговорила:

— Еге! Чудна! Вы не чудный: вы и за обідом в каскі.

— Осторожность все потребна, — отповіл Инокентий Гаврилович. У него была одна

слабость: он николи не розлучался с каском. За обідом — в каскі, на улиці — в каскі, в госпиталі — в каскі, и навет коли лягал спати, то неотмінно клал каску под голову. — Осторожность все потребна, — повторял он, и обома руками провюл по лиці, штобы показати, як оно служит, а заразом думаючи: “Вот причепа. Ну, почкай, дождешься у мене.”

Так тогды бесіда на том урвалася.

Но днеска Инокентий Гаврилович постановил постояти на своем.

Діло в том, што лем позавчера німцы с высоты Н. обстріляли пункт санитарного персонала. На даху жилища был простеленный червеный крест, и тот крест было видно здалека. Однако, німцы нароком обстріляли жилище. Пару людей было убито, пару покалічено. А днеска командование рішило выбити німцов с высоты.

— Значит Антонина Маленька также потянется на передову, то уж неотмінно. Але єй треба задержати. Ліпше я сам пойду. А в том, што-ж, таж я можую и наказати. Таж я старший лікар, — меркуючи так, Инокентий Гаврилович вошел в хату, где містился головной санитарный пункт и жила Антонина Маленька.

Она была в своем кутику и што-си робила там, тихо приспівуючи.

Инокентий Гаврилович кашлянул. Хотіл было зняти каску, але не знял, хотячи тым подчеркнести, што обстановка днеска складна, напружена и навет небеспечна.

Антонина вызірла зо своего кутика и голосно рекла:

— А, Инокентий Гаврилович! Здоймте, здоймте каску. Таж ту не бомбардуют, — и вышла до него, уж в полной униформі, с перекинутом через плече польовом торбом.

— Та-а-к, — протяг он, ище сильніше насуваючи каску.

— Та-а-к? — на допытливо позріла на него.

— Так, так... Ци то так, ніт. Не тото, не тото, — спонаглялся Инокентий Гаврилович, уж боячися, што она знов повторит

“Та-а-к” — и што така бесіда може держати без конца и краю.

— Што вы днеска выкриками бесідуєте, Інокентій Гавриловичу?

Он нічого не отповіл. Сиділ и думал:

“А може я недобри роблю, што хочу задержати ей ту?”

Інокентій Гаврилович взагалі любил звідувати самого себе и не отповідати собі. Он, можливо, и дальше бы звідував себе, но она ступила ку дверям, хоча бы выйти с хаты. — И без револьвера? — вырвалося у него. — Ніт, так немож. Причепте конче!

И он сам пристегнул ей револьвер. Пристегнул и настрашился:

— Таж вы знате, сколько нашего брата вчера згинуло? — сказал он. — Ніт, не лем в жилищі, а и там, на передовой? Вы розумієте, тоты зухвальцы почали полювати на нашего брата и там, на передовой. Дикунство. Розумієте? Нияка война ище того не виділа, розумієте?

— Ну, звичайно, розумію. Но идти мі треба. Не оставляти же раненых на полі!

Інокентій Гаврилович нахмурился и на роком грубо рюк:

— Вы, здаеся, днеска писали письмо матери? Смотте, будте осторожны, иначе оно може остатися незаконченным, — и, гримнувши дверми, вышел с хаты.

II.

Як лем Інокентій Гаврилович вышел, Антонина достала с книжки письмо до матери. “Мамо. Мене ту всі любят. И я тобі хочу сказати...” — дальше она ище не написала и вот тепер на даяку хвильку схилялася с листом, ясно представляючи собі стару матір, тету Горпину, як ей всі кличут. Потом выняла фотографичну картку и, тихо глядячи мизинцом голову матери, проговорила:

— Матусенько! Які у тебе сивенькі волосы... А може... Ой, ніт, ніт! — Она отразу отогнала смутну думку и ласкаво усміхнулася, пригадавши, як мати провожала ей. Она совсім не плакала и, всаджуючи дочку в вагон, наумысли грубовато бурчала, цілий час чого-си поправляючи на Антонині синій берет. И лем коли поїзд рушил, у ней несподівано потекли слезы. Всьо то Антонина пригадала тепер. — Матинко! — и, сховавши карточку, она стремголов кинулася с хаты.

Была ноч, чорна, густа и яка-си тяжка,

як бы залита желізом. С передовой линии слышно было выбухы артиллерийских снарядов и мин. Мины с хриплым шипіньом перелітали Антонину и, здавалося, туй-туй упадут на голову. Часом злітали ракеты. Они выбухали в вышині и, освітлюючи величезный простор, згасали, падали. А то раптом по небу проносилися трасуючы кулі. И хоц всьо то отбывалося на передовой линии и несло смерть, Антонина на миг остановилася и любовалася том ночном гром огней и розрывов. Потом побігла знайомом стежком и скоро нашлася в блиндажі майора Шилова.

Майор. Шилов сиділ за телефоном и отдавал які-си совсім непонятны для Антонины распоряджения, выкликуючи то “Волгу”, то “Тверь”, то чом-си “Париж”. Но вот он кинул телефонны переговоры и, звернувшись до Антонины, усміхнулся:

— А-а! Маленька! Пришла? То добри. Вчасно пришла, — он глянул на годинку. — За пару минут почнеме наступати. Идте-ле там. Лем сама не ходте, возте зо собом санитар Яшу. Он ту, в сусідном блиндажі. Ну, идте.

Санитар Яша был молодший от Антонины. Веснякуватый, с кирпатым носом, он говорил завсе яко-си по-своему. Напримір, коли йому дашто подабалосся, он говорил: “То навет дуже добри, просто біда”.

Разом с Антонином они пробралися до компании молодшого лейтенанта Ярцева. Увидівши Антонину, Ярцев, завсе по-селянски молчаливый и навет суровый, передал по лавах бойцов: “Антонина Маленька до нас пришла.” Бойцы пожвавіли. На душі у каждого стало весельше. Антонину Маленьку они добри знали: она не раз бесідувала с ними, читала им газеты.

И вот молодший лейтенант Ярцев, справно повертаючи лихтар, глянул на годинку. Была ровно дванадцета. Тогда он шепнул Антонині: — Оставайтесь ту. Там, до окопов, не сунте носа. Подаю команду, — он встал на весь свой богатырский рост и крикнул:

— За отчизну, товаришы! Вперед! — и первым кинулся до німецких окопов.

Компания рушила. Великими кроками, выставивши вперед багнеты, освітлены світлом ракет с громким “ура”, перескакуючи через купины, ровы, воины ринули на вражы окопы, невздержно, як поток.

Антонина Маленька осталася на місці и,

мощно стиснувши руки на грудях, як зачарована, смотріла на навальний біг воинов.

Яша крикнул ей:

— Поранены!

Она кинулась ку Яші, який уж перевязував раненого бойца. Перевязуючи, он по-вольно, стиха бормотал: “Здорово выколопуют з дір німцов, просто біда.”

Антонина взялася помагати йому. Ёй маленькы, чепкы руки робили перевязку быстро, акуратно и осторожно.

А компания молодшого лейтенанта Ярцева, выбивша німцов с окопов, блиндажов первой линии, кинулася на другу линию, потом на третю.

“Ура” слышалось уж где-си далеко, приглушено. За компаниом ишли Яша и Антонина. За роботом они даже не зауважили, як под лісом світало.

Коло блиндажу, звиваючись на землі от нестерпимого болю, кричал пораненый німец.

— Перевяжете го, — сказала Антонина Яші, а сама побігла до красноармейца, што стогнал недалеко.

Красноармеец лежал в долиночкі и усилювался, як всі ранены в таких случаях, переползти в ров, штобы там укрытися от случайного удара. Антонина клякнула и почала быстро перевязувати му ногу, пробиту кулем. Воин быстро, по-волжскому “окаючи”, заговорил, уривисто дыхаючи:

— Вы ногу ми оставте, товариш доктор. Без ноги ми уж не жити. Як хочете, а оставте. Розумієте, доктор?

— Ну, ище бы не розуміти. Як-же жити без ноги? — мимоволи наслідуючи го и “окаючи”, отповіла Антонина.

Воин дуже обрадувався, што она заговорила його бесідом, и, уж усміхаючись, перешол на “ты”:

— А ты совсім наша: говориш, як моя сестричка Марусенька. Ты просто наша, честне слово.

— Честне слово, я ваша и ем. Вот закончится война, обовязково поїдеме до вас на село.

Воин замотал привітно головою.

В тоту минуту сталося то, чого никто не ждал. Недалеко от Антонины из норы, добри замаскованой, выбрался німецкий сол-

дат — обдертый, брудный, давно не стриженный. Спочатку он здавался шаленым. Но вот он выпростился во весь рост и, глянувши в сторону Яши, який перевязувал раненого німца, кинул в Яшу гранату. Антонина запам'ятала того на ціле життя. Она виділа, як граната розорвалася, як отлетіла Яшина рука, так як бы она была привязана шнурком, як подкинуло раненого німца, и як другий німец повернулся в ей сторону и знов замахнулся гранатом.

Антонина кинулася вперед, крикнувши: “А, стерво!” И тут же увиділа, як німец махнул руками, як бы засланяючи лице от пороку, и упал горілиц на землю: трафна куля воина, што раптом появился за ей плечами, догнала го.

— А-а! Убитый! — мелькнуло в ей голові, и в тот миг ей што-си сильно ударило в голову, и она ссунулася на землю. Где-си в ей памяти промелькнуло: старая мати, буркотливый, але добрый, Инокентий Гаврилович, раненый воин, недописане письмо матери, звиряче лице німца и... раптом все то то покрыто темрявом, и Антонина Маленька скотилася где-си глубоко, глубоко, глубоко...

Майор Шилов ахнул, коли увиділ, як упал німец, як розлетілася граната и збило з ног маленьку Антонину. Он кинулся до ней, подхватил ей на руки и, несучи гет с поля бою, шептал:

— Ех, ты, Антонина. Наша маленькая Антонина.

За пару дней Маленькая Антонина опам'яталася, а разом с тым ей повернулася бесіда. А днеска она лежала в палаті, в той самой палаті, куды она нераз заходила, як лікар, и писала письмо своей матери. Она лежала под окном. Легла зима: выпал первый пушистый сніг. И Антонина, раз-по-раз позераючи на сніг, писала:

“Мамо! Мене ту всі любят. У нас выпал пушистый сніг. Бойцы, заміст квітов, принесли ми с передовой линии сосновых галузок. И сосновы иголки так чудесно пахнут, мамо...”

Письмо было нескладне, але сердечне, тепло и отверте, як отверта и вся душа Антонины Маленькой.

ПЕТРУСЬ и ГАПОЧКА

ЮРИЙ ЯНОВСКИЙ

Петрусь, як старший, вюл Гапочку за руку. Они двое гет стратилися в степу.

— Вот дурна дівка, нияк тебе не научиш. Говориш, говориш до ней, а она як глуха. Ну, гвар ище раз. Кельо ти роков?

— Штыри, — отповідала тоненьким голосочком Гапочка.

— Як тя звати?

— Гапочка.

— Где твои тато и мама?

— Там, — показала пальчиком Гапочка, на миг остановившись на дорозі. С очка ей раптом выкотилася велика слеза и тяжко упала на землю.

— А кому я сказал не плакати? Ты думаш — мі не шкода мамы? А я не плачу. Думаш, як мі сім роков, то мі плакати не хочеш?

— Я не плачу, — сказала Гапочка и позріла с побожностью на брата, — Петрусь, лем ты не сердся...

Петрусь поважно погладил ей по білявой головкі и, што-си пригадавши, остановился.

— Ну, вот я — німец, — рюк Петрусь и раптом смішно зморщил личко, — я — німец и кричу на тебе. Вот так встрічам тебе на дорозі и кричу. Гальт! Пук-пук! А потом тупам ногами, штобы ты настрашилася и всьо мі сказала — скажеш?

— Не скажу, — отповіла Гапочка.

— Што тато наш в Червеной Армии?

— Не скажу.

— А што маму німцы повісили, скажеш?

— Тыж не скажу.

— А куды мы идеме?

— До партизанов, Петрусь, правда?

— Ты здуріла, дівко... Так німцу и скажеш?

— Я забыла...

— А ты не забывай. Мы идеме до теты в друге село. Так и скаж німцу. А он дурный и пиде собі гет. Ты на него смот и не бойся. Ты маленька украинка, а он дурный німец. Най кричит. Всьо едно тато його встрілят. Придут том дорогом и встрілят. Смот, як дорога гарна. До ліса ище далеко, далеко. Сонечко уж не пече, лем гріє. Ты любиш в степу?

— Люблю, — рекла Гапочка и засміялася, — я люблю кавуна...

— Ач, яка хитра, кавуна ей хочеса. А баштан у тебе ест? Вот най коло дороги баштан рости буде, мы и попросиме скибочку однееньку.

— И дынькы, — озвалася Гапочка.

— Ну, добри, най и дынька. Лем смот, не бойся німца, як встрітимо. Стой собі и плач, а я сам с ним говорити буду...

Петрусь заглянул поважно до торбы, што висіла у него через плече, вытяг оттамаль чорного сухарика и дал Гапочкі.

— На, дівко, поіч. Ище дорога до партизанов не близка.

Гапочка взяла сухарика и хрумала тот ище мамин гостинец. Жито по обох сторонах дороги фалювалося, вітер нахиял го аж над голову дітей, чисте небо, напоєне солнцем, як бы засноване синими и срибными нитками, переливалося, горіло, не было йому конца-краю. На безмежном просторі степу загубилося двое дітей. Босы ножкы их ступают на нагрітый порох дороги, у них ест ціл, они идут.

— А вот и німцы, — рюк Петрусь, — ховаймеса в жито, штобы они нас не увиділи.

— Я боюся, — призналася Гапочка.

— Кому я сказал?! Німец — дурный...

— Я иду, — тихо отповіла Гапочка и рушила за Петрусьом просто в глубоке жито. Высоко над головами погойдувалося колося. Посмітюшка бігла перед дітми по землі, зачепаючи крыльцами бурянец. Сіренька ящурка пирнула под груду и зникла. Голубенька бабка погойдувалася на соломинкі, росправляла провидны крыльцата. Діти шли, як в лісі.

— Дост, — рюк Петрусь, — много жита потолочиме.

— А пташка куды побігла? — звідала Гапочка и показала вслід пальчиком.

— То посмітюшка, — отповіл Петрусь, — виділа, який у ней чубчик. Она нас от гніздечка свого отводит. Она хитра пташка...

Гапочка сіла на землі и почала будувати хатку с травы. Петрусь прислухался, але

йому заважало шарудіня житних колосков. Послышался голосный гавк, на дітей выткнулася заслиненна морда собаки. Гапочка настрашилася и заплакала. Петрусь заступил ей от собачой морды.

— Цюцю-на! — рюк тихенько, штобы Гапочка не подумала, што и он настрашился. — Вот я йому дам сухарика. На, цюцю, сухарика, іч...

Но собака гавкала. Пыкатый німец ишол до собаки, россуваючи автоматом густе жито.

— Діти? — россердился німец. — Вольф, бер их!

Но собака несподівано лизнула Гапочку просто в нос, за што заробила копняка чоботом. Німец штовхнул болячо и Пётруся автоматом в спину. Петрусь повюл Гапочку знов на дорогу.

На дорозі стояла машина, чудернацко росфарбувана, а в ней полно німцов. Гапочкі не хотілося плакати перед чужими, але она пригадала собі наказ Пётруся и заплакала голосно. Німцы реготали, показуючи пальцами на дітей и на того, што их нашол. Петрусь стоял, як його мама, коли ей німцы поставили под шибеницу: он смотріл просто в очи чужинцам, усилювался не клипкати повіками и не бояться. Бо німцы так реготали, а тот еден так штуркал Пётруся, што хоч-кто бы настрашился!

— Тепер они нас будут стріляти, — потихоньку рюк Петрусь Гапочкі, — лем ты не бойся, Гапочко...

Пыкатый німец поставил дітей на горбок коло межи, наказал стояти ровно, а сам скочил в машину, яка уж рушала.

— Гапочко, — крикнул Петрусь в гуркоті машины, — як я тебе шарпну за руку — отразу падайме на землю!

Машина побігла з місца, пыкатый наставил автомат на Пётруся и Гапочку, але Петрусь шарпнул Гапочку за руку, и они обое попадали в яругу — одночасно с выстрілами автомата.

Машина отвіхала далеко.

Петрусь поднял голову:

— Сама видиш, який німец дурный.

Гапочка ростворила очи и сіла:

— Петрусь, я хочу ище сухарика.

Знов они шли дорогом, а ліс отходил дальше, не знаючи, видно, як у Пётруся и Гапочкы болят ноги. Над головами летіла

тота сама посмітюшка, як бы проводила. Жолтый-прежолтый мотыльок як бы дражнился: сяде на буркун-траву и гойдаться, а коли до него подойти — летит собі гет. Над самом дорогом перелетіл лелека с гадюком в дзюбі.

— Смот, смот, Гапочко, як гадюка звивается!

Но Гапочка совсім поддоптала свои ножки. Очи у ней злипалися от змучения, она шпоталася на ровной дорозі и раз таки упала. Петрусь співал ей, росповідал интересные сказки, подманювал, што ліс близко, а сам тыж не чул ни рук, ни ног.

Над дорогом вырос курень.

— Баштан, Гапочко, направду, баштан! — закричал Петрусь. — Кавуна попросиме, Гапочко.

Гапочка трохи ожила, Петрусь почал подбігати вперед, накрикуючи, штобы Гапочка го догоняла. До куреня подошли статечно. Петрусь знял бриля и крикнул, як його учила мама:

— Є кто живой?

С куреня выліз дід. Он сперся на руки и настобурчил кошляты бровы на дітей. Такого старого діда Петрусь ище николи не виділ: в його селі діды были молодшы.

— Драстуйте, дідуню, — чемно сказал Петрусь.

— А чого-ж вы лазите?! — закричал дід и аж закашлялся. — Вот, як возму кия!...

Гапочкі дід сподабался и она подошла ближе.

— Дідуню, — рекла Гапочка, — у вас совсім очи не смотрят. Бідный вы, дідуню, бідный...

Дід простяг руки, обмацал Гапочку и помалу притулил до своих грудей.

— Моя дитинко!...

Гапочка раптом отчула, як ей на руки рясно-рясно почали падати холодны дідовы слезы. — Она згадала маму, ей зробилося солодко и затишно, она заснула на дідусьовых руках.

Дід оповідал Петрусьови:

— Выкололи, дитино моя. Пытали нас на громаді, ци не виділ кто партизанов. А я кажу: "Та бодай тому очи повилазили, кто увидит!" Думал, што застрілят, — ніт, не застрілили. Лем очи выкололи...

— А ту партизаны не ходят? — звідав Петрусь.

— Кто-ж их знає, яки люде ходят? Ци правдивы, ци лем вывідуют... А я просил вывезти мене в степ — отут наплачусь и на-
дожидаясь...

— А мы до партизанов, діду, — рюк Пет-
рись, — я и Гапочка.

— Старшы тебе, дитино, пустили?

— Долго расповідати, а мало слухати, —
статечно рюк Петрусь.

— То и я с вами — рюк дідо.

— А вы хоц єдного німца убили?—звідал
Петрусь. — Партизаны так не приймут. Я
за маму спалил нашу шопу разом с німца-
ми, я так собі не иду!... А тепер дайте нам
діду, скибку кавуна, мы поїдеме, бо уж час.

Они пошли дальше трое: Петрусь, Гапо-
чка и сліпый дід. Петрусь волю діда за руку,
а дід нюс Гапочку. Далекий партизанский
ліс быстро-пребыстро наближался, як бы и
сам тепер шол навстрічу.

Загробне життя

Карл Штайн, визначный фашистский
урядник, нагло померший на сердце, як до-
носили о том берлинскы газеты, сиділ в сво-
йом персональном бомбосхоронищі и читал
наголос своей жені Амаліи долге жалобне
повідомление о своей смерти.

— Покойный Штайн, — зо задоволені-
ем читал покойный Штайн, — был вірным
слугом фюрера, и мы скорбиме, што в тот
тяжкий для нас час провидінію было угод-
но..."

— Коли-ж твои похороны, Карл? — нерв-
но прервала мужа фрау Штайн, округлень-
ка блондинка, подобна на спугану овцу.

— Завтра. Запамятай, што тепер мене зо-
вут Вильгельмом Крафт.

— А мене?

— А тебе — Штайн. Ты же моя вдова!

Фрау всхлипнула, приложила хустинку
до оч и рекла:

— Я не хочу быти твоим вдовом, Карл.
Най ліпше... Вильгельм Крафт отразу зо
мною женится. Я згодна!

— Не бесідуй глупостей, Амальхен! И
постарайся завтра голоснійше заводити над
моим гробом. Тото зробит вражия.

— Боже мой, но кто буде лежати в гро-
бу?

— Та ци тобі не всьо ровно, кто там буде
лежати? Не я, на всякий випадок. Гестапо
всуне там дашто зо своих запасов. Трумна
буде закрыта. Ты полож локти на віко, схо-
вай лице и рыдай собі на здорье. Поняла?

— Поняла, Карл... то ест, Вилли!

... Похороны Карла Штайна прошли
благополучно.

Вдова дуже натурально рыдала, схиляю-

ши голову над труном, друзья, выголошу-
вали жалобны бесіды и клали вінки.

Сам Штайн, штучно загримированный, с
наклееными бакенбардами, в темных окуля-
рах, стоял в стороні и уважно обсервовал за
печальном церемониом.

“Цілком приличны похороны! — думал
покойный Штайн. — Но што то мі даст за-
гробне життя?”

Неприємности почалися на слідующий
день.

Перед отъїздом в секретну командиров-
ку в Испанию Вильгельм Крафт, бывший
Карл Штайн, зашол до своего старого прия-
теля, есесовского діятеля Рудольфа Шуль-
ца, котрый был должен му 5 тысяч марок.

— Я іду, Рудольф! — значительно сказал
Штайн.

— Ід... Вильгельм! — рюк Шульц.

— Я бы хотіл свои грошы.

— Якы грошы?

— Пять тысяч марок, што-м ти позичил.
Не памяташ?

— Памятам, — рюк есесовский діятель на-
хабно усміхаючись, — но я был должен то-
ты грошы не Вильгельму Крафту, а Карлу
Штайну, а он умер.

— Як умер?! Я не умер!

— Ніт, ты умер! Я сам был на твоих по-
хоронах. И навет положил вінок на твой
гроб. Заплатил за него 75 марок. Так што я
остался должен покойному Штайну, правду
сказати, не 5 тысяч, а 4925 марок. Отдам их
іому на другом світі.

— Не валяй дурака, Рудольф! — рюк
Штайн, червеніючи. — Отдай грёшы! Ты
добри знаш, што Вильгельм Крафт и Карл
Штайн — тото само.

Есесовский діятель встал и энергичным
рухом показал Штайну двери.

— Заберайся вон, болван! — спокійно сказав дядько. — І якщо ти не поправишся в протязі хвилини, я сам відведу Вільгельма Крафта в гестапо.

І не встиг покійник одам'ятися, як нашолюся за двері.

В Іспанії Штайн пробув дві тижні. В Берлін він вернувся пізно ввечері.

Отворивши двері, він пройшов прямо в ідальню і... замер на порозі.

На дивані лежав і гучно храпів Рудольф Шульц. А обок нього сиділа Амелія і нестливо гладила лысину Шульца.

Амелія побачила чоловіка і вскрикнула. Рудольф Шульц збудився.

— Вітай до нас, Вільгельм, — сказав він, зіваючи.

— Мерзавець! — кричав Штайн. — Ти украв у мене не тільки гроші, але й дружину!

— Це не твоя дружина. Це вдова мого покійного друга Карла Штайна.

— Брідля! Як ти смієш!...

— А як ти смієш втручатися вночі до порядної вдови, ти свиня? Добри,

що я тут нашолюся. Я не дозволю ображати честь покійного Штайна.

Штайн кинувся на Шульца з п'ясти. Но потужний есесовець встав, хопив Штайна за коліно, підняв вгору, підніс до дверей і викинув на вулицю.

Через пів години Штайн сидів в фашистському штабі і, гучно сморкаючись, требовав, щоб його воскресили.

Обергрупенфюрер з каменним лицем вислухав скаргу Штайна і холодно рюк:

— Ми уважаємо вас дезертиром загірного фронту.

Штайн поблід і замахав руками.

— За те, що ви відмовляєтеся бути покійником мнимим, — продовжував обергрупенфюрер, — вас зроблять покійником правдивим. Ви задоволені?

Штайн хотів було сказати, що він незадоволений, але обергрупенфюрер позвонив, на дзвінок явилися двоє гестаповців...

Так покінчилося його загірне життя.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ.

ПРИ КАПИТУЛЯЦИИ БЕРЛИНА

Переговори о капитуляции Берлина с немецкой стороны проводил генерал Вейдлинг, а с советской стороны генерал Чуйков со штаба маршала Жукова.

Чekaючи на копію угоди, Вейдлинг, командант оборони Берліна, ходив взад і вперед по кабінеті Чуйкова. Чуйков, звернений плечима до вікна, слідив за ним. Вейдлинг зупинився і запитав:

— Чи ви знаєте, генерал, в чийому домі знаходиться ваш штаб? Чи ви знаєте, куди мене привели сьогодні раніше?

— Я не можу вам сказати, — відповів Чуйков, котрий всього рівно не цікавився тим справою.

— В моєму власному домі. Ваш полковник сидить за моїм столом, в моєму власному кабінеті.

Після того Вейдлинг втік.

* * *

Одна радянська команда, яка отримувала трофеї, спостерегла на зеленому лафеті німецької гаубиці мапу і багато дат, які указували, де вона побувала — в Парижі, Атонах, під стінами Москви, на Кавказі.

— Оберлейтенанте, — звернувся радянський офіцер до німецького артилерійського командира, — ми даємо вам пензель і фарбу. Напишіть на каноні останнє місце, де і коли той канон зробив останній вистріл і ми відшлемо цю гаубицю до Москви на виставку.

Він написав: "Берлін, 20 квітня — 2 травня 1945 р."

При вході до собору в Берліні, радянський офіцер зустрів підозрілого чоловіка з маленьким мішком в руках.

— Ваші документи?

— Я барбер, — відповів німець. — Мої документи вдома.

Німка, що стояла близько, втрутила:

— Чи довго ви були барбером, доктор Фріц? 20 квітня ви ще говорили по радіо, як Геббельсов персональний представник.

* * *

Між руїнами на одній вулиці радянські воїни знайшли пораненого німецького генерала. Вони наткнулися на нього як раз в той момент, коли він стягав до себе свій генеральський мундир. Але в радянському госпиталі він розбідігувався:

— Я называюсь Бауер. Я генерал-лейтенант, персональный пилот Гитлера и командант райхс-авиационной части. Я працював с Гитлером от 1932 року. Я был пилотом для Геринга, Геббельса, Риббентропа, Муссолини, Антонеску и короля Бориса. Я освобо-дился от Гитлера пару дней тому. Он подя-кувал мі за добру службу и порадил мі полетіти на один из аэродромов, оккупованных англичанами. 1 мая я пошел до Тиргартен с надійом, што подоймуся на малом самолёті, но был раненый.

* * *

Пауль Гейнхель розбесідувався:

— До войны я отповідал за Боамбитску тюрьму. Под час войны я служил во Фран-ции, Югославии и на Україні.

— Ци вы росстрілювали совітских граж-дан?

— Особисто ніт. Для того были солдаты.

— Поляков?

— Так, я росстрілювал поляков.

— Где ваша родина?

— Она была в Берлині.

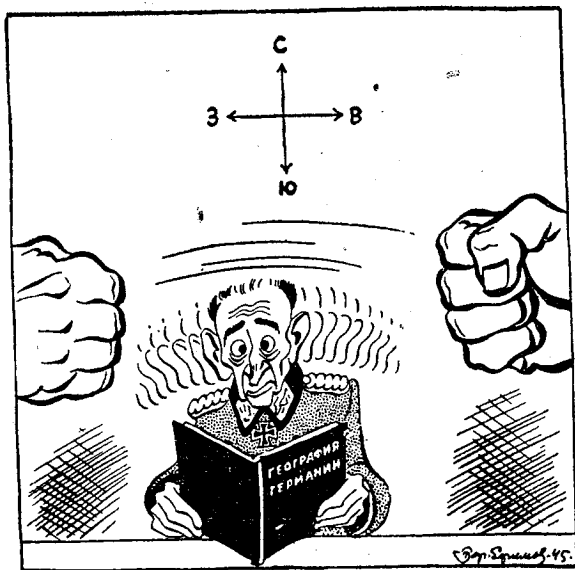
— А где она тепер?

— Моя жена и двое дітей отравилися вчера.

— Што заставило вас остатися в живых?

— Я надіялся придатися ище для Герма-нии.

Полковник-лейтенант П. ТРОЯНОВСКИЙ.

География Германии

АМЕРИКАНЦЫ И РУССКИ ДАКОЛИ

САН-ФРАНЦИСКО — СЕВАСТОПОЛЬ

Сан-Франциско, где отбывалася конфе-ренция Объединенных наций, в тоты далеки роки лем што будувался. Богаты золоты ко-пальни, открыты в 1848 року в Калифорнии, помагали бурному заселению. Но золота го-рячка, яка охопила Калифорнию, не пере-шкодила, однако, жителям молодого Сан-Франциско уважно слідити день за днем с великим интересом и симпатиом за героич-ном борьбом русских под стінами легендар-ной крымской кріпости — Севастополя.

В початку октября 1854 року на страни-цах европейских газет появилась неправди-ва вість о упадку Севастополя.

Американцы встрітили тоту вість сдер-жанно. Но потом, коли выяснилось, што то неправда, перед стоячими в порту корабля-ми враждебных России держав, стихийно возникла 4-тысячна манифестация с крика-ми: "Севастополь не взятый!" ("Москов-ские ведомости за 1855 рок стр. 720). При-поднятому настроению американцев ище со-дійствовала и лем што получена відомость о побіді русского оружия у Петропавловска на Камчаткі. Для зазначения русских успіхов американский корабль "Зинобия" салютував из 21 орудий. На кораблі было устроено не-велике торжество, в котром принял участь русский вице-консул в Сан-Франциско Кос-троминов. Коли он сходил с того корабля, в його честь было зроблено пару салютов ("Морнинг кроникл" № 27463 от января 1855 року).

Коли в 1855 року, послі долгой геройской обороны, Севастополя все-же пал, многи жители Сан-Франциско поспішили вырази-ти свое соболізнование Костроминову, як зазначат он сам в своих воспоминаниях, при-веденных в брошюре "Американцы в Крым-ску войну". Коли подданы держав, враждеб-ных России, устроили по случаю взятия Се-вастополя торжественный банкет, то в от-повідь на тото жители Сан-Франциско ор-ганизували демонстрацию симпатии перед русским консульством. Шатер, где отбывал-ся банкет по случаю взятия Севастополя, был выверненный, цукровый Малахов курган, стоявший на торжественно убранном столі, розломный и зіджений, а участники банке-та розогнаны.

ВІРА

ЮРИЙ СМОЛИЧ

История жиховских лісовичок — найстрашнійша зо всіх, які в час глибокого рейду по фашистах довелося услышати бойцам батальона, где командиром товариш Харченко.

Жиховскы лісы уходят в пушу и дальше вяжутся с лісами Брянскими, Орловскими и Рязанскими — лісным югом средней России. Батальон товариша Харченка шол с востока, пробираючись на юго-запад — в партизанскы краи украинского лісостепу.

Роскошный и глухий украинский сіверный ліс! Над роздолами просторо роскинулася могуча дубина, над плесами струнко спинаются яворы, в низах тіснится осика, буйніе ліщина. Густы гаи, як бы чемно обходили селища и ораницы, западают в мочары, а на піщаных горбах велично вносяться струнky высочезны боры. Глушина в сіверных украинских лісах страшна, в мирных часах подальше от селищ на десятки километров не встрітити вам чоловіка.

На стан жиховских лісовачок натрафила розвідка сержанта Хоруженка, коли пробибалася лісом понад старым закинутым торфішом.

В сосновых зарослях бойцы раптом набрели на могилку: над горбочком похилилася струнка сосна, против востока на ней стесано кору, и на злупеному отземку выдрапано и написано синим химичным оловцом:

“Марина — 18/XI, Настя — 19/XI, Ирина Павлівна — 19.”

Химичный оловец ростиюся, дощи змыли го, решту вссало и вынесло смолом дерево, але в глубоких порізах деревини ище остались примітны риски.

Бор тихо гул верхами, на болотах цювирникала пташня, отземком надмогильной сосны поволи стікала набырніла капля смолы. Ниже обтесаного місца на краю коры смола застыгала кришталевым, провидным бурштиновым грибом.

Бойцы поскидали шапки и на миг похилили головы над піщаным горбочком. Три

смерти ховала в собі невідома могила. Три людскы трагедии. Три житя.

За полгодаины бойцы знов натрафили на могилу. На сосні над могилом вирізано, як и перше:

“Наталка Б. — 23/XI, Наталка М. — 24/XI.”

Не трудно собі представити и прочитати историю тых невідомых могил. Брели лісами біженцы с оккупованых территорий, бігли гет от німецкого лиха невідомо куды, — опасность, горе, голод были их вірными спутниками. Силы покинули пятох, страшна смерть далеко от родной стороны замкнула им очи навікы. Товаришы поховали их, смутно ушанували память и побрели дальше на восток.

Дальше на воинов ждала ище несподіванка. Под молодыми сосенками лежали два трупы, ледво присыпаны чистым піском. Очевидно, и над ними был насыпанный горбок, але послі дощов шла вода и знесла пісок в яругу. Трупы были давны, останкы прикрывало зотліле шматя — шматкы хустинок, рештки сподниц.

— Жены, тай жены, — смутно рюк Хоруженко. — Выгыбат наш край...

Ины молчали. Постояли понуро с кашкетами в руках, зотхнули и пошли. За рок войны бойцы насмотрілися на страдания, на кров и на смерть. Ненависть и жажда мести ярили в их зраненых душах. Спочатку, коли доводилося попадати на ростерзаны тіла — кров закипала и ударяла буйном фальом в сердце. Войны кидалися наосліп вперед — лем бы ближе до врага, знищити го, вгрызтися в горло. Потом ненависть и жажда мести дисциплинували завязтых юнаков. Они молчкы и похмуро смотріли ище на одну смерть, вздержували свою лють — ховали ненависть для остаточного побідоносного удару: штобы не лем отплатити, але расплатитися сполна.

— До бою! — раптом шепнул Хоруженко.

Воины упали в пісок и выставили автоматы.

Хоруженко пильно придивлялся до со-
сновых корчов. Сомніния не было: меж мо-
лодыми зарослями рушался чоловік. Галуз-
кы тряслися, посыпался пісок в яружку, по-
слышался шелест и знов стихло.

— Встати! Руки в гору! Ждати так, по-
каль подойдеме! — приказал Хоруженко.

Но на крик Хоруженка не отозвался никто.

Тогда Хоруженко поднял бойцов, и они
подступили, оточуючи сосенкы.

Стіна молодых сосенок была не широка,
за нѳом розлягалася піщана лысина. На лы-
сині в піску ту и там лежали тіла. Их было
шестеро. И знов то были жены. Шесть мер-
твых женщин. Встороні, под сосном, лежала
сема. Она была без памяти, но ище жива.

Женщина роскинулася горі лиц, пальцы
ей рук вгреблися в пісок, лице почорніло,
губы потріскали, очи порожно и бездумно
смотріли в гору. Женщина была жива, але
жити ей оставалося недолго: она умирала з
голоду и вычерпания.

Пару кропель горілки на голы ясна вы-
добыли из грудей женщины тихий стон,
холодна вода на голову примусила ей клип-
нути повіками, глоток горячего бульона с
термоса Хоруженка дал ей силы зотхнути.

Тогда бойцы быстро связалися с груп-
пом, положили женщину на ношы и отнес-
ли до батальонного лікаря.

До вечера лікарю посчестилося поверну-
ти женщины притомность. Загріта под пару
плащами, она заснула на бивуаку, а ранком,
напоена горячим консервным молоком, она
заговорила.

— Людонькы... — прошептала женщи-
на и затихла надолго.

Она молчала долго, молчала, як нежива,
лем тремтіние тканины над грудьми свідчи-
ло, што в том высохненем тілі ище тліют реш-
тки житя. Она зажмурила очи. Командир
Хоруженко, лікар и бойцы стояли вколо и
терпеливо ждали. Але женщина не говорила
больше ни слова. Лем за який-си час спод
зморщенных повік выкотилася слеза и по-
бігла через щеку.

— Заплакала, — рюк лікар, — тепер
ожие. Молодость возме свое и переборе...

Молодость? — звiдал командир Харченко.

И всі посмотріли на женщину. Волосы
ей были сивы, лице в зморщках.

— Ёй двадцет два рокы, — рюк лікар, —
молоде дівча...

Женщину понесли на ношах за бата-
льоном.

До вечера женщина опритомніла зовсім,
ей накормлено осторожно, але поживно, и
она змогла дашто росповісти. Ясный розум
и память остались при ней.

Вот, из ей оповiдания — история жихов-
ских лісовичок.

Их было двадцет три, коли они схорони-
лися в жиховских лісах. Десять в разный час
не повернулися до табору, пошовши на пар-
тизанскы діла. Пять, помершых от голоду
и хворт, живы поховали под соснами; кол-
хозниц Марину и Настю, учительку Ирину
Павловну, колхозницу Наталку Б. и студент-
ку Наталку М. Дві умерли позднійше, коли
у живых не было уж силы рыти могилу, и
их присыпали лем піском. То были Феся и
колхозница Александра. Другы на піщаной
лысині в сосновых корчах ище боролися зо
смертью за свое несчастне, полне страданий
житя. Але доходило до краю вычерпание, и
одна по другой умирали и они. Померла Ри-
ва, раховничка в фафинерии, померла кол-
хозница Верка, жена офицера Одарка, кол-
хозницы Меланка, Мокрина, Явдоха. Послі-
дном померала Віра, — то ей и нашла роз-
відка Хоруженка. Віра была зоотехником в
жиховском колхозі "Червеный прапор".

Много зла зазнали жиховскы женщины
за дни оккупации. Домы их зруйновано, гос-
подарство розграблено, а самых примушано
каторжно працювати на німецкы потреби.
Они нужно и терпеливо зносили все, бо
вірили, што незадолго упаде власть німец-
кых катов и повернеся совітске житя. Они
постановили вытерпіти все доостатку, лем
бы дожити до побіды.

Но несподівано много жиховских жен-
щин одержали из німецкой комендатуры по-
вістки: явитися для отправок на роботу в
Германию.

Того не могли знести женщины. Они
могли терпіти страшны муки в ожиданию
побіды, но они не згодні были ийти в раб-
ство во вражу, ненавистну країну. Они зго-
ворилися меж собом и вночи зникли зо се-
ла. Женщины не знали далеких и путаных в
пущи дорог, но розуміли, што, коли ийти
против всходу солнца, то дойдеш до фрон-
ту, а за фронтом — своя, родна, совітска

сторона. И они пошли. Утечи, спастися, пробитися до своих — у них не было иншої мысли.

Но, нашовшися в лісі, они постановили иначе. Замного гніва и люти набралось в их сердцах, шtbody лем так покинути родну землю и утікати світ за очи. А постріляны отцы? А загинены діти? А сплюндрованный край, грабеж, здівательства, насильства? Так, за всьо то расплатится Красна Армия, коли выжене оккупантов. Но женщины жаждали неотложной помсты. Они рішили остатися в лісі и расплачуватися с фашистами, як розуміют. Они могли бы пробитися до своих, але не хотіли: они не могли.

Жиховскы лісовичкы не мали оружия, шtbody стріляти врага зо-за корчов. У них не было и выбуховых материалов, шtbody высаджувати на воздух поїзды и фашистскы склады. У них были лем голы руки и лють.

И вынаходлива людска лють.

Лісовичкы выходили на дорогу навстрічу карным віділам, якы шли успокоювати непокорны в лісах селища и хutory, — вызывалися проводить карателей коротшымы лісовымы стежками, заводили их в трясинны и потопали разом с німцами. Так взяла разом с німцами трясина колхозницю Теклю и пятнадцатрочну школярку Килю.

Лісовичкы пробіралися до войсковых німецкых постойов и подпалювали фураж, або пускали з дымом скирты в полі, — шtbody бы не забрали украинску пшеницу німецкы каты. Коли их ловили, то вішали на телеграфных столбах. Так повішно колхозниц Галину и Докию, и студентку Олесю.

Лісовичкы прикидалися перекупками, выходили на базар и трули ласых фрицов напойом зо соком волчой ягоды або цикутом. За то згинула Мотря, Варвара и Любина. Стефа згинула невідомо як. Здаєся, тогды, як пробивалися на хutory, заманювали фрицов на любощы и душили их в обыймах голымы руками.

Жили лісовичкы в пуши. Літо кормило их диком ягодом, осінь — корінцами. Ловили в сільца птахы, часами убивали кийом необачного зайца або лишку. Или мышей, жаб, ужей. Варили юшку з болотной водоросли. Хоробы валили их з ног. Силы оставляли их и они умирали з вычерпания. А другы жили дальше, бо их держала віра, шtbody таки приде година побіды...

Віра пережила всіх. Єй не дали загинути бойцы.

Бойцы слухали оповідання Віры молчкы. Непорушны и суровы были их лица. Замного горя виділи они за свой молодой вік. Віковий ліс взносился вколо них мурами и сходился вгорі склепіннями. Меж высокымы конарами уж запалювалися тихы звізды, — родне небо было на запад, на восток, на сівер и юг. Вітрец гул в верхах сосен, біг над гаями, через піскы и мочары, слался над широком родном земльом, залятом кровью, всіяном трупом, — аж тяжком от стонов, люти и ненависти. Заходили на тоту землю татаре, туркы, польскы паны, регименты германского императора Вильгельма. Радю принимала украинска земля в свои нідры всіх врагов, — выстарчало місца вражым мертвецам помеж близких сердцу родных цминтарей. Не вертаются с сей земли до своего дому врагы — лягают ту трупом. А земля дальше стоит. И дальше жие на землі народ.

— А отчого же пошла помеж вас, женщин, така люта ненависть до німецкых фашистов? — звідал один из воинов.

Другы посмотріли на него незадоволено. Ци мож звідувати чом и за што ненавидит німецкых оккупантов вольный украинский народ?

Віра также молчала. Воин заганьбился и отступил с кола. Молчали всі. Каждый думал о своем.

Але Віра передыхнула и заговорила. Она отповідала на вопрос воина.

— У всіх, — рекла Віра, — еднаково. Но у каждой свое...

Она помолчала, передыхнула и тогды заговорила тихо и монотонно, як бы не первый раз говорила тоты слова:

— У Марины мужа убито на фронті... У Явдохы померла дитина з голоду... Варвариногo нареченогo німцы спалили огнем... У Наталкы другой росстріляно отца и матір... Наталку-першу они згвалтували... Настю покалічили на ціле житя... Докию...

— Ну, а у тебе? — звідал Харченко.

Віра помолчала хвильку.

— Та у мене ничего, — нарешті, рекла она, — и родичов не убито, бо я сирота, и нареченый живой с армиом пошол, и не гвалтили мене, и трафилосся так, шtbody и не били... И Олесю и Галину так само, як бы

не скривдили нияк... Лем народ весь по-кривджено и крайну сплюндровано. А я дуже люблю родный край.

Она замолкла. Молчали всі. Так часто доводится слышати тоты слова "Люблю родный край". Они просты и дуже великы тоты слова.

Бойцы похилили головы и молчали. Дополна набрали ненависти их сердца. Доходило до краю их вздержуване напружение.

— Люблю, — ледво слышно прошептала ище Віра, — люблю.

АРИЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

— Яке счастье, Пауль!

— За днешний вечер, Минна, ты повторила тоты слова ровно десять раз.

— Десять раз не може быти.

— Точность, моя дорога жено, — то истинна прикмета німца!

— Тише Пауль. Не бесідуй так голосно, што ты німец. Забываш, што по улицам нашего міста ходят русскы.

— Маш правду, Минна. Днеска, то — велике несчастье, што мы ... (шептом) німцы.

— Як нам выпутатися с того положения? Што ты думаеш, Пауль?

— Не думам. Не думати — то истинна прикмета нім... До річи, ци ты добри сховала украинскы вышивкы?

— Всю закопала, всю зарыла. Но як закопати в землю наше арийске походжение?

— Я уж дашто предпринял. Спалил свідоцтво о своей чистокровности.

— Добри зробил.

— Предосторожность — то истинна прикмета...

— Тише Пауль. Не договарюй.

— Молчу. Молчание — то истинна прикмета...

— Не поможет, Пауль. Физиономия у нас... О Боже, яки у нас німецкы физиономии! Особливо твоя. Смотріти неприемно.

— Но памяташ, Минна, мене сильно ганили за ненімецку линию подбородка и яки-си неровности чашкы. Може, на том зограти?

— Плювати русским на твой подбородок, и накихати им на твою чашку.

— Што-ж робити?

— Вспомни, Пауль, може в твойом роду была хоц една змішана женячка? Мож, дагде у твоей матери або бабки заваялся поляк, грек, негр, еврей, француз?

— Премаж мі, дорога. Но ничего такого не было.

— Так, ничего сказать. Удачно я вышла замуж! Чистокровный...

— От чистокровной и слышу. Сама-то ты хороша! Дванадцать поколений сіверной расы! Білява бестия...

Супруги долго бы ище вадилися. Но нараз в кути што-си зарушалось. То приподнялася из кресла стара и дряхла фрау Берта — матери Минны.

— Діти мои, — рекла она ласкаво, — не свартесь. У мене для вас приготовлена несподіванка. Чудесна несподіванка, мои дороги. Я долго таила тото про себе. Навет от мужа скрыла. Хранила вам подарок на чорный день. Днеска, мі здається, тот чорный день пришол для нас всіх. Слушайте уважно... Мой Карл, твой старый отец, Минна, находится сейчас там, откаль ніт поворота: он в фольксштурмі. А предтым он ціле життя торгувал галантериом. Он провадил діла с одним бельгийском фирмом — замечательны корунки...

— Ну и што-ж? — грубо перебил зять. — Вы хотите нам подарувати корунки?

— Ніт, не корунки я вам хочу подарувати, а коммивояжера. Його звали... Не могу точно припомнути собі. Здається, його звали мсье Котлет. Он часто приїзжал до нас. То был крас мсье! Його фирма была тісно связана с нашим фирмом. Ах, яки корунки! И я могу вас, діти, потішити: Минна — дочка мсье Котлета. Я могу тото подтвердить под присягом. Мі, старой, повірят. Дякуйте мі, Пауль и Минна. Я, здається, заслужила. Як видите, я все старалась о вас, мои любы.

— Яке счастье!

— Дякую, мамо, дякую!

— Всю тото добри. А если нараз...

— Што "нараз"?

— А если нараз русским наплювати и на вашего коммивояжера? А?

Г. РИКЛИН.

На Родной Землі

АЛЕКСЕЙ КОЖЕВНИКОВ
(Из повісті "Воздушный десант")

... Больше в тоту ноч мі не посчастлилося встрітити своих. Остаток ночи я шол, а на день сховался в снопах гречкы, близко села, так, шобы видіти и слышати німцов. Рано на тоту поле приїхал старик и почал перекладувати снопы на драбняк. Старичок показался мі безопасным: маленький, горбатый, с несмілым лицом и добрым голосом.

Он с надзвычайном терпеливостью относился до своей кобылки. Коли треба было переїхати от одной колкы снопов ку другой, рыжа долго крутилася, розганялася, махала хвостом, а старик просил ей миролюбиво:

— Но-но, матушка, н-но! Давай, божа, давай! Я поможу, — и подперал худым плечом люшню, шобы пхнути.

Я высунл кус голову и рюк:

— Діду, тихо! Не пугайся. Я свой. Подойд ку мі, дідушка, побесідувати треба.

Он выслушал мя без всякого зачудования — показалося, што такє йому не новина, — подошол дораз:

— Бесідуй, сынку!

Я звідал о парашютистах.

— Кто они — я не знам, але были пять дней тому назад. Пити заходили. А больше не слышно.

Звідал о німцах.

— Их много, особливо послі парашютистов, як хробаков послі дощу. Бесідуй, сынку, скорше!

Я звідал о дорогах, якы спокойнійшы.

— Недобрый ты час выбрал на прогулки. Тепер всі дороги, як пательни, горяченькы. Одно пораджу — поменьше показуйся меж людьми. Німцы так напугали народ, што дакто и не хотіл бы, а зо страху покаже на тебе.

Я попросил діда привезти мі дакус хліба и воды.

— Добри, привезу.

Он уїхал, а я с подвоеном увагом почал обсервувати село и дорогу. Всяди были німцы.

Вот старик появился знов; проїзжаючи

мимо мене, он осторожно спустил на землю окраец хліба и бутылку воды.

— Посудину верний; послідня, — шепнул он.

Я перелял воду во флягу и, коли дідо проїзжал назад, вернул му бутылку.

На вїзді в село мого діда задержали, роскинули цілый воз, а самого увели под конвоем.

Яку-си скверну роль ту напевно зограла бутылка. Німцы долго передавали ей из рук в руки. Може быти, дідо планно сховал ей, быти може, она блисла у нас на полі на солнці и дакто увиділ.

Одна группа німцов увела діда, а другая пошла ку копам. За мною, розумієся. Німцы шли дост байдужно, полным ростом. Я и выкорыстал тоту — акуратненько зрізал всіх — их было пятеро — и побіжал. Спочатку полем, ховаючись за копами, потом звернул на луку, в стогы.

И там, где здавалося, што я уж спасеный, мене нараз опарила куля. Лем ту я зауважил, што у одного из стогов стоит подвода и німец ладує сіно. В тот момент он оставил вилы и знов цілил в мене. Я метнулся за стог. Друга куля пролетіла мимо.

Дальше почалася гра в бабку. Мы оба с німцом ховалися за одним стогом. Котрому-си з нас треба было неunikнено умерти. Ранил он мене скверно, в шию, и у мене спочатку очи и самый ум помутилися. Положение мое было недобре. Фриц наступал, я отступал. Округлый брюхатый стог перешкахал нам видіти один другого. Но люфа фрицовского автомата што хвильку стырчала предо мною. И так близко, што один зручный скок, и мож хопити руком. В тот сам час мож достати и цілу чергу прямо в грудь. Я отступал и отступал и старался тым часом пересилити дурь и слабость от раны.

А пересиливши, я перешол в наступ. На один миг я увиділ фрица — ліпше сказати — часть його лица: дві темны ноздри, рыжы усы и злы, выщирены зубы. Я не встиг выстрілити, як фриц сховался знов.

И потом — ни фрица, ни навет кончика йог автомата. Слышу, пыхтит обок, а што-бы увидіти и тым больше пристрілити, треба рванутися вперед. Рванешся, а он возме, як слідує, на автомат. Ну, думам, в боротьбі коло стога наступательна тактика не годится. Най фриц рванешся, а я го прийму.

Знов вижу люфу фрицового автомата. Автомат высунатся кус больше. На мою грудь як бы набивали обруч. Я напружам всі силы и “обруч пукат”. Я вздыхаю вольно, руки отразу кріпнут, и мой ладунок беспомыльно летит в люфу німецкого автомата. Автомат никне. Я роблю скок вперед и перевожу дощ куль на рыжы усы.

Німец мертвый. Конь дремотно жує сіно. Вколо пусто. Знимаю свою униформу, ховаю в мішок и надіваю фрицовску. Подголого німца заваляю сіном, потом вдрапуваю на воз и іду.

Луки иду́т далеко, вдоль рі́ки, може быти, на всю долготу ей течения...

* * *

Луки увели мене далеко, а куды — не знаю. Таж не будеш звідувати встрічних: “Скажите, куды я заіхал?” — або розкладувати мапу и окреслятися...

Окреслитися сейчас мі дуже потрібно. Я серьезно ранений, кров мочила грубу повязку, на котру я ужил ручник и дві онучки. Больше у мене ничего ніт. Та може роздерти сподню білизну? Мі треба скорше ку своим.

Вечерний чуткий воздух доносит голос из пару сел.

“Ну, віщун, говор: куды поїдеме?” — звідую я свое сердце. Если слух, око, досвід и ум часом вконец отказуются дати раду, то сердце и в самом неясном положении все што-си знає. Я гварю лем про свое сердце. “Куды же? В дальше село? Чом? Так, без всяких “чом”... Больше подабаться. Там кто-си дуже красно співат про рябину: “Трудно мі, рябині, к дубу перебраться, горько сиротині вік одной качаться.”

Співат женщина, сама. Дошовши до конца, она починает пісню спочатку. Вот я и поїду прямо на пісню, прямо ку той женщины.

Вхожу в село. Но пісня умолкат. И сердце мі не може подказати, где, в какой хаті глядати пісню. Тогда буду стукати в первую. Но и первые хаты — дві. Я долго хвіюся, в котру вступити: в одной хаті може быти пісня, а в другой — куля.

Дни пресижую в потоках, в полях, в зернах, в бездійных вітряках, в буряні. По ночам блукам.

Кормлюся тым, што нахожу под ногами: кукурузом, суровом картошком, бураками, подсолнечниками.

Питьом богатый. Беру го в вітряках. Майже в каждом из них ест противопожарна бочка. Питье застаріле, затухле, но жолудок мой переносит го героично, ни раз не боліл.

Губит мене голод — у мене уж пухнут ноги, — губит самотность, а больше всего рана. Она продолжат кровоточити и гние. Чувствую по запаху.

Предо мною знов два села. В котре зайти? Ест в них што-си знакоме, як бы уж виділ. Иду в праве, оно поближе. Стукам, стукам, стукам... и прохожу ціле село неслышаным. Ночую коло крайного дома, притулившись ку стінкі хліва. Идти дагде, ховатися — ніт больше силы.

Будит мя гусий гогот. Совсім світло. Хорошо видно друге село. Знакомое, памятное село. В нем ест горбатенький старичок Никанор, котрый первый накормил и напоил мене, а потом, быти може... Я боюся выговорити... зрадил.

Подношу кусок доски и, операячись на него, иду в село, где Никанор, котрый... Спас або зрадил? Иду к Никанору. В селі уж будятся. Но я иду. И поїду! Моя, родна земля. Кто посміє прешкодити мі! Най лем попробує. Никто и не думай! Я иду к Никанору, к Никанору. К моему спасителю... К моему зраднику... Тото мы сейчас разбереме.

Иду селом. Окна ище заслонены занавісками, двери не отворены. Где стукнути, кого звідати, где проживат мой Никанор? Но мі днеска счастье: из хаты, што против мене, выходит дівчина с ведрами.

— Скажите, где проживат Никанор?

— Никанор? — она спугано подносит брови. — Який?

— Горбатый... Мой Никанор.

Она, як от сильного порыва вітра, подаєся назад в хату. Я вхожу за ней. Она заперат двери.

— А вы кто?

— Я... тот. Никанор знає.

— Тот?... переспрошує она. По зміні чувств, котры охоплюют ей лице, я вижу, што и для ней знакомый “тот”, — она слышит о нем не первый раз.

— И вы не знаете? — шепче она. — Никанора ніт. Никанора повісили німцы. Замість вас. Йому сказали: "Покаж, где тот... Тот, кому возил воду."

— А Никанор?

— "Знати никого не знаю. Никому не возил. А бутылку нашол в полі."

— И повісили?

— Повісили.

— Где?

— У нас на улиці. Столбы стоят ище, видно.

— Давно повісили?

— В тот сам день.

— Где похоронили?

— Не знаю. Увезли куды-то німцы.

Она стоит. Я розумію, што гость я не беспечный, и гварю:

— Дайте мі поісти! Я умерам.

Она быстро, с явном радостью, отрізуе скибу хліба, достає зо столика два яблока и подає мі. Я беру, потом кладу на стол и сам сідам ку столу.

— Ніт, ніт... Вы там... там, — бурмоче она зо страхом и отходит ку окну.

— У кого-ж, наконец, мож посидіти?! — мужска гордость, стыд показатися слабым и всяка осторожность покидают мене. — Полмісяца я не сиділ, вот так, на лавкі!...

Она продолжат уважно смотріти на улицу. Ци она слухат мене, ци слышит, — не знам. И нараз быстро обертатся. Я даже привстаю от здивования, таке у ней нове лице. Ласкаве и печальне, ясне и затуманене, як раз таке, яким быват лице у дівчины, коли она проводит дорогого чоловіка, проводит далеко, надолго и вот стоит с ним послідны минуты и цілом душою жалує, што они летят так скоро.

Потом дівчина подходит ку мі, кладе на мои плечи руки, ласкаво, осторожно гладит брудне, загрубіле сукно куртки и говорит таким голосом, котрому немож противитися, яким говорят: "Милый, дорогой, ну, побудь зомном ище хоц одну минуту," — говорит: "Уходте сию же минуту!"...

Я вскакую и ухожу. Хліб и яблока остаются на столі. Остаєся и моя опора — доска. Я забываю всьо, даже взглянути на шибеницу, где за мене, замест мене погиб убогенький Никанор.

Иду безрассудно сміло... Чувствую, што вколо мене світлый день...

* * *

Кто-си трясе мя за плечи и шепче:

— Товариш... товариш... товариш...

Отвертам очи. Хлопчина... И чого йому треба?

— Товариш... Подме скорше.

— Куды?

— Я тя не знам.

И знов шепче, шепче... Коли я вышол, його сестра Настенька послала го за мною, послідити. Коли я почал спускаться в берег и упал и остался ту лежати, он нарвал травы и прикрыл мя. Потом побіжал ку Настенькі. Она знов послала го ку мі. Он вертілся коло мене до вечера.

— Вы — тот?

— Ну, тот.

— То подме!

— Ну, подме! Надокучил.

... Я лежу на повалі, под котром жие Настенька. По пару раз денно она выходит ку мі, промывает и перевязує рану, приносит борщ, кашу, молоко. Яблоки цілый час коло мене, ціла скринка.

Вчера, перевязавши мя и накормивши, она не зникла пугливо, як звычайно, а сіла ку моей голове и шепнула:

— Хотите почитати, што про нас німцы пишут?

— Про вас? — я кивнул ей.

— И про мене и про вас, — она усміхнулася, — компания одна.

Тото было уж цілком интересно. Я думаю, што лежу в цілковитой незнаности, а німцы не лем знаю, но уж и пишут. Я так и рванулс ку Настенькі.

— Шш... — она затисла уши руками, — як мож так... услышат.

Потом из широкого рукава своего білого пестро и богато вышитого кафтана осторожно вытянула паперик, звернений в трубочку. То была німецка афишка — оголошение до місцевого населения. Німцы повідомляли, што червены скинули великий десант. Дальше страшили, што десантники — убийцы, грабители, насильники, подпалаче. Дальше призывали выловлювати их, показувати, где мы хоронимєся. Афишка закончуваласу списком кар и наград.

За помоч десантнику — шибеница, карєся ціла фамилия; за пойманье — пятнадцать тысяч марок; за одно показание, где находитс, у кого быват, — десять тысяч марок; за выдачу того, кто помагат десантнику, — также десять тысяч марок.

По желанію, грошевы награды заміняються натуром: водком, махорком, солью.

Коли я прочитал афишку, Настенька рек-ла:

— А вы — прямо в село, прямо в дом... Ище в білый день. Та ци так можно? Безжалостный вы чоловік.

— Чом безжалостный?

— А як же?... Себе погубите — ваше діло. Но и себе жалувати треба: вы молодой. А ку другому подойдете — и другого погубите. Он вам готовый добро зробити, а вы його на яку смерть подводите. Немож одно памятати: пити-істи хочу, мі жити охота, треба и друге: всім жити охота. Ну, отдыхайте, но тихо. Не дай Бог, дознаются, який скарб в нашої хаті жие.

— И думаш, найдутся, донесут?

— Як знати?... А страшно... — она пугливо прислухалася, потом дошептала:

— Обое мы двадцет пять тысяч стоиме. А у мене и мама, и брат, и ище сестра.

Она встала, штобы выйти. Я протянул ей афишку.

— Тота для вас, — сказала она, — у мене ест.

— А мі ей не треба.

— На память.

Я понял: афишка повинна напминати мі о осторожности, што и другим, всім хочеса жити, што... Та ци мало што може напмнути така афишка? И сховал я ей в пачку писем из дому.

...Днеска я чувствую себе вполні здоровым и говорю Настенькі, што вечером пойду дальше. Она заберат мой пустый мішок и за хвильку вертат полный. Я звідую о дорогу на Канев. Настенька называет села, приміты, людей, у котрых мож переночувати, достати хліба, дознатися дорогу дальше. Я повторям за нѐм из слова в слово. Довірити паперу немож ничего: таж што ни слово, то жита чоловіка, жита цілой фамилии, — и мы шепчеме до того часу, покаль не выучую всьо напамять.

Я готовый. Автомат и мішок уж на мі. Подаю Настенькі руку. Она, заміст того, штобы положить свою руку в мою, кладе мі ей на плечо. Она ничего не говорит, но я вижу по лицу, што в ней на душі, и сідам. И сижу ище долго, долго.

Выхожу. Німцы кидают ракеты, стріляют. А мі наплювати на тото. Кидай, стріляй... Всьо ровно мож жити на світі!

СЧЕСТЛИВА ПИПКА

В окопі нас было трое: я, білорусс Филоник, який лем повернулся с госпиталя, и сибиряк Хороших.

Безгранична синь неба и фронтова тишина навіювали думки про наши родны край. Вот так, сядеме еден обок другого, закуриме по цигарку, а Филоник — пипку, тай задумаемся. Годину, другу. По небі пробігають легкы хмаркы, віе прохолодом, співають пташкы. Забываш тогди и про войну, и про то, што ты в окопі. Думками перенесешся вдаль, и на сердці стае легко и радостно.

Вот в такой час, коли я остался в окопі сам, и сталася пригода, какой я николи не забуду.

Я сиділ в окопі и ждал своих приятелей. Приготовлял, як завсе, для Филоника його пипку зо свіжым дуганом, и знал, што хлопцы вот-вот мают прибыти с бойового задания. До речи, завсе, коли я прашался с Филоником, он мі записувал на память пипку. — “Коли не повернуса, — говорит он, — най пипка тобі остане; як про мене вспомин.” Сколько раз он мі так дарувал ей и знов брал назад — не порахую: Филоник все повертался с бою побідителем.

А сегодня... справді... чом их ніт?

Та вот цілком близко послышался выстріл. Другий. Я высунул голову с окопа и увиділ недалеко Филоника. Он што силы біг узком, подзьобаном кулями и побитом минами дорожкой — и кричал:

“Фрицы! Фрицы!”

Я выскочил с окопа и побіг за ним. Коло яру я увиділ таке: штыри німцы оточили Хороших, хотіли забрати го в плін. Но на помоч прибіг Филоник. Я виділ, як білорусс одним ударом приклада повалил тлустого німца на землю. Другому багнетом распорол брюхо. Третьому вскочил на плечи и оба повалилися на землю.

Коли я прибіг, на місці битвы лежали штыри фашисты, закровавлены, мертвы. Коло сибиряка сиділ білорусс и усміхался.

Я, звичайно, дораз дал Филоникови пипку, и мы тут уж втрѐх закурили.

А потом я виділ: Филоник встал, вытер с чела ясный пот и поцілувал багнет.

М. Шаповал.

Мати Славянских Братов

А. АВДЕЕНКО

В Карпатах, на берегу клязуры Чарне-око (штучне озеро, в котре ловлят дождевы потоки и регулируют спуск воды в долину), в самотной хижі, почорнівшой от туманов и дождей, жила-была стара Мария Симака — жена надзорцы клязуры Андрея Симака, котрый давно зложил кости за людску правду, — мати Василя, по слухам, также згнувшего за правду, но живого и долгожданного для матери.

Всі злы вітры обдували бідну хижину. День и ноч доносился ту гул горных потоков, бо в тот час, осенью, дождь в Карпатах майже не переставал. От хижины в долину вела лем една стежка. По ней никто не ходил, и ей майже змыли дожди.

В день, коли несподівано покончилася самотность старой Марии Симака, она, покончивши домову роботу, як и все в последны roky, сиділа сама в полтемной от осенной непогоды хаті и плела грубый волняный свидер. По шибам шуржал дробный дождь. Шуміли поточки, вливаючися в клязуру, зелено-ржавы горы поднимались с долины, попельно-дождевы горы спускались. Панувал ползмерк, хоц было ище лем полудне. Мати плела и думала о том, як тяжко в таку непогоду Василю. Самый непривітливый корчик замінят му дом, а галузкы сосны и ялицы, мокре листья — постель. Вот вернеся дому, так она день и ночь буде прикладати до пеца, загриє го за всі холодны roky.

С улицы крозь шум вітра и шорох дождя донюся свист, яким пастухы перекликаются еден с другим. Мария Симака кинула плести и выскочила на двор. Ни в обыстю, ни на берегах клязуры никого не было. Нараз, як бы с низко высячой хмары, ку ногам матери што-си упало. Здивувана, посмотріла на острый, обліплєный глином камень, лежачий среди гладких, отшлифованных камней. Поднесла голову ку небу, потом повольно повернула ей ку зелено-ржавой омытой дождями горі, верх котрой пропадал в хмарах. Буковы корчы, якы росли на краю обыстя, на берегу клязуры, зарушались и с них посыпалися брызгы. Меж галузками Мария увиділа усміхаючеся лице с чорными брова-

ми и чорными усами. Сильно забилося сердце и задрожали ноги. Кто то? То не сын. Василь біловолосый, білобровый.

Чоловік с корчов давал якы-си знакы. Мати скорше догадалася, што они значат, як порозуміла. Она также знаками отповіла, што німцов в ей домі ніт. Чоловік вышел с корчов. Ніт, он цілком не походит на Василя — на дві головы выший от него, широкоплечий. В руках чоловік держал автомат, из-под распахнутой куртки видно было поясный ремень, увішанный гранатами. Покаль он приближался, оставляючи на землі ограда глубоки сліды, Мария Симака смотріла на него с радостью и благодарностью. Он принюс зо собом то, што уж почало повольно гаснути в матери, — надію.

По тому, як нескладно на чоловіку была прилажена одежда, Мария поняла, што он не житель гор, не словак. Однако в його усміху, в открытом и честном взгляді было што-си родне, миле, отразу покоровише сердце матери. Незнакомец подошол, знял помятый чорный калап, привитался. Говорил он не по-словацкы, но Мария го добри розуміла. Напевно, украинец або білорусс. На його чєлі был свіжий шрам от раны.

Мати попросила чоловіка в дом. Предтым чым войти, он зробил який-си знак руком:

— Я не сам пришол до тебе, а зо своими братьями.

С корчов на берегу клязуры еден за другим вышли люде, одіты по місцевому — в чорных калапах, вывернутых нарубы кожухах, обуты в керпцы. У каждого был автомат и гранаты. Пропустивши Марию Симака вперед, они всі вошли в дом. Чоловік зо шрамом на чєлі поставил в куті автомат, обнял маму и поцілувал ей в губы:

— Мамо, тебе обнимаю и цілую я и твой сын. Я друг Василя Симака. Умераючи, он просил, штобы я нашол тебе, обнял и поцілувал.

Незнакомец умолк, чекаючи слєз матери. Не плакала. Она стояла насередині комнаты, опустивши великы, темны, морщиннисты руки вдоль бедер, и, не мигаючи, смотріла прямо в очи чоловіку, який принюс горьку вість.

Мария приняла на раскрыту долонь срибный перстень с чорным очком, поцілувала го и заплакала. Не домом своим, не тым, што было в нем, держалася мати на землі, а житьом сына. Тепер, коли он погіб, память о нем была для ней дорожша, як всьо на світі.

— Я пойду с вами, — сказала она братьям. — Василь прислал знак — отцовский перстень.

— Нигде тобі не треба идти. Мы ку тобі сами пришли. Ту будеме ждати Красной Армии. Розумієся, зо заложеными руками сидіти не будеме. Днеска ночью мы нагрянеме на німцов. Если хочеш, то пойдеш с нами за проводника.

— Хочу.

— Ну, а тепер давай познакомимєся. Мене звут Кондратом, я білорусс. А вот тот — поляк Казимир, вот русский Иван, вот словак Стефан, чех Ян, болгарин Георг, украинец Остап. Наш отряд называтся "Славянскы братья". Командиром был твой сын, а тепер я. Мы поприсягли навікы стояти еден за другого в біді, а счастье, переливати еден в другого.

Мария поцілувала каждого. Нич не сказала, но всі поняли, што с той минуты она усыновила славянских братов.

Всі молчкы, скорбно и в тот сам час радостно смотріли на Марию Симак, стареньку чуть згорбленну. Напевно, каждый из них находил в ней родны и любимы прикметы. Очи матери были наполнены світлом сурового спокойствия и скробной мудрости. На ней лежала ясна печать полвіковой в повседневных трудах и тревогах прожитой жизни. Віяло от ней бесстрашием и правдом. На ей шеі меж двома глубокими поперечными морщинами висіли деревяны, искусно выточенны и потемнівшы от часу бусы.

Мария Симак обышла всіх братов, взяла их кожухы и повісила на жердку, под повалу, штобы просохли. Братья покорно, як маленькы діти, подчинялися ей старункам.

Змерк с дождьом и вітром подступили с гор. В хаті потемніло. Мати заслонила окна шматами, запалила смоливкы, подпалила дрова в печь, поставила один горнец с картофлями, потом другой с молоком. Братья россілися вколо пеца, гріючи скочанівшы на карпатских вітрах и дождях руки и ноги, вбераючи в свои очи світло материской ласкы.

Мария взяла плести свидер, а Кондрат повольно и тихо, под вой вітра и шорох дождя, росповідал всьо, што знал о Василю Симаку. Скупы слезы струилися по морщинам матери, падали на темны руки, якы торопливо доплетали свидер. И хоц очи ей были наполнены слезами, то и так их взгляд был успокоеным, майже счастливым. Он часто сперался долго то на чеху Яні, то на білых кудрях поляка Казимира, то на чорных бровях украинца Остапа, то на свіжом шрамі білорусса Кондрата, то на темном лиці болгарина Георга, то на суровых губах Ивана, то на молчаливом и печальном словачком юноші Стефані. Видно, што в каждом браті она виділа то, што стратила, — прикметы свого сына.

На дворі послышался шорох камней, чияси рука осторожно постукала в окно. Кондрат вскочил, винувато усміхнувся Марии:

— Мамо, я забыл сказати, што до тебе ище придут гости. То пришли наши братья.

Он вышел и через минуту вернулся с бойцами Красной Армии, в стеганых ватниках, прикрытых плащами, потемнівшими от дождя. На головах у бойцов были шапки зо спущенными наушниками, на ногах — горскы баганчы зо застєжками, в руках — автоматы, на поясі — гранаты. И всі они походили еден на другого и на тых, котры пришли предтым.

Кондрат коротко росповіл внов пришедшым то, што знал о Марии, и то, што чувствовал о ней. Мати обняла и поцілувала каждого бойца, для каждого нашла в тісном колі місце коло пеца. Огонь с еднаковом щедростью отражался на лицах бойцов и на лицах партизан. Покаль они о чым-си бесідували, мати готовила вечерю. Она розрізала великий хліб, розділила го на равны кускы, закрыла стол чистым обрусом. Зварилися картофли, вскипіло молоко. Мати присунула стол ку пєцу, положила пред каждым по пару картофель. Молоко она розляла в маленькы деревяны горнятка, зарядом обнесла каждого бойца и партизана. И то, як она того торжественно робила, заставило братов переглянутися. Они чувствовали, што мати приобщат их до чого-си святого и великого. Они пили молоко так, як бы в горнятках был таинственный сок, котрый навікы влієся в их кров, — сок любви и братства.

По вечери Кондрат поднялся зо-за стола, потуже затянул ремень с гранатами, знял зо жердкы свою футряну куртку.

— Ну, здаєся, час! — рюк он.

Всі молчки оділися. Мати приткала комин, засыпала червене угля грубом верством попелу, накинула на своих худы, костисты плечы хустку, сховала под ню топор лісоруба с білым острьом. Потом наділа на голову с великими крисами калап, який замінят осенью в Карпатах амбrellю, и твердо переступила порог дома. Братья пошли за ньом.

Легка, як птица, она бесшумно спускалася с гор в долину, среди лісов и скал, по руслу ручейка, по тайной стежкі. Глубоком ночью Мария Симак вывела отряд в узку долину, на дні котрой шуміла в камнях ріка. Крозь вітвы маленького и бідного сада вколо старенькой хаты и stodолы якого-си словацкого селянина, братья долго и молчки смотріли в долину, в поток. Ту не было ни дождю, ни вітру. При світлі звiзд добри был видный желізнодорожный мост, перекинутый над пропастью с одного берега на другой, от села в село. По мості ходили німечкы вартовы, стукаючи своими подкутыми боганчами. Кондрат обнял Марию и рюк:

— Ну, мамо, чекай нас ту в тых корчах, а мы скоро вернемся.

Мария Симак покрутила головою. Ніт, она также пойде там, куды и всі. Она приблизилася ку стайни, тихонько отворила двери, вывела оттамаль корову зо звонком на шеі, по звукам котрого в Карпатах отнайдуот заблудившу в горах скотину. На звонок выбіжал с хаты словак, босый, в сподной білизні. Мати што-си скороговорком объяснила му — и газда покорно замолчал. Она погнала корову прутот ку мосту.

Ратицы коровы застукали по каменнистой дорогі. Вартовы розміренным кроком пошли на встрічу матери. Поровнавшись с ней, еден с них што-си рюк селянкі. Мария Симак отповіла. Через миг з моста донеслася приглушена возня, потом всьо затихло — и звук звонка, и крокы вартовых, и голос женщины. Братья поняли, што дорога для них свободна. Коли зышли долу, они увиділи Марию, стоявшу над трупами вартовых. У одного была голова розрубана на дві

части, у другого розрубана грудь. Руки матери держали топор. Кондрат обнял ей, поцілувал и легонько подтолкнул в спину — назад, на западну часть моста. Мария на-вернула корову, погнала ей дому, а братья пустилися на восток, ку темніючей на берегу касарни. Покаль едны закладывали под мост динамит, други вдерлися в вартову касарню німцов и перебили гранатами заспану варту.

Ище в горах по тысячекрат повторялся гром подорванного моста, ище каминя и желізо падали с огромной высоты в ріку, а отряд рушил назад. Мария Симак привела их по той самой тайной стежкі.

Світало, коли они добралися до горской хижкы. Лем што Мария почала розводити огонь в пещу, як за Карпатским хребтом прогреміл сильный, долго горами повторанный гром. Гром в декабрі!

Не бойся. То Красна Армия приближатся.

Мати перекрестилася: — Слава Тобі, Господи!

Догоріли дрова в пещу, крозь дождь и мутны шибы пробивался попелый россвіт. Покаль отряд отдыхал, мати сиділа пред хижком, вслухувалася и вглядывалася в пасмурны лісы Карпат — она сторожила сон своих сынов.

Гость с пекла

ФЕДОР КАНДЫБА

Муж Марины Ковач, старый Стефан, умер пред самым войном. По смерти мужа Марина продала дом и пошла жити до кривнячки Юлька, такой самой тихой жены, як она сама. Кривнячки мали загороду, тримали козу и обі молилися за упокой души грішника Стефана: небощик старый был добрым шевцом, но любил выпити и сквернословити.

Пожар войны, який охопил маленьке польске містечко, спочатку обышол тихе житя старушок. С німцами им приходило зустрітиса головно в особи старшого полицая — пана Зяблера. Його они знали давно. Предтым он назывался паном Зябликом, был субъектом в мішаном гандлю “Комета” и добрым танцором, за што получал премии на маскарадах.

Тепер он зробился важным начальством, но ку старушкам все зазерал. Он приходил, коли пану коменданту або начальнику полиции потребны были даякы домашны річы: брал то шкло для лампы, то кофейник, то коврик.

Пришовши раз за щитком до чищиня чоботов, пан Зяблик повіл, што у пана коменданта завелися мыши, и взял зо собом распачливо мяукавшу котку Розу. Потом пришол справджати документы и заявил, што старой Юлькі не пятьдесят літ, а всего тридцет и ей придется идти на роботу в маеток німецкого пана.

Так Марина осталася в домі сама. Єдином ей утіхом было, што котка Роза утекла от коменданта и вернулася дому...

И вот раз зо сіверозапада донеслася далека канонада. Меж німцами, які не ждали небеспеченства зо стороны Германии, выбухла паника. Пан комендант втюк, забывши мундир; його помочника виділи в женском футрі з лишкы.

Коли Марина вышла рано на обору, то очам своим не повірила, увидівши на сусідной оборі дымачу зелену походну кухню и русского кухара, який накладал гречану кашу в котлики червеноармейцам. Марина зажмурила очи, перекрестилася и знов позріла понад плот. Всьо было на місці: и кухня, и кухар в білом фартуху, и сміючыся червеноармійцы.

Марина набрала в пивниці соленых огурцов и помидоров и пустилася ку новым суідам.

— Вот дарунок принесла, не згордіте, — и положила кухару на вазу свои присмакы. — Як треба выпрати або земякы скрептати, — я поможу. Мой дом — ту о, дораз за плотом, заходите...

Кухар-украинец понял ей польску бесіду и отповіл по-украинскы, што дуже вдячний за огуркы и помидоры.

На слідуючий день Марина пошла до костела: говорили, што ксьондз повернул з ліса, где был с партизанами. Марина помолилася за упокой души грішника Стефана и за поворот дому рабы божой Ульки.

Дома было чисто поспрятувано, всьо было готово для повернення кривнячки.

Вечером, коли Марина збералася спати, в сінях кто-си зашелестіл, а потом постукал в двери.

— Улька! — обрадувалася Марина и скочила ку дверям.

Двери отворилися, но заміст Ульки в комнаті появился чорт. Высокий, с невеличкими рожками, покрытый шерстью, он тримал свой хвост перекинутым через руку, як бы плащ. То был самый правдивый чорт, недармо котка Роза так скочила и скрылася за пец.

— Тфу, тфу, пропала бы нечиста сила!... оторопіла Марина.

— Ніт, не пропаду, — рюк чорт скучным голосом. — Я ку тобі в одной справі. Сідай, побесідуеме.

— Та ци ты при свойом розумі, пане чорте? — заляментувала Марина. — Я все посты заховаю: покаль ту были німцы, то я мяса ни раз не іла, яка-ж у мене може быти справа с чортами? Ты мене, напевно, помішал с дакым другим!

— Дораз справиме, — озвался чорт и, заглянувши в папер, звідал официальным тоном:

— Ты жена Стефана Ковача, шевца?

— Його вдова... отпуст душу на покаяние. Вот біда, німцов выгнали, так сам чорт ку мі пришол...

Чорт бавился своим хвостом и продолжал:

— Так вот я посланный ку тобі с пекла. Твой старый, Стефан, привіт передає. Он до нас недавно трансфіруваний с чистилища. Тепер распечены до червена пательни лиже, а с понеділка положиме го на двіста літ варитися в кипячій смолі. Зрештом, старому ище мож помочи. Як внесеш добрый выкуп за його душу, — мы приспособиме старого по шевскому ремеслу: буде точити желізны чоботы для грішников. А потом переведемe назад в чистилище, а оттамаль, може, и в рай попаде.

— Який же тобі выкуп потрібный? — перевела дых Марина.

— Половину грошей за дом и полный комплект одежи старого: кожух, чоботы, шапку и всьо инше. И не скупся. Старый рюк: “Передайте супругі, што прокляну ей, если буду кипити в смолі, и почну являтися ей ночами и кричати страшным голосом.” Давай гроши и одежу!

Грошей у Марины при собі не было. То, што оставалось, было закопано пред німцами в огроді на похороны. Тепер, в потемках, Марина найти того місце не могла. Дознавшись о том, чорт засмутился.

— Ну, як так, то што робити. Прилечу завтра в тот сам час, лем, штобы гроши и одежа были готовы. И никому ни слова, а то и тебе зо собом до пекла возму, — пригрозил он и, махнувши хвостом, скрылся за двіри.

Марина не спала цілу ноч. А рано пошла до бывшій костюмерки мужа акушерки Косачевской, яка радила людям в таких трудных справах.

— Раз вышла така справа, то треба чорта послухати. На чортов на землі суду ніт, — порадила акушерка, коли Марина под великим секретом расповіла ей свою справу.

Вернувшись дому, Марина пошла откопувати гроши. Но замерзла земля не поддавалась лопаті. Починало змеркаться, а гроши не выкопаны.

— Над чым вы так трудитесь, мамо? Може, вам помочи? — перемахнул через ограду и подошел ку Марині кухар, здивуваный тым, што она почала копати огород серед зимы.

— Ту у мене одна річ схована. Треба достати, штобы спасти чоловіка. А лопата не бере...

— Якого чоловіка спасти? — звідал кухар с таким симпатиом, што Марина не выдержала и расповіла йому всьо.

— Так, справа серьезна, — покрутил головом кухар. — Не грызтєся, мамо, кидайте тоты роскопы, а я пойду достати грошей и за годину приду. Всьо буде в порядку.

За годину кухар пришол зо солдатом польской армии с місцевых партизанов. Кухар объяснил, што они с солдатом люде молоды, чортов видіти им ище не трафлялося и дуже интересно для них увидіти гостя с пекла. Но Марина настрашилася, што они почнут стріляти, и показати им чорта становчо отмовила.

Тогды кухар подал Марині пакуночок с грошами и рюк:

— Вот вам гроши, мамаша. Отдайте их вашому чорту, коли он приде, но лем мі здаєся, што они не придадутся, потому што вся тота история вам просто приснилася.

— Як же то так приснилася, — образилася Марина.

— Померешилося и тилько, — отозвался польский солдат. — Подме, мі в комендатуру час, шкода часу тратити.

— Ніт уж, почкайте, — становчо стала в дверях Марина. — Раз вы так думате, то я вам докажу. Станте собі ту, — показала она за шафу кухару. — А ты — ту, под кожухы...

Чорт явился ровно о девятой годині. Он был такой сам, як вчера, — в серсти, с хвостом и рожками, и при його виді котка Роза знов заметалася по комнаті и с мурчаньом втекла под лужко.

— Ну, гроши и річи приготавила? — остро звідал он.

— Та як-же, пане чорт, та як-же. Всьо готове. Сідай, пиш реситку, што получил выкуп за душу Стефана Ковача, — отповіла старуха.

— А то што зас захотіла? — нахмурился чорт. — Ліпше скаж, ци остались даякы документы твого старого? Давай их ту. Они также в чистилищу придадутся.

Для чого документы потребны в чистилищі, чорт объяснить не мал часу, так як с визгом заметался в руках схопившого го зозаду кухара. Чорт пробувал вырватися и норовил выскочити в окію, но, увидівши польского солдата с автоматом, ослабнул и, жалобно врявкнувши, замолк.

— Пан Зигмунт Зяблик! — всплеснула

руками здивувана Марина, познавши побліде лице старшого полица, яке показалося зо-за маски.

— Приємне спотканье, пане Зяблик, — рюк польський солдат, тримаючи в руках маску. — Дзень добры. Ладный у вас тот пекельный костюм, недармо за него премию дали на маскараді. Но, штобы почати нове житя под именем помершого Стефана Ковача, того костюма мало.

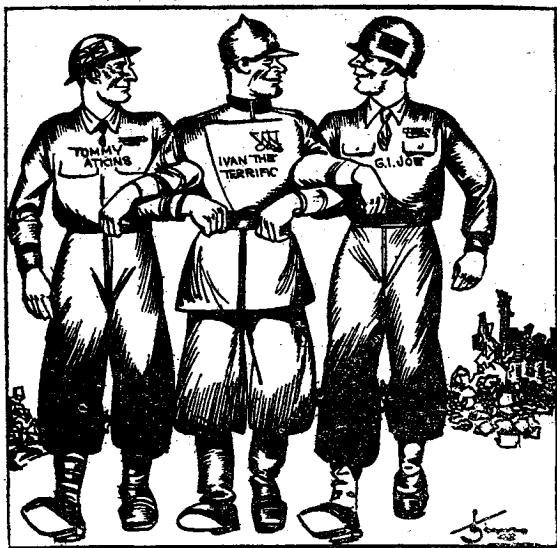
— То акушерка Косачевска придумала, — рюк страчений чорт.

— А, акушерка Косачевска? Што-ж, до-раз зможете подякувати ей в комендатурі. Она также у нас разом с начальником полиции, — рюк солдат и пхнул чорта ку дверям.

— А хвост, хвост його забыли, — подняла Марина оторванный черный хвост с рыжом щиточком на конці.

— Тото собі, мамаша, на памятку сохрante, — рюк кухар. — Был чорт и скончился, лем хвост остался. Спокойной ночи!

Тот долгий черный хвост с рыжом щиточком хранится у Марины Ковач на дивані, на котром она сидит со своим вернувшим кривнячком Ульком и котком Розом и вспоминает о німецком чорті и веселом русском кухарі.

Тихе дівча

На краю німецького шоссе сиділи, чекаючи попутной машины, два солдаты: уж старший в роках ефрейтор-артиллерист и дуже молоденький рядовой-піхотинец, який здавався, завдяки своему маленькому росту и великой над міру шапкі, цілком мальчиком.

— Не видно машины, — рюк ефрейтор, усатый и солидный. — Тобі также в Мариенгоф, служба?

— Туды! — отповіл піхотинец звонким тенорком.

Артиллерист отвернул полу плаща, достал с кишени ватных штанов скоряный дуганчак, мощный, великий, солидный — подобный до своего газды, — помалы розвязал и, порывши в дуганчаку пальцами, засмучено вздыхаул:

— Ани порошка — скаж малый, у тебе буде закурить?

— Махорочка, товариш ефрейтор.

— Давай!...

Піхотинец вынял свой дуганчак, парадный як дівча, што иде на вечирки. Он был с ружовой сатины, а вышитый синими пацурочками.

— Фу-ты, ну-ты, яка красота! — рюк артиллерист, беручи красоту-дуганчак. — Яка-ж королева тобі таку красоту подарувала?

— Сестричка подарувала. Ей робота!...

— Искусница, видно. А ты сам откаль?

— Орловскы мы! Из-под Карачева. Слыхали?...

— Слыхал. А я — Калининской области. Вот пришел німцу отповідну визиту зробити... Зо своим самоходном гостином!... Твои цілы?

— Отец, мати — цілы. А сестричку німцы зо собом погнали.

— Тоту искусницу?

— Погнали! — печально повторил піхотинец. — В сорок другом они ей взяли.

Піхотинец засмутился и почал уважно позерати на свои заболочены боганчы.

— Пропала она там, у проклятых! — додал он шептом и отвернулся.

— Почкай-ле! Чом пропала? — горячо рюк артиллерист. — Их тепер тысячами освобождают. Виділ — идут по дорогам? Вот, може, и искусница твоя также... крачат да-где, співат "Катюшу"...

— Ніт! Пропала! — переконано рюк піхотинец. — Други, може, и не пропали, а наша — пропала! ...

— И чом же конче пропала, деревяна голово?

— Тиха она выкаралася дуже! — рюк піхотинец. На всьо молчала, та молчала. Котры смілійшы — тоты, знаш, сохраняются, а наша... (он махнул руком) заклывали ей. Факт!...

— То, розумієся, так! — притакнул артиллерист. — Дакотру жену чорты до себе до пекла приведут, — она и там не стратится, почне им хвосты крутити... Лем ты дармо предчасом горюєш. Вот я тобі розповім пригоду... Посувалася наша батарея также так, по шоссе. И нараз слышине — пісня. Наша, русска! Смотрине — зо-за скруту выходят дві женщины: одна в роках, друга — совсім дівчатко. Обі босы, а ище морозно было. У старшой в руці червена самодільна фана, а на плечах — вилы. А дівча веде на мотузі здоровенного німца в зеленом калапі с когутім пером. Німец иде молчки, смотрит собі под ноги, руки у него связаны назаді. “Стой! Кто вы такы?” Женщины — ку нам. Росповідают, як было: ту недалеко они працювали у німецкого пана — вот у того, с когутім пером, — и был тот німец такий ирод, што ни в сказці сказати, ни пером написати. А коли услышал — Красна Армия иде, хотіл дати ногам знати, а они му не дали удрати. Його економ хотіл их из автомата всіх перестріляти, а они го вилами на смерть забили. ирода повязали, а фрау иродову заперли зо свинями. до кутца. Вот як распорядилися!...

“Мы, гварят, хочеме, штобы нашего пана-кровопийцу народным судом судили, будеме свідчити”. “Молодцы, — бабочки! А кто-ж у вас за командира был в той битві?” Старша показує на молоду, гварит: “Маруся у нас командир.” А Маруся тота — ну, совсім дівчатко.

— Сестричку мою Дуняшком звали! — вздыхнувши, рюк піхотинец.

— Та-а-ак!... И так она нам всім сподалася, тота Маруся, командир их босоногий! Така бойка, речиста. Всьо нам про Германию дуже интересно объяснила. Німцу на мотузі у ней ся зоцло, засучил ногами, а она на него, як на коня: “Тпр-ру... Не скач!” Мы мало зо сміху не померли... Капитан им свою машину дал, сам на пушку пересіл, проводника дал и сказал, куды німца треба отвезти. Маруся мі на прощанье фотокарточку свою подарувала. “Нате, гварит, дяденька, на память, як вы ест первый советский воин, котрого я на волі встрітила...”

Артиллерист так само повольно достал с кишени бумажник, такий сам объемистый, як и дуганчак, вынял с него фотографичну карточку и подал піхотицу.

Піхотинец взял карточку, взглянул и нараз вскочил, замахал руками, закричал:

— Она!... Дуняша!...

— Дуняша? Як же то так? И напавду, здаєся, Дуняшка. Ту я маленько спутал.

Піхотинец незграбно обнял усача артиллериста и, всхлипнувши, поцілувал го в рыжы, доткнены сивизном, усы.

— Ну вот, видиш! — усміхаючись рюк артиллерист. — А ты заладил: пропала и пропала, тиха и беспомочна. Добри мі — тиха!

— Присямбогу, товариш ефрейтор, дома тиха была — воды не замутит.

— Так, то дома, голово деревяна — россудно сказал ефрейтор, — а в неволі совсім друга музыка выходит. Она же у тебе русска, тота Маруся?

— Дуняша...

— Ну всьо ровно. Потом она ище орловска, а про вас, про орловских давно знают: орловскы — головы проломлены. Тото — два. А ище ты уваж, што она майже три рокы у них на невольничой роботі провела. А за три німецкы рокы голуб, и тот в льва обернеся... Смот, машина наша иде!...

Ефрейтор поправил мішок и пошол на середину шоссе останавляти попутну машину...

ЛЕОНИД ЛЕНЧ.

Мария ходит босо

АЛЕКСАНДР ИЛЬЧЕНКО

(Из очерка о Подкарпатской Руси)

I

На горских полянах столько ягод, што ноги Марии мокры от роздавленных ягод, як бы она перешла по лужам крови.

Мария поспіват за ділом. Дід Федор не по рокам молодцуватый и рухливый. С важном вістю дід спішит на паствиско, ку сынам и внукам. Руки у старого древоруба узловаты, жилисты, могучы. Они затяжки и завеликы, штобы здаватися звычайными людскими руками.

За Карпатами, по стародавньому закону гор, чоловік повинен хранити в лісах торжественну тишину. Длятого-то всі молчат. Як бы с трудом поднимаючи тяжкы рісницы, Мария часом пытливо позрит на мене, заганьбится и знов, спустивши очи, иде обок: зрывает квіты. Пахучий сноп оттінят смуглость лица Марии, подчеркиючи строгий взорец украинской вышивкы на ей сорочкі. Сноп квітов тяжеліе с каждым кроком. Мария што-си шепче, похилена над квітами, но не отважатся заговорити голоснійше... Ище днеска рано мы ходили по улицам Киева, и Мария уж о всьом розвідала нас, но, видно, совсім не утолила своей жажды, и ей хочеса продолжати бесіду, почату рано, штобы отразу побольше дознатися о світлом и давно желанном, но ище не совсім понятном світі— по другу сторону Карпат — о великой Совітской Україні.

Мы идеме все выше и выше. Федор подносит голову ку верху росохатого бука и нараз притулятся ку нему и драплеся наверх, ку дуплу. Лізе незручно, и великы руки лісоруба здаются темными корявыми наростами на гладком буку. Через дві три минуты мы знов продолжае путь, и горькавый мед, добытый у горских пчол, здаеся мі солодший от всіх медов на світі. Я тото починаю розуміти, позераючи на сияюче лице Марии, на Федора, який гостит внуку, повидимому, самым вкусным лакомством, яке дід може роздобыти для ней в горах. Та-ж в тых богатых краях так мало житейских радостей у обіднівшого горняка... Розозле-

ны пчолы жужжат коло сивой, косматой головы, но старик не звертат на них увагы.

Где-си недалеко звонко скрежече коса. Мы идеме на звук. Худый юнак, хмельный от тяжкой работы, обкошуе крутый берег. Коса ціплятся за пнячки и корчы. Меж ними ніт розмахат, и, штобы набрати на зиму сіна для одной корозы, придеся вот так працювати неділи три...

Отповівши поклоном старику, косарь осторожно звідует: "По селам, діду, цілый день звонят и звонят. Чом?" "Сам ес повинен знати — чом", — отповідат старик и не останавлиюся. — "Спішу с добром вістком ку сынам"... и косарь Стефан Росика, як зачарованный словами лісоруба, неотступно слідует за нами. Так постепенно розрастатся в старому лісу многолюдна и молчалива, торжественна процессия радостно возбужденных людей. Тишина, як предтым, царит в лісу, покаль не встрічают нас веселым лайом лохматы овчаркы.

II

На горских паствисках сыны лісоруба як бы ждали отца. Семеро внуков выбіжали навстрічу. Внуки других дідов были в таком самом нетерпеливом ожидании. Ище весном, коли пастухы гнали в горы овец и коров, сговорилися — каждый в своем селі: если сполнится то, чого добивалися народны комитеты, если оправдаются чаяния народа, если и направду настане долгожданный день, то треба звонити во всі звоны, звонити дньом и ночью, звонити и звонити, штобы на самых дальных верхах пастухы, смолокуры, сплавщикы ліса, лісорубы, косари скорше довідалися о сполнении желаний, о оправданию своих надежд.

Старший сын Федора, ище здалека, позрівши на озарене внутренним світлом, лице своей дочкы, на ей торопливый крок, на дрожачы губы Марии, на нас, людей, які пришли **оттамаль**, с совітской стороны украинских Карпат, понял, што в селам не дармо звонили цілый день.

Мы подошли ку пастухам в торжественной тишині. Очи росширялися и вильготні-

ли, и, здавалося, от наших сияющих взгладов світліє закарпатский дремучий ліс. Коли молчание стало нестерпимым, люде заговорили всі отразу, забуваючи о лісном законі, и радостны голоса впервые ту нарушили отвічну тишину, здавалося, даже в дальных селах, даже в дальных краинах будут услышаны радость народа и веселый звон, благовіст воосоединения Руси... Мария с радостном вістю спішила ку отцу и братьям, но тепер, даже не сказавши ни слова, змучена опустилася на траву, на роспавшийся сноп квітов.

Люде говорят и не можут наговоритися. Затым починаются бесконечны росспросы. Люде хотят знати детали братского договора меж двома славянскими краинами. Другы роспрошуют о красотах Киева. О украинской державі. О том, што росте на наших огородах. О фабриках. О школі. О правах совітского гражданина. О-всьом, до чого мы так давно привыкли и што нараз встає пред тыми людьми великим чудом: таж ту, за Карпаты, с таким трудом долетіла чиста правда о житю в Совітской краіні, таж ту, буйно росли німецькы посівы клеветы о нашой родині, в лоно котрой вертаются закарпатскы украинцы послі тысячрочной венгерской неволи.

Дід Федор теребит в руках блискачый буковый листок, котрый он зорвал ище по дорогі, но смотрит на него так, як бы первый раз го виділ: — Мы — як тот листок, — говорит он, ни до кого, властиво, не звертаючись. — Давно оторвали нас от віткы, а мы все тянемся ку родному буку."

Пастухы починают доити овец и коров. Домашний запах теплого молока отрезвлят и веселит. Всі, кто не занятый, обступают нас ище тіснійше, и видно, што росспросам не буде конца. Мы отповідаме и отповідаме, и наши оповідания о матерях-героинях; о роботах академика Трофима Лысенко, о Филатові, о Дніпрострою, о комбайнах, о кавказских горняках, о великих полях и заводах Украины, о Сталинграді и Ленинграді, тутешним людям трудно отразу повірити, што таке быват на світі... Мы отповідаме, обьясняме, и от радости захоплює дыхание: таж так приятно явитися к истрадавшимся людям с хорошим вістю о торжестві свободы и справедливости! Так приятно слышати в далеких горах на старой славной Украині — за Карпатами украинску народну пісню, рож-

денну в боях с фашизмом, пісню о самом для нас дорогом и близком:

"Закувала зозулиця
там, где біла глина,
пришла вістка у Карпаты
З Москвы от Сталина"...

Нас радує в той пісні всьо: и ей высокая поетичность, и давна надежда тутейшого народа на всепобіждаючу силу Красной Армии, и желание помочи ей в тяжелой борбѣ, и просьба к великому Сталину:

"Бо й тебе мы та просиме,
Закарпатскы хлопці:
прийми и нас в свое войско,
в свои добровольці"...

* * *

Гремит за Карпатами пісня. Где-си совсім близко, на востоці, по лісам и горам проходит совітска граница, отділяюча Закарпатьє от нашей краіны. Но среди тых людей мы чувствуєме, што мы — дома. Нас объединяют с ними и тота нова пісня, створена на войні, и велике множество старых пісен, котры и мы сами, и тоты закарпатскы пастухы знаме с дітских літ, и спольны обычаи, и искусство, и гордость за свою Красну Армию, и любов к своему вождю, могучому воосоединителю свободной Украины...

III

Бурне проявление патриотичных чувств народа обсервували мы во многих городах и селах Закарпатской Украины. Послі прихода освободителей, воинов Красной Армии, мы, пять украинских писателей, были там первыми гостями из Совітского Союза. Мы перелетіли Карпаты пару годин послі того, як в Кремлі был подписанный историчный договор.

Всьо радувало наши сердца. И дружный митинг в Ужгороді — у величнй будовы Народной Рады Закарпатской Украины. И гимн Совітского Союза, гремящий на Ленинградской набережной, в ей розовых аллеях. И червены флаги, прикріплены ку древкам, як хоругви. И открытие памятника совітским воинам: русским, украинцам, казахам, армянам, яки покладали головы в бою за місточко Перечин. И благодарственне слово к Армии-освободителькѣ, выголошене при открытію памятника молодом работником перечинского завода Мариом Пекарѣ. И честь, яку отдавали жители села Березне Ильяні Росоха, Юрі Поповичу и многим

другим, сыны котрых пошли в Красну Армию.

И знов — квіты и памятники на могилах совітских бойцов — в городах и селах. И культ Красной Армии, царящий в цілой краині, всенародный почет красноармейцам. И совітскы ордены — на груди закарпатских украинцев, демобилизованных из Красной Армии. Портреты товарища Сталина — на стіні курной хаты Юры Вовчик в горском селі Нижня Быстра, недалеко Хуста. И ище портреты великого вождя, вирізаны на дереві мукачевскими різбярями. И книги тугейших украинских и русских писателей патриотов...

IV

В селі Дубровка, в Ужгородском округі, мы запам'ятали в тоты дни торжественне слово Юрка Горошача, звичайного закарпатского селянина:

— Кто мы такы? Кто мы?... Вот, скажме, голуб... Он знае свое гніздо. Можете выпустити го в середині моря, а он найде дорогу дому. Вот так и мы. Ту, за Карпаты пришли мы давно, ой давно, пред мадьяр-ми! Мы звили собі вот тотэ гніздо за горами. Но діды наши все, бывало, говорили нам, што наше племя — там, на Востоці, где и віра наша, и наш язык, и наш уклад. Ничого не удалося мадьярам, и за тысяч літ голуб не перемінился на ворону: мы не забыли свой род, наша правда побідила... Тепер вот будут земли наши разом, и наши руки скрестилися, обнялися мы с братьями, штобы николи больше не розлучатися... Так, так! Голуб знае свое гніздо!

Голуб знае! Вот в чом поезия и правда простого закарпатского селянина! Стойкость и сила поневоленого и обідненого народа в отвічном стремлению ку своей матери-Руси, в несокрушной любви до своей краины, до своих долин, лісов и гор... Голуб знае!

Раз, коли мы ище гостили у діда Федора, діятели місцевого народного комитета завели розговор о том, што осенью буде мож переселитися с гор в долину, на добры луки, поля и виноградники всяких біжавших проч німецких и мадьярских панов, котры за часы послідных столітій выпыхали русина с квітучых долин на бесплодны земли, в непроходимы горскы лісы.

Ильяні, старшой невісткі Федора, матери нашей Марии, розумієся, хотілося бы получити хороший дом, господарство, луку и

огород, виноградник: "Я с гор не пиду никуды", — крутит головою Ильяна; ей долги, зручны пальцы прядут білу як сніг волну; ціпчат под запецком курятка; серед хижі сопит телятко, тыкаются мордочками ягнятка, плачут от ідкогo дыма; ронит слезы и сивоволоса Ильяна: як всяди, ту ніт комина, а стіны — чорны блищачы, як в угольной шахті... В том страшном жилищі Ильяна прожила ціле свое житя, ту выросли ей діти, то был ей дом, она любила го, она вперто повтаряла: "С гор не пиду нигде. Ту я родилася. Высоко, правда? А мене все тянуло ище выше. В самы горы. Правда, Марийко?" "И чом-же нам, мамо, не перебратися в долину?" "Е-е, та сама знаш: там и вітер не такой свіжий. И вода не так студена, як ту." — А на што вам, Ильяно, така студена вода? — Не знаю, не знаю. Так привыкла. Так люблю."

Так, Ильяна любит свои горы, як голуб любит свое гніздо.

V

Мария расповіла нам, што мати не могла уснути до самого рана. Мы встрітились на ниві. Ильяна працювала у дороги разом с Мариом и трьома молодшими дочками. Им было тісно на узком подолгуватом загоні, величином в великий стол, як и всяди в той части гор, где мало орной земли. — "Чом вы перешкаджате една другой, Ильяно?" — Е-е, чоловіче добрый, таж каждому хочеся попрацювати на своей землі. Руки горят!" — Но нивка так тісна". — "Минувшего року и такой не было. Ніт, ніт, чом Бога гнівати? Поле у нас велике: сто стебел кукурузы!" — "А вам на родину треба было бы не сто, а тысяч, дві, три". — "Нам хліба дала осенью Красна Армия. А тепер дае нам народный комитет. И цілу зиму, гварили, будут давати." — "Но таж у вас руки горят? Ци не ліпше заробити, як получати подаркы?" — "Ліпше, ліпше! Но лем ту, в горах! В долину я не пиду! Кто-ж тому повірит, што пришлому там бідному чоловіку, ни с сего ни с того, нараз подаруют землю? И дом, говорите? Ну, видите! Вы хочете, штобы я повірила в байку! А вчера вот наши гости думали, што я повірю, будто у них там, на совітской стороні, таким, як я, дают много грошей и ище... што ище? золоту медаль?... за то якобы, што у мене, скажме, девять сынов и дочок! Кто в таке повірит?"

Вічний страх и недовіріє, рождаючи

впертость, были защитом. Тепер они нанич. Трудно противитися фактам! Голуб хоче, розумієся, штобы його гніздо было богаче и лучше. Дід Федор ходил уж разом с Мариом в долину — посмотри́ти, як там живут ты́сячы переселенцов, и ніт ниякой певности, што родина Федора Микиты останеся в горах дальше, як до зимы... Много маетков біжавшых німцов и венгерских панов заселены уж переселенцами с лісов. Люде вертаются на свои исконны земли. Так торжествуе справедливость!

Федор и Мария виділи в Йоврі, як переселенец зо села Буковца Костик Станко степенно обходит свое велике и ровне поле. Обходит раз, обходит два, обходит три, и запах дозріваючого жита опьянят счастлива. И замерат сердце у Марии, коли Костик зриват нездзірлий колосок, трусчит на долони, пробуе на зуб... В селі Давидово, на Береговщині, дід Федор зашол до Ивана Мацака. И лем позріл, як стоит новый господар на пороги выгодного дома, — понял всьо... На виноградники Василя Борканюка оглядуєся Мария с цікавостью: она первый раз в житю видит виноградник и виноград. Василий Борканюк подвизуе виноград привычными руками: кажде літо днешний господар спускался с гор и працювал для німца на том самом виноградникі...

Немало, немало встрічали мы таких са- мых виноградарей и земледільцов. Люде ище не пришли до себе от первых радостей. Но уж кріпне и в тутейшом народі велике чувство хозяина.

Робочы химичного завода в Перечині подержавному радят, як бы поллучше справи- тися с виробничым планом, як бы ліпше устроить свое житя. Заводскы обшары обсажены квітами. Но робочому чоловіку потрібны не лем клумбы, — и вот возникают на світлых полях заводскы огороды. Под рыбне господарство завода одділены решетчатыми перегородками участки горской ріки, и уж серебятся форели в быстрой ступенной воді. Послі гудка робочий не хоче уходити зо заводу, йому хочеса попрацювати больше: заводский чоловік преображенный новым для него чувством, чувством голуба, який стал наконец, полновластным господарем своего гнізда.

VI

Во всіх кутках Закарпаття мы виділи много чудес от нового радостного чувства. Селяне по власной волі отбуждуют знищенны німцами мосты. Люде присматрываются незбаданым богатствам Закарпатской Украины: глядають новы поклады соли, нафты, земного воска. Задумуют в коротком часі будувати ту нову гидро-електростанцію, цукровый и цементный заводы, паперовню, завод станков-автоматов... Нове чувство руководит и строителями больницы в Тячево, первой больницы в цілом округі: зо штырма одділениями, с великим помочным господарством, яке роскинулося на штырнадцети уграх сада. Тячевскы селянскы по-газдовскы ходят за коровами и курами, належачыми до больницы, шють білье для хорых и посміхуются над двома-трыма недовірчывыми сусідками, які твердят, што бесплатно лічити в такой больнице, само собом розумієся, не будут, бо где то кто видал, штобы дакого в тых краях лічили бесплатно.

Но доктор Гайворонский уж ходит по домам. Хоры задоволены. И знов видиме мы, як тае вічна мерзлота, за ты́сячу літ остудивша души людей, тае не лем от хороших слов, тае перед солнечным ликом дійстности, перед фактами.

Факты знаменательны: понад сто ты́сяч гектаров орной земли розданы безземельным и малоземельным селянам; сорок дві ты́сячи родин получили землю волей народной власти. Факты величны: ніт больше безземельных селян на Закарпатской Украині! Но то лем початок. Ты́сяч роков неволи не прошли дармо, и страшна бідность ище тутится в хижинах горняков, и больно смотріти, як они часом не хотят сразу с том бідностью розлучатися.

В горском селі Лимшоры, недалеко от Перечина, мы сидиме в неділю на неотесанной ясенной колоді. Горше такой бідности мы не виділи нигде. Люде худы, змучены, с голодным смутком в очах, жалуются на свое тяжке житя. Они николи не жалувалися, бо тото не помогло. Но тепер они повинны всьо сказати: камениста роля постна, без навоза хліб не родится. А навоза ніт. Коров и коней забрали німцы. А мучкы для удобрення ніт откаль взяти. Лісопилка, на котрой мож было бы дашто заробити, то всього-навсього одна пила.

“Мож лісопилу перебудувати, — пропо-

нує предідатель окружного народного комитета. — Приходте ку мі в Перечин. Єст там пила, даме гроши.” Лица світліють и оживляються: — А кто-ж буде газдом? Наш газда втюк”. — “Вы будете газдами.” — “Кто то мы?” — “Назначте дакого старшым. Соберте дружество.” И росчарование уж вытягат лица. — “Та ци наш бідный чоловік може быти газдом лісопила? Ніт, ніт, то не для нас.” — “Чом-же? Таж по цілої Закарпатской...” — “Слыхали. Но то — в долині. А мы ту — люде бідны, хоры, темны. В горах жиєме...”

И знов приходят на мысль слова сердобольного венгерского доктора Егана: “Умерат земледільский народ. Селянин-русин цілый рок не видит ни мяса, ни яец, лем што выпье пару капель молока, а в день пасхы зіст кусок житного або пшеничного хліба. Взагалі його пожива, то овсяна адзимка и, коли старчит, картофля. Тепер може даже предсказати день, коли послідний русин утече с краины...”

Так, так, мы знаме, многы утікали в Аргентину, в Канаду, в Австралию, многы, не нашовши и там своего счастья, верталися дому, в свое гніздо, но народ не умерал, выжил в своем гнізді, и вот он — перед нами, ... страшно смотріти в тоты очи, смутны от голоду. Тых людей треба откормлювати и лічити долго-долго, штобы погасити привид голода, с котрым они прожили ціле свое житя... Страшно смотріти! И знов, и знов говорят, говорят о тяжком житю, о сіні для коров, недавно полученом в дарунку от Красной Армии або от народного комитета. Сіна ніт. Ніт на чом привезти тото сіно — ни у кого ту ніт коней. Ніт чым привезти дров з ліса — придёся мерзнути зимом; немож навет доставити ту с Перечина хліб, в котрый уж раз отпущенный комитетом для села Лимшоры.

И знов говорит комитетовый: — “Я подарую вам кони. Перевезете для цілого села хліб, сіно, дрова, дерево для новых будинков”. — “Дуже дякуєме!” — И знов світліють лица, но в слідующий миг темніють знов, коли сухонький старичишко звідует: “А кому придти? Кому из нас, буде ваша ласка, дасте коней?” — “Всім. Покаль даме вам пять коней. Для цілого села.” — “А газда кто буде?” — “Вы всі будете”. — “Е-е, ніт. Кони без газды здохнут за тыждень. Так мы не можеме.” — “А як-же привезете сіно? Хліб?” — “Ни-

як”. — “Значит, смерть?” — “Смерть”, — смутно погоджуются старики. С того села зимом не выйдеш нигде, и всі запасы треба возити літом. — “А ци не ліпше взяти коней?” — “Ніт, так мы не можеме...” — и, боже мой, як нам, совітским людям, дивно слухати такы слова, які отвергают перве спольне усилие — основу основ нашего советского житя.

Но яким словом мож вразумити? И нараз тото слово находится. Рухливый чоловічок, в зеленом калапі с пером, як у всіх ту, но в добрых баганчах, прутко выступат вперед. — “Я завтра приду за коньми. Буду возити для всіх. Будете мі платити. Сіном. Хлібом. Мож и грошми.” — Но рухливому підприємцу говорити не дают. Його давно знают в селі. Шумят всі нараз: — “Не напил-ся ище нашой крови?” — и у сухенького старика отразу прояснятся в голові: — “Чом-же за гроши? Та-ж то нашы кони! Хитрый! хитрый!” — “Та-ж вы не хочете брати коней! А я возму!” — “Никто тобі не даст!” — “Никто тобі не даст, — тонко и сердито кричит черноока тихонька старушка, укрыв-шася за плотом. — Кто тобі сказал, што мы не хочеме? Кто тобі сказал?!” — И люде стискают писти. — “Нам бы лем треба об-судити, кого назначити конюхом, где ко-ней поставити...” — “Так, треба обсудити”, — и люде приступают до первой на той зем-лі спольной sprawy.

VII

Первы признаки нового житя. Бліды лица росквітают неровным румянцем. Черноока старушка, дивуючись своей смілости, говорит, што корму для коней жалувати не будут: они повинны спасти от студени, от голода, от смёрти ціле село. Старушка говорит діловито и тихо, преображенна нараз пробуждающимся в ей душі Чувством Газды, и ей даже в голову не приходит, што она розвязує сейчас вопрос великой державной важности.

Так, повторяется счастье на сей землі! Голуб будует свое гніздо... Народ выжил! Народ жиє! И жити му вічно в великой и дружной советской родині. Так, розумієся, люде хотят жити: один из лимшорских селян догонят нас внизу, у дороги, и, задыханный, кричит комитетовому: — “А як-же буде с лісопилом? Будеме будувати?”

Новорожденне Чувство Газды, руки, великы и сильны руки, стосковавшыся за ро-

ботом, осушение тревалого мира, торжество справедливости, — все то преобразат облик краины. Мы хочеме видіти тоты переміны. Мы находиме многие, чого не забудеме николи, и проходит неділя за неділем, а мы все нияк не можеме остановитися в своем хождению по горам и долинам, по селам и городам. Мы бывае на фабриках, на паствисках, в маленьких водяных млинах, в кинематографах, в корчмах, на винных заводах, в канцеляриях, монастырях, в великих покинутых властниками німецких економиях, ставших тепер маетком державы. Мы идеме высоко в горы на розвалины маленького и бідного курорта — у лимшорского сіроводородного жерела. Ту даколи стояла маленька гостиница. Ту и доднеска стоят темны прогнивши шопы, в котры за плату тулили хоры біднякы с околичных гор. На полянкы и днеска — пару подвод. В домику, где даколи были ванны, под котлом горит велика ватра. Дым выходит на діру в даху. Люде подогрівають для себе цілительну влагу. Тяжкы недугы пригнали ту селян зо сел Порошково, Невицке и других. Мы говориме с ними о том, о сем, затым незамітно починатся бесіда о курортах Кавказа, Крыма, Украины, Казахстана. Завчасу посивівша женщина, Елизавета Вовчик облегчено вздыхат. Наши слова будят в ей душі бурну надежду. На руках у ней дочка, дівча літ девяти, страшно скалічена німцами. Мати принесла ей в Лимшоры здалека, прослышавши о цілебном жерелі. И тепер вот оповідания о Крымі дают надію: дівчинка буде жити здоровенькой и счастливой. Мы росповідаме, и знов и знов цілуе Елизавета свою скалічену Ганусю, и чувство гордости за нашу велику совітску краину насыщат наши слова о теперішном и будучом том великом правдом, в котрой сомніватися немож...

Мы несли тоту правду по всему освобожденному краю. Мы повідали, як мы жиеме в нашем многолюдном и простороном домі. Мы звідуеме. Мы хочеме поняти самы тайны мысли тутешного чоловіка. Мы знакомимеся с учителями, юристами, инженерами, гимназистами и державными діятелями, художниками и священниками. Заходиме в приватны дома.

VIII

Перед нами, перед людми оттамаль, с совітской стороны, гостеприимно открывалися двери хижин, вилл и замков. Перед нами

открывалися души людей и картины природы, и много много не меньше радостных нахонок ждало нас в пути.

В селі Турица мы дознаемя, што там живе художник (маляр). Заходиме до него с даяком боязнью. Послі всего видінного в тых краях так не хочеса росчаруватися. При взгляді на перве полотно, вивішене на веранді, нами опановуе яка-си зневіра. Но, вошовши в дом, всі от зачудования ахають. На стінах работы великого мастера. Величны красоты горной Украины представлены во множестві полотен, и мы, зачарованы, ходиме на пальцах от образа до образа, чуемяся предільной сочности кольоров и нараз яко-си совсім по-новому починаме понимати все то, што привелоса нам повидаати в том дивном краю, и нам здаеся: если бы мы сами не насытились яркими кольорами закарпатской природы, то, взглянувши на полотна Шолтеса, не повірили бы його реалистичному таланту. Пожар осени, синева рікы, причудливы очертания облаков, глубина и прозрачность воздуха, — все то здавалося бы задуже прикрашеным, штобы походити на правду тутешного житя; но тоту правду мы и сейчас видиме пред собою с окна жилища художника, и радуемеса встрічі с ним. В глубоком молчанію покидаме мастерску, и нам не хочеса отталя уходити. Художник Солтан Шолтес, ганьбливый молодый чоловік, священник сельского прихода, стоит на дорогі и зачудувано смотрит за нами: йому лем што сказали, што в Совітской краині художник може истнувати, не маючи даякой другой профессии, штобы прожити на світі; йому лем што сказали, што в Совітской краин... Е-е, та йому столько сказали, што голова кружится... Так, так, тепер, наконец, мож буде сняти с себе реверенду и направду занятися любимым ділом...

Другий раз мы встрічаемся с ним на выставкы образов в Ужгороді. Он не знал, што все ту получится так хорошо, он жалует, што прислал на выставку мало и не самое важное. Його полотна висят разом с чудными творами його учителя Йосифа Бокшая, и тудно сказати, кто с них красше малое — маэстро або ученик. Картины сивовласого Йосифа Бокшая — правдивы шедевры украинского искусства: они в коротком часі сділают честь выставкам Киева и даже Москвы. Мы помалы проходиме по світлым комна-

там Дома профсоюзов (роб. юний), радуєшся, што в родину совітських художників вошла така могуча купка мастеров с их многочисленными учениками.

Вот пред нами дід Федор — “Лісоруб” вызначного маляра Федора Манайло, образ, котрого немож забути. У лісоруба очи приужены, як у діда Федора, с легким огоньком иронии, якбы бесідувал он зо своєюм впертом невістком, якбы Ільяна му говорила: “Вы, няню, вадитесь зомном, а того и не знате, што на совітской стороні мі за моих дітей дали бы не лем золоту медаль и грошы, но и билет на дальний поїзд, штобы поїхати могла я, куды захочу, хоц и до самой Москвы... Вот яка у вас невістка! А вы все вадитесь...” И лісоруб на полотні чуть-чуть усміхатся, он задоволений таком бесідом, и он скаже о том внуку, сидячому коло него... Так, то он дід Федор, то його нелюдска сила — в пристальном взляді и в руках, за великих и затвердых, штобы походити на звычайны людскы руки. Зображены на передном плані картины, они непропорционально великы, но в том — удача художника, його сила и правда...

IX

И нараз я якбы вижу знов пред собом не лем діда Федора. Одна с дочок Йосифа Бокшая, намалюваных отцом в вишньовом саду, вся позолочана солнечными бликами, одна с них босонога дівчина на полотні так живо напминала Марию...

Вот она, вот... В тоту перву встрічу в горах, не могли пастухы уговоритися до вечера. Марися сиділа на горбочку. Коли послі всіх розговоров, я подошол ку ней, она кормила овец квітками зо свого букета.

Я вижу діда Федора. Вот он стоит на поляні — тяжкий, кряжистый, велькорукый. Он гасил тыми руками пожары в горах. Шлифовал мраморны плиты на одной из пражских фабрик. И совсім недавно шлифовал такы плиты для памятника Красной Армии. Он задусил недавно тыми руками медведя, напавшого на стадо. Он убил тыми руками двоих німцов — ту, в лісу, ище задогдо до прихода совітських войск. Он зрубал десятки тысяч дерев в лісах Закарпаття, Австралии и Канады. Он не мог лем схватити за косы счастье, котре пришло ку нему тепер по доброй волі. И он тепер кріпко стоит на своєюм свободной землі, он, як дуб на ней, корявый и красивый. Я смотрю на Федора и починам

розуміти, як он, вот такой великан, мог прожити свою тысячу літ в неволі и не утратити ничего: ни сил, ни языка, ни чести, ни достоинства.

Я слышу дідовы слова, натуральны в таку минуту: “Где то нашы хлопцы тепер? День такой. Певно думают о нас и о тобі, Марийко. И о горах...” — и вспоминает вся родина молодшого Федорового сына и двоих братьов Марии, якы, в высоком душевном порыві, оставили свой дах в октябрі минувшого року. Послі горячого боя в горах, послі вступления Красной Армии они разом с другими земляками попросили дати им оружие и взяти их зо собом. Тото сталося не випадково в родині Федора. Ище до прихода Красной Армии многы члены великой родины Федора Микиты уж почали воювати с німцом и мадьяром. Житейскы неудачы приучили старого Федора до недовірчивой повольности, до обдумовання каждого крока. Но, коли пришла година діяти, старик не зволікал. Он и його сынове и дочкы, отец Марии и она сама помогали своему счастью, помогали смілым людям, якы пошли в лісы задогдо до освобождения. Мария виділа, як німцы росстрілювали ей родного брата и його старших товаришов, Михаила Гичко, Олену Гендера и многих других. Діда Федора разом с Марийком схватили также, и тогды они дозналися от німца, што они — партизаны, и уж смотріли смерти в очи, и лем припадок помог остатися в живых. Тепер, послі всього того, што было, світ здаєся таким світлым, и так недобри слухати бабскы боязни Ільяны, и Мария дораз повинна поговорити о том с братьями, с отцом и дідом. Но ніт, жаль ей свою вперту старуху, таж уж не спит она по цілых ночах, видячи даремну свою зневіру, яка тае помалы и потому раз навсе.

Мария сидит на горбочку подальше. И коли я подхожу, овцы отскакут проч, а потом знов обступают нас тісным колом. Я операмся на пняка. Смору и нараз вижу, што ноги Марии скровавлены, сцарапаны и розбиты на острых камнях.

“Што то, кровь?” Я вскрикую и вижу гнів на лиці Марии: “А ты што думал? Ягодный сок? Што мои ноги так грубы, што и каминия им не шкодит? Што мене не болит? Што лем зато я хожу ціле житя босо? Я даколи, бывало, сходила в город и долго-долго простоювала пред великим выставовым ок-

ном, шобы посмотри на красивы черевикы. Як ми все хотилося обутися! Но у мене ище николи не было черевиков. Я и зимом бигам босо. И мати моя также. И у наших хлопков быват в житю лем одна пара чоботов: коли женится чоловік, та и то носит их так рідко и осторожно, шобы и в гроб с ними лячи... И лем тепер я знаю, што ноги мои загоятс, если... если тоты, котры придут ту с другой стороны, зможут замітити ту не лем веселье наших бідняцкых свадеб, не лем пісни, обычаи, пестроту нашої одежи, не лем красу наших гор, но и вот тоту сіреньку віточку полыни, и голодный взор лісоруба, и раны на його ногах...

И шобы никому уж больше не здавалася, што тото... сок роздушеной ягоды! Таж то кров! Тото болит и... ображат!

Я вот беру, смот, беру в рот вітку полыни, и никто не знае, што ми горько. Я вот хожу по каминю босо, и никто не знае, што ми больно. Я умію терпіти. Научили. Справа, розумієся, не в черевиках, но я тепер буду также совітска, и я больше не хочу, не хочу ходити босо..." — и Мария умолкла так несподівано, як и заговорила, и нараз устыдилася свого гніва, закрыла очи широким вышитым рукавом и сиділа тихо, як сама печаль, а я был рад, што она не смотрит на мене и не видит, што я заганьбился.

Школа русской грамоты при Карпато-русском Обществе ч. 9 в Монреале, Кве.

Зо життя Тылявянки

Я родилася в Тыляві, от Івана и Анны Каминских. Майже с дитських літ робила-м на панських полях и в панських лісах, садила бураки, грабала и складала в копы сіно, чистила ліс и садила новий. Коли я підросла, выдали мя за Турковского и стала уж яко-мси газдыньюм. Но недолго я газдынила. Пришол 1914 рок, и война. Мужа забрали на войну. В августі того року через нашы горы начали валитися мадярскы войска. Тысячы тых мадяров кватеровали по наших хйжах. Як дикаре грабили и нищили всьо. По яко-мси часі уходили на руский фронт, а на их місце приходили другы. Так тяглося войско за пару місяцев, потом кус втихло, но ненадолго. В села знов валяться хмары войска, але уж не с Мадьярии на руский фронт, а с русского фронта втічут в Карпаты. Тоты отступаючы войска рижнилися от тамтых попередных: тамты, што шли на руский фронт, крали и нищили доробок, но с людми обходилися хоц наполовину по-людскы. А тоты, отступаючы, металися на людей як звіры. “Вы москвофулі, вас треба всіх выстріляти! Вы зрадники Австрии, вы за московскы рубли збудовали в селі кооператив и тепер за московскы рубли шпйонуєте для Москвы”. Нам пришлось пережити дуже звірств, але прото мы пережили всьо. У нас приготавлили фронт, то войска так навалили, што каждый метр місца в обыстью был занятый войком, селяне не раз настоячи дримали, бо не было где лячи, где не было вояка, там стоял конь, полна церков коней.

Одного дня мы узнали, што знимают звоны и берут на войну. Я пошла ку церкви, штобы попрощатися с нашыма прадідныма звонами. Воякы стігают звон за звоном. Я вошла в церков, смотрю, а коні попривязованы до хоругвей и до крестов; стіны, лавкы и образы зогрызаны конскыма зубами. На середині церкви горит оген, кругом огня дримают понуры воякы. Люде ходили кругом церкви и як бы прашалися с ней послідний раз.

17 ноября в армии замітно яке-си оживление; офицеры крутятся помеж вояков, воякы, едны што-си приготавлиют, а другы

ходят по селі, рабуют, што попали. Пришли и до нас, кричат на мене як скажены: “Давай масло, давай хліб, яйця, сыр!” Я справлямся, же я ничего уж не мам, што мои діти тоже голодны, а ніт што им істи дати. Но мадяр наставил до мене багнет и приказал отверати всі скрині и показувати, где што ест. Я отверала всьо, но ничего не нашли. Лишили мене и пошли по других домах.

В нашем домі поміщался полевый штаб. 18 ноября входят воякы и рапортуют, што в Дукли уж руске войско и што козацкы патрули подходят под наше село. Команда отразу дала приказ селянам выбратися зо села. У кого были коні, то складал свое господарство на воз, кто не мал ниякой тяговой силы, то войсковы форшпаны дешто взяли на свои возы. Мы поскладали што могли на свой воз, тато поганял коні, мама вела дві коровы, я несла на руках одно-рочног сына Василя, за мною ишла дво-рочна дочка Анна. Пришли мы к венгерской границі; там форшпаны звалили всьо зо своих возов и вернулися, люде мушены были брати то на свои плеча и нести дальше. Воякы уставили нас до глідов и погнали, за цілу дорогу кричали все “лева, лева”. Но с того маршу нич не выходило, бо в колоннах были старикы выше осемдесяткы и діти по два роки. До того у каждого великий тлумак на плечах. Кто уставал, того били кольбами. Дошли с нами до Швацкого ліса, коло села Комарник. Я выбилася зо сил, сіла до фэсы и кажу до отца, што я дальше уж не пойду. Але посиділа я, и нич иншого немож было зробити, треба было стати и итти дальше. Приходиме к селу Гунковцы. Там нас сперли, но в село заборонили итти. Мы розложилися зо своим табором на ривнях коло воды, потом мы узнали, што селянам строго заборонено нас допустити к селу, им обьяснено, же мы “якы-си дикы москвофилы”, небеспечны люде, и штобы никто не важился нас в дом приняти. Мы назбериали дров и розложили огні, дробнійше голузя мы збериали и стелили под дітей, на тото патыча положили дітей спати и понакрывали чым кто мал. Для малых грудных дітей мы привязовали

плахты до дерева и робили для них колыски. Люде полягали як кто мог, а матери стоят коло своих дітей и колышут. Никто ище не заснул, як пустился сильный зимний дождь, потом сніг и мороз. Всю перемокло до нитки и мерзне. Дорослы люде всі розошлись по кряках за дровами, носят на огонь и так коло огня спасае життя наших дітей. Около полночи от стороны наших сел рознеслася по горах сильна стрілянина, земля затряслася от канонів, наши коровы зо страху потергали мотузы и повтікали от нас. 19 ноября вчас рано нас окружила мадыарска полиция и погнала дальше. Людям жаль отхэдити далеко от своих сел и по дорозі при каждой случайности утікали до кряков. Яких тридцет фамелий осталося. Мы собрались до громады и подались в ліс близко села Песянов. Гора, на котрой мы ночували, была покрыта снігом и был сильный мороз. Рано с нашей группы выбрали мою маму, штобы пошла до села и просила вийта (рыхтаря), штобы нас принял в село. Громадский уряд згодился нас принять, но под условием, што мы будеме переходити с ліса незамітно, штобы о том не дозналася мадыарска полиция. А если нас найдут, штобы мы не повіли, же мы пришли в село за дозволом вийта або громады. Мы с ліса перебрались в село, люде розмістили нас по стодолах и обышли нас як могли. Жандармы што-си перенюхали о нас. Такой на другой день рано пришли и требуют от вийта объяснения, яки люде находятся в селі. Им объяснили, што яки-си люде утікали от фронта, зашли вночи в село и так остались до тепер. Жандаре дали приказ вийтови, штобы нас “выгнал к чорту”. Но ни вийст ни громада не выполнили приказ жандармов. Совість не позволила им выгнати нас с дітми на сильный мороз и зиму. Нам казали сидіти, пока буде можна. Мы были там до 27 ноября. Того дня пришли жандармы в село, ходили от хаты до хаты с криком “алес гарунтер”. Люде не дуже понагляються, не знают, што где творится, но все такой жандармы побудили людей. Встают, начинают збератися. Нараз видиме, ціле село горит. Товды, як кто выскочил с горючої хыжи, одітый ци голый, так остался на снігу. Мы подались в лісы. В лісі коло села Браслава мы остановились на ноч. Мороз не до вытримання; дітом ютмерзают руки и ноги, а огонь невольню класти, бо мы под самым фронтом.

Я ледво стою на ногах, а хлопец такой замерзат на моих руках. Прошу маму, штобы пошли зо мною в село. Мама взяли на руки мое дівча, а я хлопца, и через сніжны замети пробиваемся в село. С великом муком пришли зме меж хыжи. Просиме одну жену, штобы нас приняла. Жена каже, же ей не вольно нас принять; а подруге, мы всі завтра оставляе село. Але каже жена: “У нас мешкают офицеры, идте просте, може вам позволят хоц переночувати”. Я иду к офицерам: лица знакомы, прошу их, штобы позволили ночувати, бо гину с дітми в лісах. Офицер звернулся к кухару и каже мене звідатися, ци я ту кого познаю. Я отповідам: “Я познала всіх вас, вы у мене квартировали, то тепер позвольте мі переночувати у вас.” Офицер посмэтріл на мене, штоси скрутило його душой, бо по його лиці потекли слезы; позволил остатися. Я пошла с дітми спати. Офицеры грали в карты до полночи. Лем што почали розбератися до спаня, як влітуе вояк, што-си рапортуе. Я поняла только: “русс, телефон брокин”. Офицеры за пять минут лишили дом. Кухар зберат манаткы. Я звідуюся кухаря, чом не спит. Он каже: “немож, русс зараз буде ту, ты также мусиш втікати, бо русс буде тебе пук...” Забрался и кухар, а мы остали. Я попросила добру жену припильнувати моих дітей, а сама пошла в ліс отвідіти моих односельчан. Всі живы, но тремтят от студени. Я повідам им, што всі австрийцы уж втекли, в той околиці уж ни одного ніт. Люде повеселіли и кажут: “Подме на нашу сторону, там може уж русскы”. Выбрали 6 хлопів и я с ними. Идеме с лісов ку дорозі. Дорога заполнена русскыма войсками. Коли увиділи нас, кричат: “не бойтесь, мы вам ничего делать не будем.” Наши хлопів отповідают: “Мы не боимся, мы ждем на вас.” Коли зме зышлися, они кричат: “Здравствуйте, братья!” А мы: “Слава на вікы Богу.” Просят нас: “Откуда вы?” Мы кажеме: “С Тылявы!” “О, ребята, совсем спалено!” Мы плачеме. Они: “Не плачте, братья, в нашей стране хлеба довольно, хватит и для вас.” “Из села только церковь, кооператив и два дома остались”. Потом просят: “Где больше ваших людей, где дети?” Мы повідаме, же в лісі. Солдаты с нами в ліс, забрали всіх нас до села Доброславы, там варили для нас вечерю. Никто до рана не спал.

Рано козаки наперед нас роблят нам до-рогу в снігу, мы за ними идеме и так при-ближаемся ку родным сторонам. Приходиме ку цисарки, а там войска аж землі тяжко, сол-даты сошли з дороги, штобы нас пропусти-ти. Пришли зме до Барвінка. Солдаты ка-жут: "Тут у нас ест коровы, идте доити, бу-дет молоко детям." Мы пошли ку коровам. Мама нашли меж ними дві свои коровы, кот-ры поторгали мотузы и втекли от нас ище первой ночи. В Барвінку мы поили, отпочи-ли и выбралися до Тылявы. Мама взяли зо собом тоты дві коровы. В Тыляві нашы хы-жы тліли. Мы при том огні варили собі істи. Каждый газда ротаборувался на своем подворю. Переходячы русскы войска смотрі-ли на нас, як мы валяемся на погоренисках, давали нам хліб, грошы и одежду. На другой день нас всіх порегистрували, присылали хліб, так што істи было дост. Коло святого Николая австрийцы приблизилися к нашим сторонам. Почался сильный бой. На самого Николая я родила дитину. Нашу хыжу про-шивают кулі. Я встаю и пробую обуватися. Но солдаты забрали мое обути, шмарили от мене, казали лежати, запевняючи, што ав-стриякы скоро будут отбиты.

В мае, 1915 року, русскы войска начали отступати с Карпат. Забрали и нас с собом до России. В дорозі коло села Залуже, нас до-гоняли австрийцы. Кулі падали в нашы во-зы. Но русскы задержали их, и мы отдали-ся от австрийских куль. Приходиме до Го-родка Ягеллонского, там стояли русскы вой-ска. Я виділа, што русский солдат несе воду, подошла, прошу, штобы мі дал напиться. Лем што мі подал воду, кричит "ступай, бомба летит на нас!" Я, здаеся, отскочила, но нараз упала беспритомна с сыном на ру-ках. Докторе привернули мі память. Не бы-ла-м поранена, но каминя и глина приглуши-ли мене. В Городку мы постояли три неділи, так што я вернулася вполні до здоровья. В Галичі люде кликали нас видіти могилу 90 замученых селян німцами. Повідали нам, што самостийники, хочачи помститися на селя-нах, пошли в церков и звонили, потом по-шли на войскове командо и сказали, што "москвофилы" звонами давали сигнал моска-лям. Девяност людей было арестовано, всіх поставили над яму, приказали одному другого вішати, перший, другой, десятый и так до конца. Котрый отказался выполнить

тоту роботу, тот живым был шмареный ме-же трупов и заваленый. Отже я ище в 1915 року виділа "высшу німецку культуру".

Мы пошли дальше. На ноч остановились близко одного фольварка. Пустился сильный дождь. Мы просиме панску службу принять нас до stodолы, но они повідают, "што пан не позволят". Поздно вечером приіжают ко-заки. Прсытятся, чом не заходиме во двор. Повідаме, же пан не позволят. Козаки по-шли ку пану. Видно, дали му добру медици-ну, бо зараз пустил. Мы вошли до stodолы. Коров и коней козаки загнали до панскэй травы. Там они паслися до рана. Вчас рано мы пошли дальше. Приходиме ку русской границі. Там спочиваеме и вариме істи. По отпочинку пустилися через границу. Прохо-диме коло пограничной таблицы. Нашы старшы люде поставали, смотрят в сторону Карпат и слезы ліются по их лицах. Мы, мо-лодшы, штобы оживити пригнобленых го-рем стариков, заспівали "Пора за Русь нераз-ділему". И так зо співом минули погранич-ну таблицу. Ночували в Горохові. Там нас на-кормили ввечер и рано, и мы пошли даль-ше. В Луцку моя три рочна Анна упала с воза и колеса перешли через ню. Мене с діт-ми забрали до шпиталя. Коли діти выздоро-віли, пошли зме в дальшу дорогу. За Шут-ковым нас розмістили в военных касарнях. Там была добра кухня, были докторе, сім неділь там зме стояли. Докторе осмотріли нас всіх и щепили. З нами были там люде с Восточной Галичины, котрых отступаючы русскы армии выселили с фронтowych ліній. Меж нима было много людей, яки ненавиді-ли всьо, што русске. Нас поштуркували, про-зывали "москвофилами". Они были дуже не-людскы и захланны, як німцы. Без огляду на то, што істи давали дост, они, як пажерны, за столом все были першы, што не зіли, то на-пыхали по кишнях, столы оставляли оголе-ны до чиста. Мы лемкы тихы, скромны при-ступали ку столам все порожным. Так шло даякий час. Мы ничого никому не казали, не скаржилися. С часом то запримітила обслу-га. Почали слідити, што робится. Як узнали, як то всьо иде, повідомили о том команду. Перед обідом команда спокойно вшла и сол-даты помішались помеж людей, спокойно крутятся, як бы их ничого не обходило. На столі поставили обід. Всьо того захланне, по старому звичаю, прискочило ку столу, а мы

по боках, як сироты. Никто ничего не каже. Тоты галицкы німцы ідять, а остальне до кишень. Коли опорожнили все, тогда встают и пускаются к выходу. Команда задержала всіх и дала им таке казаня, яке я до смерти не забуду. Не забудут напевно и тоты "галицкы німцы", для яких казаня было призначене. Потом команда приказала людям с Карпат остатися, а всі прочи най выйдут. Для нас варили другой обід. Мы їли, а офицеры говорили нам, чтобы мы пребачили, же тут так было, и што они отразу то не запримітили. От того дня тамты получали отдільно, што им належится, и мы свое отдільно.

Отталь выслали нас за Новгород Волынский. Там розмістили нас в німецкых колониях. Німцы были выселены в Сибирь. Нас розмістили по домам. Офицеры говорили нам, што німцы не вернутся и што мы будем тут хозяевами. Все поле мы должны обрабляти, сіяти и садити и потом собрати, як свое. Люде місцевы сходятся ку нам, несут хліб, масло, сало, одежу. Говорят: "Ну, прямо как родные, сестры и братья!" Многы с них знали за лемков, як за добрых людей. Мы при помочи сусідов, котры давали нам все, што могли, скоро стали обеспечеными людьми. Пришли жнива, мы собрали пшеницу, жито, ячмень, овес, выбрали картошку. До того мы ище получали поддержку от государства.

На весну я пошла до работы на желізну дорозу. Платити нам 50 рублей в місяц и харч. Я робила пол рока. Купила корову, зимову одежу для дітей и чоботы для себе. Там мы прожили штыри roky. За тот час я познала русский народ. Лем мы перешли с Австрии в Россию, то ку нам со всіх сторон приходили люде с подарками, каждый отни-

мал собі, чтобы для нас вділити. Тота братска любов, помоч и опіка продолжались до остатнього дня, пока мы там были. Люде всяко говорят о русском народі, но я мушу повісти правду, што офицеры, солдаты и народ, який я встрічала в тоты тяжкы часы, были заинтересованы лем тым, чтобы нам помочи. По штырох роках нашей жизни в России пришли зміны. Появляются німцы, разом с нима и им вірны слугы німецкы украинцы. Начинают установляти свою власть. Выселены німцы на Сибирь вертаются на свои колонии. Нам пришлось уступить им с их домов. Мы выбрались назад в Карпаты.

Русскыма колями привезли нас до Радзивилова, австрийскыма до Бродов, а там нам уж приказали отпочивати под голым небом за 26 дней. Раз на день дали "кавы", часом дали слайс на душу конского мяса. Хліба совсім не было. Докторе пришли нас визитерувати, ци дакой заразы не несеме с России. Нам женам и дівкам приказали порозбегатися до гола и так як нас Бог сотворил, "вырегулювали до глїду" и гнали одну за другом до доктора и реготались с нас, як коні. Потом товаровыма вагонами привезли нас до Львова, из Львова до Кросна. Оттамаль уж сме достались до дому, як кто мог. Нашы поля за тот час обернулись в пустыню не до познания. Там, где было село, всі погорениска заросли копривом. Нам пришлось горенько побідувати, закла зме село отбудовали и закла на землі доробилися хліба. И тепер, як довідуемся, тоты самы брудны німецкы руки по другой раз за нашего житя спалили наше родне село Тыляву. А русским, як и перше, пришлось спасти наших родных от голодовой смерти.

МАРИЯ ТУРКОВСКА, тылявянка.

БУЧЕРИЯ и ГРОСЕРИЯ
ЕМИЛИЯН МАЛЕЦКИЙ, Власт.

Завсе свіжы мяса и grosерия,
а также фляшковое пиво.

Grocery & Butcher Shop

1283 So. Main St.

Warren, O.

Compliments
of

G. J. SAFIRSTEIN, D. D. S.

TO ALL FRIENDS

155 FIRST STREET,

ELIZABETH, N. J.

БАНАТЫ

Хлопці неженаты
Подме на Банаты —
Як сой заробиме,
То ся пожеием...

Банаты, то дуже гористый край, меж ру-
мунами, мадярами и сербами. В том краю
ест фабричне місто Решица. Уж минуло 44
роky, як я опустил тот край. Фабрики там
и днеска сут, бо я читал в газеті, што як там
подходила русска армия, то директор тых
фабрик фуркнул на аероплані.

Там ест великий “шмельц” (сталелитей-
ный завод), где плавят руду, “пульверк”
(прокатный завод), где вальцуют желізо.
Притым там вырабляют мосты и высылают
до світа, машин-фабрика выраблят желізные
колеса, коксовня перепалят уголь на кокс.
Сут там дві майны: Секуля и Доман. Уголь
добывали лем с пиками. Уголь дуже чистый
и мягкий, барз добрый на кокс.

В тых роках, коли я там працювал, на
Доман майні была велика експлозия. Было
то вночи пред днем Св. О. Николая. Барз
дуже люда там згнуло. Там отец брал ма-
лых подростков до помочи и они оттягали
в баксах угля на ширше місце. В день Св. О.
Николая в тамтейших церквах были отслу-
жены жалобны богослужения за жертвами
той експлозии. Там ест католицкий костел, и
православна и униатска церкви.

В Решиці працювало много розмаитого
народа, говорили, што 5.000. Но мадяров
працювало мало, хоц до первой світовой вой-
ны тот край належал до мадяров. Там, где
я працювал, в “пульверку”, то німцы и чехы
працювали при машинах, а нашы лемкы за
помочников.

Друге фабричне місто ест там о 6 годин
ходу с Решицы верхами, и звеся Анина. Там
также працювало много наших людей. На
половині дороги с Решицы до Анины меж
высокими горами положене село Карашов.
Люде бесідуют по сербскы, а одівають як
румыны.

В тых часах, коли я пришол до Решицы,

якоси трудно было о роботу, так што мои
крайне дорадили мі ийти до Анины и розпо-
віли, як мам ийти. И одного дня зрана я вы-
брался в дорогу. Иду я, иду, и пришол до
того села Карашова. Иду через село, и уж
мам выйти с него, но на конці села я встрі-
тил двох немолодых уж хлопков, с котрых
еден мал деревяну ногу. И тот с деревяном
ногом обозвался до мене: “Чекай, сыну”, гва-
рит. Я подождал. Он подошел ку мі и за-
провадил мя до свого дому, дал мі переку-
сити, а так звідует:

— А откаль же ты, сыну?

Я гварю, што с Галичины, с Кроснянского
повіта. Он звідует, с якого села. Я кажу, што
с Мысцовы. А он каже: — А я с Гыровы!

То дораз сусідне село. Звідуется, чий я.
Я гварю, што Реваков. А он повідат, што он
служил у моих родичов.

Так мы побесідували, як близкы крайне.
Он росповіл мі, як стратил ногу в фабриці и
тепер занимается шевством.

Я подякувал за гостину и пустился в
дальшу дорогу. Пришол до Анины меж сво-
их односельчанов, но по пару днях выбрался
назад тыми самими стежками, бо и там ро-
боты не было.

По даяком часі достал я роботу в Реши-
ці и там замешкал. Прожил я там с 1895 до
1901 року. В 1899 я оженился в Банатах.

Читал я в нашем календарі историю кра-
яна Бринды — “Бехеровяне”. Не споминат
нич о своих односельчанах в Банатах, а там
лемков с Бехерова вельо. Но видно было,
што они там здавна живут. Был меж ними
и еден Брында. Там было дост добри и ве-
село жити. Але як бы перун ударил и зни-
щил вшитко, бо пришол новый директор
Ебергарт, німец понад 7 футов высокий, и
вшитко змінілося. Он позакладавал новы ма-
шины, штобы меньше людей треба было.
Потом пришло так, што ниякой работы не
было, не мож было на житя заробити. Го-
ворили, што тот німец задорого хотіл про-
давати и не мал ордеру.

И так люде почали росходитися, где кто
мог.

Теодор РЕВАК.

ШЛЯХТОВА, ЯВИРКИ, БІЛА ВОДА И ЧОРНА ВОДА

Онуфрий и Ирена Петрикович
зо сыном.

Штыри лемковскы села — Шляхтова, Явирки, Біла Вода и Чорна Вода, то послідны русскы села по галицкой стороні Лемковщины. Тоты села належат административно до Ново-торжского округа и подходят недалеко ку Татрам. По галицкой стороні они не лучатся с другими лемковскими селами, но зато лучатся зо спишскими русскими селами по чехословацкой стороні, через границу. Но мимо того, што тоты штыри нашы лемковскы села закинены найдальше на запад, они сохранили до днеска свою русску віру, лемковско-русску бесіду и народность, так што, правдоподобно, большинство населения тых сел переселилося тепер в Со-вітский Союз, як в свою национальну державу.

Явирки и Шляхтова — великы села, зо своими церквами и приходами. Біла Вода и Чорна Вода належали до церкви в Явирках.

Як из других лемковских сел, так и с тых штырох самых западных майже половина на-

селения эмигровала в Америку. Наибольша колония из тых сел жие в Филадельфии, и отзачатся своим привязанием до русской церкви и народности. Но кромі Филадельфии, эмигранты с тых сел розошлися по цілой Америці, живут дакотры и в славном городі Форда — Детройті. В Детройті жие и знана нам родина Петриковичов, фотография котрой ту поміщена. Онуфрий Петрикович родом зо Шляхтовы, його жена Ирена с Явирок. Обое свідомы русскы люде и свідомы роботники, обое помагают нашој народной организации. Ирена Петрикович — член Центрального Исполнительного Комитета Л. С.

Свідомы родиче выховают и свідому дитину. Такого сына выховали Петриковичы. Його мати пише нам, што он интересуется днеска найбільше историом народа, с которого он походит — русском историом.

Покончивши гайскул в 1942 року, он до-раз сголося в военну летну школу, где выучился на радио-оперейтора и летного механика при тяжких бомберах. В юлі 1944 року был высланный в Европу, где пробыл 10 місяцов и участвовал 34 боях, як техничний сержант. Был много раз отзначеный.

Желаеме краянам Петриковичам прожити много літ и трудитися для своего родного народа.

Того самого желаеме всім выходцам с тых наших штырох лемковских сел, и тым в Америці, и тым в Совітском Союзі, а также тым нашим краянам, котры остались в тых селах, штобы они старалися отновити их, штобы Шляхтова, Явирки, Біла Вода и Чорна Вода остались надальше на краю русской земли с нашим твердым лемковским поколінням.

TOWN RESTAURANT

ВАСИЛИЙ БРЫЛА, Власт.

Коли хочете смачно собі
поісти, а не дорого заплатити,
то заходте до свого краяна
и приятеля.

171 PASSAIC ST.

PASSAIC, N. J.

НАШЫ ЗВІЗДЫ

Надя Варенич | Елена Головач

Звiзды Карпаторусского Общества и Федерации Русских Канадцев, выбраны на Объединенном пикнике в Торонто, 29 июля 1945 г. Надя Варенич собрала \$300.03, а Елена Головач \$303.30 на помоч русскому народу, и так обi были проголошены равноправными звiздами.

ЕЛЕНА ГОЛОВАЧ родилася в селi Збудска Бiла Межелаборецкого округа. До Канады прихала майже пред самым другим свiтовом войном, жила с родичами на фармi, якi два роки тому прихала до Торонто и дораз приняла живу участь в наших карпаторусских организациях: вступила в К. Р. Клуб Молодежи, в наш хор и скоро в хори заняла місце первой спiвачки, выступат на сценi як солистка и як така знана тысячам жителей Торонто. Елена Головач дуже трудолюбива дiвчина, працуе в наших организациях и працуе также над собой. Вiримо, што она буде розвивати дальше свои способности и дiлитися своими знаниями и талантами со своим народом.

Карпаторусское Общество в Торонто желае своей Звiздi всякого успiха в ей житю.

Phone: ELizabeth 2-3437

Myers Liquor Store

WINES and LIQUORS

To be in good spirits... Call us

Free Delivery

Найлипший склад Вин и Ликеров.

7 WEST GRAND ST., ELIZABETH, N. J.

Phone: ELizabeth 2-1645

EYE EXAMINATION

Коли мате слабы очы, або потребны
Вам окуляры, заходте до нас.

Dr. H. M. Chasin

OPTOMETRIST

225 BROAD STREET, ELIZABETH, N. J.

Tel. PA. 2-10324

Butch's Tavern

JOHN BUTCHKO, Prop.

РУССКА САЛОНА

Где завсе гостина,
Крайне спiвають,
Пиво попивают.

155—3rd STREET

PASSAIC, N. J.

PA. 2-9474

New Belmont Park

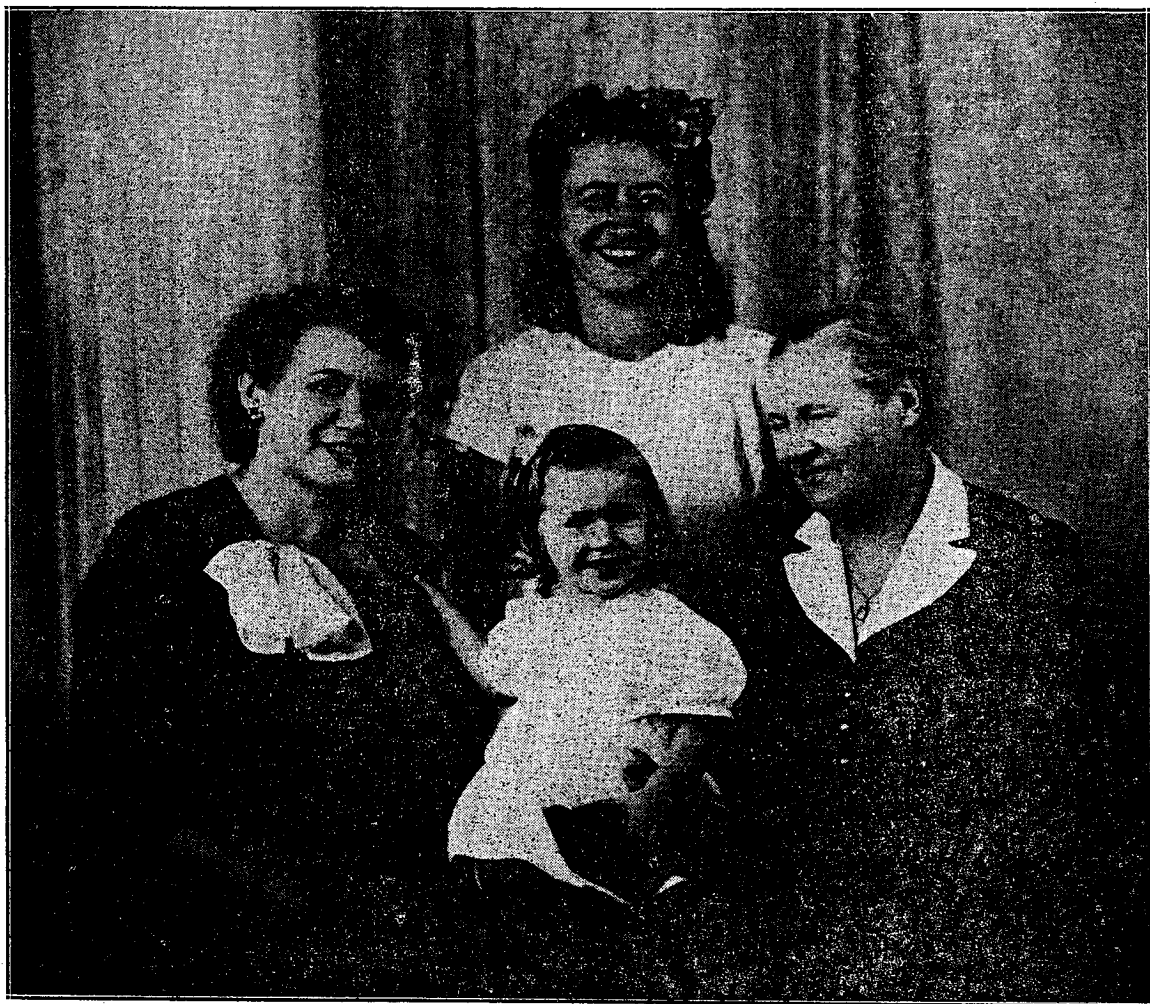
WM. and JEAN BUTTS
Proprietors

Large Hall For Hire.

Велика галя до вынайму,
а также подворье — заняте цiле
лiто пикниками.

424 RIVER DRIVE
GARFIELD, N. J.

Штыри Покоління

ПРАБАБКА: — Александра Ватраль с Куземчаков, жена покойного Філя Ватраля, родом с Ганчовы, до их хижи звали "до Бодика", в Америці 48 літ, жие в Колпмонт, Па.

БАБКА: — Дочка Александры — Ольга, рождена в Шамокин, вышла замуж за Василя

Химьяка, жие в Юнкерс, Н. Й., діятельна членкиня нашой организации.

МАМА: — Дочка Ольги — Катерина, рождена в Шамокин, вышла замуж за Едварда Рогала в Юнкерс, жиют в Юнкерс, Н. Й.

ДОЧКА Катерины — Варвара, 2-рочна, рождена в Юнкерс, Н. Й.

UNionville
2-0608

Dining and
Dancing

Zatko's Bar & Grill

Cattered to:
Weddings, Parties, Banquets
& Shuffle Boards

Для розрывкы — заходте до нас!

334 Yale Avenue

Hillside, N. J.

LINDEN HILL DAIRY

D. P. MONCHAK, Prop.

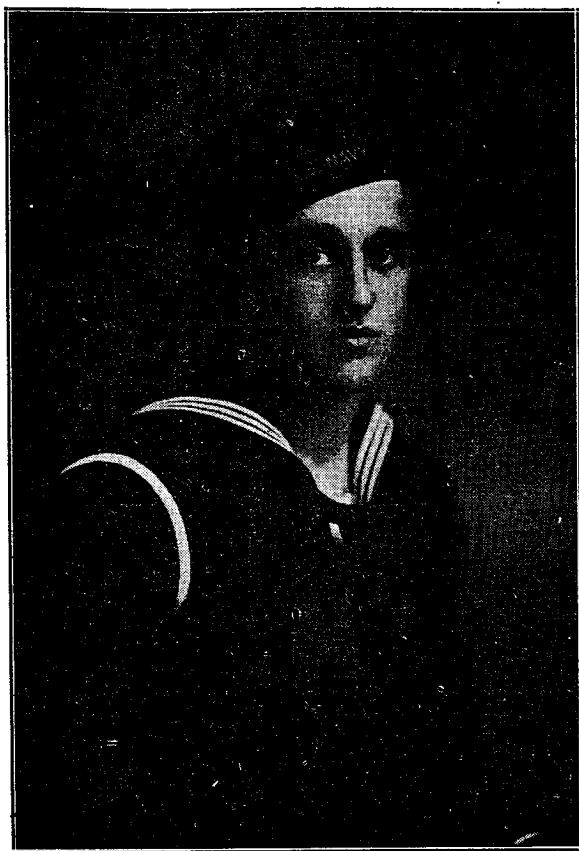
Guersey Grade "A", Grade "B" Milk
Butter Milk, Chocolate Milk,
Homogenized Milk, also
Stricly Fresh Eggs

Ордеруйте от своего краяна!

520 Erudo Street

Linden, N. J.

ЛЕМКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Лука С. Коско

Тысячи дітей лемковських емігрантів боролися в Американській армії, Морському і Воздушному флоті проти фашистських агресорів — гитлеровської Німеччини і самурайської Японії. Многі з них отзначилися в боях. Меж ними були і два братя Коско, Михайл і Лука з Шелтон, Конн. Родиче тих двох американських матросів, котрі боролися за свободу Америки і Європи, виходці з села Вишоватка Ясельського повіта, отець Симеон син Івана і Марії Коско, а мати дочка Івана і Марії Моцонь. Отець приїхав до Америки молодим хлопцем в 1907 року, мати молодом дівчином в 1910 року.

Михайл С. Коско

Лука Коско був взятий до нейви в фебр. 1942 року, отбыл первый трейнинг в Род Айленд, потом в Брукліні, так Вест Виржинії, откаль был высланный в Африку до Касабланки, с Касабланки до Франции, с Франции до Айссленд, с Айссленд до Южной Америки, потом повернул в Нью Йорк на короткий час, бо скоро был посланный на Пасифик на войну против Японии. Лука Коско был на крейсери Августа за три и пол рока. Тота шифа возила Президента до Европы. Тепер перенесенный на ескорт-дестроера.

Михайл С. Коско, чиф пети офицер, был забранный до нейви 29 марта 1944. Он находится во Флориді. Михайл женатый уж осем роков.

Compliments of

GEORGE J. COPLIN, M. D.
TO OUR FRIENDS!

528 E. NEW JERSEY ST. ELIZABETH, N. J.

DANIEL SOBCHOCK

Music Furnished For All Occasions

На всякы предприятия
Замовте музыку Собчака,
Бо Собчак добре грае,
А до того — и співає!

308 ATLANTIC ST.

PATERSON, N. J.

НАША НАРОДНА БУДОВА

ВНУТРЕННЕ УСТРОЙСТВО В РЕСТОРАНІ К. Р. ЦЕНТРА: Вид бары.
(На фотографии — Менажер Теодор Глюз)

**КАРПАТОРУССКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР,
556 Yonkers Avenue, Yonkers, N. Y.
ЮНКЕРС, Н. Й.**

В Народной Будові К. А. Центра єсть велика галя на концерты, представления и други предприятия. В ней може поміститися до 1,200 особ.

ВНУТРЕННЕ УСТРОЙСТВО В РЕСТОРАНИ К. Р. ЦЕНТРА: Вид кухни.

(На фотографии — Карпаторусска Газдыня Анастасия Глюз)

В Народной Будові Карпаторусского Американского Центра есть модерно устроенный ресторан, открытый всегда для публикы.

Carpatho-Russian American Center

556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

PHONE: YONKERS 5-9570

TWO CONVENIENT LOCATIONS TO BETTER SERVE YOU
MODERN and HOMELIKE

Rusynyk-Yurch Funeral Home

— East Side —

10217 Union Avenue

Diamond — 3100

— West Side —

2824 West 14th Street

Prospect — 0078

Established in 1917.

Call Either Phone.

S. Rusynk

ПЕРВОКЛАСНА УСЛУГА
ПРИ ПОХОРОНАХ.

CLEVELAND, OHIO

M. Yurch

Passaic 2-8676

The Palace Bar & Grill

P. & J. MAKSYMETZ, Props.

Коли хочете принятно провести
вечер, заходте до своїх
крайнов.

128 First Street

Passaic, N. J.

Passaic 2-9726

Herman Damoff

Photographer-Costumer
Tuxedos-Evening Clothes
For Sale & For Hire.

Bridal & Evening Gowns
For Sale.

174 Market Street

Passaic, N. J.

Phone ESsex 3-3279

Hi-Point Farms, Inc.

"THE PEAK OF QUALITY"
Milk and Milk Products.

Завсе свіжы и чисты молочны выробы.

976 STUYVESANT AVE.,

IRVINGTON, N. J. 1283 LIBERTY AVE.

Elizabeth 2-2340

John E. Gavitt

Prescription Optician

Очы, то Ваш скарб. Шануйте их.
в разі потреби — дайте
екзаминовати.

109 Jefferson Ave.
Martin Building
Elizabeth, N. J.

Tel. ELiz. 2-0146

Sauer's Clothes

For Father & Son

У нас достанете убранья

по низких цінах.

655 Elizabeth Ave.

Elizabeth, N. J.

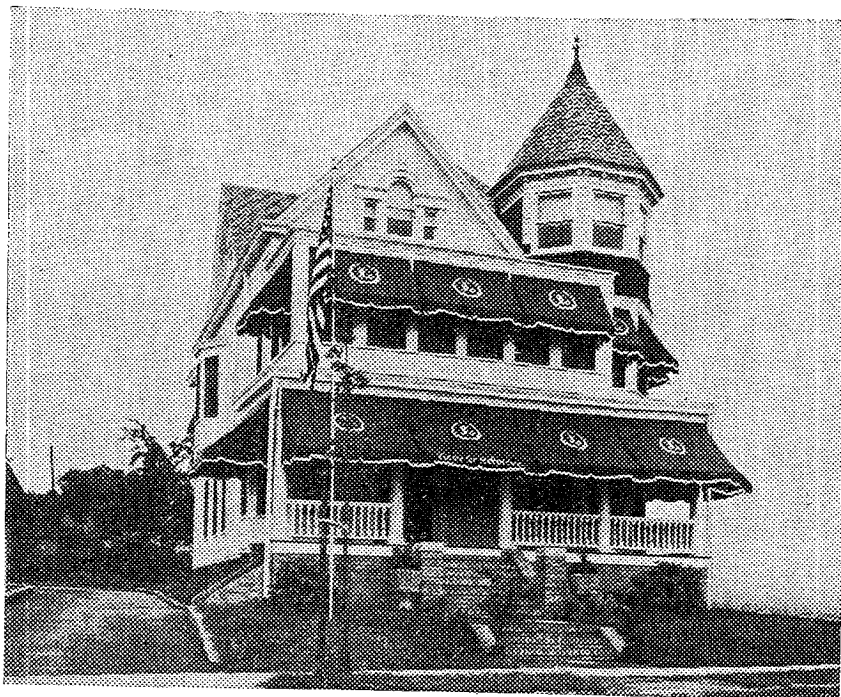
Phone: WAverly 3-9805

LIBERTY CUT RATE DRUGS

J. Bernstein, Ph. G.

Для Вашей услуги.

HILLside, N. J.

Phone: ESsex 3-9090

МИРОН ЛИТВИН

НАШ СЛАВЯНСКИЙ
ПОГРЕБНИК

Первоклассна услуга
при похоронах по
уміровкovaných цінах.
удавайтесь до нас.

"Home for Services"

FUNERAL DIRECTORS

Myron Lytwyn & Son

FIRST CLASS SERVICE AT MODERATE RATES

10 HARRISON PLACE

Newark and Irvington 11, New Jersey

АКРОН, ОГАЙО

РУССКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ КЛУБ

Наш Клуб Гражданский, свою галю мае,
До котрой всіх земляков с Акрон запрошае!
Маме галю до вынайму на всякы забавы,
Ци весіля, ци крестины — великы и малы.
В нашой галі маме столы, кухонны снаряды,
Што можете уживати на всякы выгоды.
Всіх краянов в Гражданский Клуб просим загощати,
Бо то есть наш Русский Центр,
В нашем Акрон Сити.

ГАЛЯ ДО ВЫНАЙМУ НА БАЛИ, ВЕСІЛЯ, ГОСТИНЫ, БРАТСКЫ
СОБРАНИЯ И НАРОДНЫ ВІЧА!

Подпоруйте своих!

Ярослав, Секретарь.

RUSSIAN AMERICAN CITIZEN CLUB

1168 Ackley Street

Akron 6, O.

СЛАВЯНСКО-РУССКА

ПЕРВОРЯДНА ГОСТИНИЦА

ФЕННА СТАППЕЙ, Власт.

У ней сходятся крайне,
русскы и славяне, штобы
приятно провести свой час.

*
* * *

BEER GARDEN

FANNIE STOPPI, Prop.

202 So. Lehigh Ave.

FRACKVILLE, PA.

Ambridge Phone: 1100

Aliquippa Phone: 9517

Pittsburgh Phone: GRant 5744

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С НОВЫМ ГОДОМ

GREETINGS and BEST WISHES for 1946
from

OHIO RIVER MOTOR COACH CO.

OPERATING FROM

ALQUIPPA, PA. to PITTSBURGH, PA.

VIA

AMBRIDGE — SEWICKLEY
AND COMMUNITIES IN BETWEEN

Coaches are available
For
Special Trips of Groups and Parties.

ENJOY YOUR RIDE

Phone: SHen. 2-1009

Nickolas Bereschak Importing Beer Distributor

BEST BEER IN PENNSYLVANIA
STATE

ОРДЕРУИТЕ ПИВО
ОТ КРАЯНА

НИКОЛАЯ БЕРЕЩАКА

СВОЙ ДО СВОГО!

*
* *

Lost Creek, Penna

Phone: 9492

Canteen-Lounge

and

HIDE-AWAY-BAR'S

У нас приятно забавитесь!

* *

139 E. Schoonmaker Ave.
Monessen, Pa.

Kuzma's

BEER GARDEN

BEER-WINES-LIQUORS

ANNA KUZMA, Prop.

Русска Гостиница, где сходятся крайне
и приятно проводят свой час.

275 Schoonmaker Ave.
Monessen, Pa.

"Market Restaurant"

RESTAURANT-HOME COOKING

JOHN VIERZCZALEK, Prop.

Коли хочете смачно и
приємно собі поїсти,
то заходте до нашого
ресторану.

Домашня кухня и
перворядна услуга.

*

* *

163 Market Street
Passaic, N. J.

GROCERY & BUTCHER STORE

S. BASALYGA, Prop.

FRESH FRUITS & VEGETABLES

У С. Басалыгы достанете завсе свіжый
товар до ужитку.

74 Center St.

Clifton, N. J.

РУССКА ГОСТИНИЦА

ВАСИЛИЙ МАЛЕЦКИЙ, Власт.

BEER GARDEN

У нас можете завсе приятно
и весело провести свой час.

*

683 Van Houten Ave.

Clifton, N. J.

**134 Tavern, Inc.
BEER GARDEN**

Service with a Smile!

У нас завабитеся
приємно.
Первокласна услуга!

*

* *

134 TAVERN, INC.
BEER GARDEN

128 Locust Ave.

Wallington, N. J.

ELiz. 2-1975

Res. EL. 3-2339

Economy Paint & Supply Co.

Paint-Walpaper-Supplies

Маме всякого рода материял
потребный для утримания
дому в порядку.

Cor. First & East Jersey Sts.

A. CHAIT

Elizabeth 1, N. J.

Stein's Jewelry

Diamonds-Watches-Jewelry
Fine Watch & Jewelry Repairs

*

* *

В потреби — удавайтесь
до нас.

94 First Street
Cor. E. Jersey St.

Elizabeth, N. J.
ELiz. 3-0210

Phone PAssaic 2-3073

**JET BLACK PITTSTON
PASSAIC and GARFIELD
SUPPLY COAL CO., Inc.**

Buy Reliable Coal from a Reliable
Incorporated 1908

**COAL
and
WOOD**

**KOPPERS
COKE**

P. GLADIS, Pres.

Jos. Kost, Sec.-Treas.
Authorized Dealer

В нашом КОЛ-ЯРДІ достанете най-
ліпше угля до паленя по найнижшій
ціні.

ОРДЕРУЙТЕ У НАС!

River Drive and Belmont Ave.
Garfield, N. J.

D. Kizyma

Hardware, Paint, Plumbing
and Heating Supply

Маме всьо, што Вам потрібно
до газдовства при гавзі.

* *

1190 LIBERTY AVE. HILLSIDE, N. J.

UN. 2-5255

William Adamowitz

House Movers & Shorers
General Building Contractors.

Коли мате контрaкторскы роботы,
то удавайтесь до нас. Мы радо вам услужиме.

* *

508 HARVARD AVE. HILLSIDE, N. J.

Tel. BL. 3-0258

FRED H. ROEVER

Optometrist - Optician

Reasonable priced glasses made to your
satisfaction.

OUR MOTTO:

"Every Costumer a Satisfied Patient"

*OPEN: TUESDAY, THURSDAY AND
SATURDAY EVENINGS TILL 8 P. M.*

У нас достанете добру и честну услугу

*

* *

237 CLINTON AVENUE, NEWARK, N. J.

WA. 3-9576

Compliments of

Frank's Inn

TO ALL FRIENDS!

Where Good Fellows
Get Together.

* *

1458 Liberty Ave. Hillside, N. J.

UNionville 2-6137 J.

MIKE'S BARBER SHOP

MICHAEL BUBNIAK, Barber

Good and Sanitary Service
Услуга первокласна.

Заходте до свого!

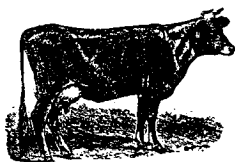
* *

406 Blay Street Hillside, N. J.

Tel. PAssaic 2-0783

Karachin's Dairy

MILK & MILK PRODUCTS

РУССКА МОЛОЧАРНЯ

У МИХАИЛА КАРАЧИНА — свои коровы. Молоко све́же, чисто и здорове для дѣтей и старших.
Купуйте молоко от своего человека, а будете довольны!

*

*

*

236 BANTA AVE., GARFIELD, N. J.

PAssaic 2-3543

Free Delivery

John Milan's

VAN WINKLE LIQUOR STORE
Choice Wines, Liquors and Beer

Найліпший склад Вин, Ликеров и Пива.
Купуйте у свого краяна-лемка!

68 VAN WINKLE AVENUE, GARFIELD, N. J.

РУССКА ГОСТИНИЦА

МИХАИЛА КУШВАРЫ

Галя до вынайму на малы гостины, крестины, супрайз-парти и митингы. Там достанете завсе добры напитки, смачны закуски и добру услугу!

BEER GARDEN

199 CAMBRIDGE AVE. GARFIELD, N. J.

ANDREW KOZAY

BEER GARDEN

РУССКА ГОСТИНИЦА

АНДРЕЯ КОЗАЯ

Где сходятся русскы люде, краяне и приятели,
штобы приятно провести час.

62 FIRST STREET,

PASSAIC, N. J.

"Say it with Flowers"

Phone: ELiz. 3-3132

Art Floral Shop

E. BONAVIDO, Prop.

Flowers for every occasion!

Маме квіты на всякы оказии...

824 Elizabeth Ave.

Elizabeth, N. J.

Telephone: WA. 3-9846

Hillside Recreation

8 Alleys

Bar

Для розрывкы часу
заходте до нас.

Whitey Munn

Liberty & Florence Aves.

Ed McDonald

Millside 5, N. J.

Elizabeth 2-7213

Union Square Linoleum Co.

R. SMEYKAL, Prop.

Kitchens-Drainboards-Asphalts
Hard Surface Floorcoverings
Kitchen-Drainboards
Linoleum & Asphalt Tile

860 Elizabeth Ave.

Elizabeth, N. J.

Compliments
of

Clifton Bakery

СЛАВЯНСКА ПЕКАРНЯ,

где достанете свіжий
хліб, ролки, булки
и всякого рода печива.

331 Hope Ave.

Clifton, N. J.

ПЕРВОРЯДНА

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

НИКОЛАЙ ПОПІВЧАК, Власт.

Добра grosерия, мяса и колбасы,
А коли собі поїсте,
Попустите паса!

*
* *

104 Chestnut St.

Garfield, N. J.

Joseph Kovalcik

BUTCHER & GROCER

У нашого славянина —
Свіжы мяса и ярина.
Добрий товар, тудьо дає,
Бо што купиш, то схоснуеш.

*
* *

139 Ray St.

Garfield, N. J.

PAUL & PHIL TAVERN

BEER GARDEN

Наш Павел и Филип,
Як братья добраны,
Завсе у них гостина,
Знакомы-краяне.

328 Hope Ave.

Clifton, N. J.

Phone: MA. 2-6429

Compliments
of

GEORGE HECKEL

MANUFACTURER and DEALER

in Trusses, Elastic Stockings, Abdominal
Supporters, Shoulder Braces, Crutches,
Arch Supporters, Invalid Canes, etc.

Doctors Prescriptions Filled

У нас достанете всі потребны
річы для инвалидов.

*
* *

81 Springfield Avenue

Newark, N. J.

Essex 3-1805

ELIZABETH-UNION-HILLSIDE
IRVINGTON LINE, INC.

SAM LASPADA

Charter Buses

For All Occasions.

Call on us!

444 Hillside Ave.,

Hillside, N. J.

Say it with Flowers

Merten Brothers, Florists

"Flowers For All Occasions"

*
* *

Call on us, or come to:

Bigelow 3-3044

Eliz. 3-6143

24 Floral Ave.

1131 Madison Ave.

Newark 5, N. J.

Elizabeth, N. J.

Phone 778

Sam D. Stern

QUALITY FURNITURE SINCE 1915

Маме мебели и други обстановки
до Вашего дому.

531-533 SCHOONMAKER AVE.
MONESSEN, PA.

Tel. AMbridge 9646

SAM'S SHOE SERVICE

WINNER of GRAND NATIONAL SILVER CUP
Beaver Valley Most Complete
SHOE SERVICE

No Job Small—None Too Big

Получил первый прайз в Соед. Штатах
за направу обуви.

5th ST. & DUSS AVE., AMBRIDGE, PA. PA.

Phone: 263 J. Notary Public

JOSEPH SALADIAK

REAL ESTATE and INSURANCE

BONDS and Mortgages

*

* *

423 Schoonmaker Ave. Monessen, Pa.

S. Yatzyszyn

GROCERIES and HOME DRESSED

MEATS

Always Fresh

Заходите Вы все до своего —
Порахуе не дорого!

192—6th AVE.,

ALQUIPPA, PA.

Phones: Salesroom Amb. 731

Res. Sewikley - 1586

L. H. Kunz & Co.

Wallpaper-Paints-Oils-Glass
Picture Framing-Window Shades
Curtain Rods

Auto-Paint Texolite

Office and Salesroom

Cor. Fourth and Merchant Sts.
Ambridge, Penna

Bell Phone 800

VALLEY REALTY COMPANY

K. R. WAGNER C. ROY KERR

Продаеме Дома и Фармы.

Инсюрουμε дома от огня и других
несчастных случаев.

Залагоджуеме всякы Контракты,
Моргичовы sprawy и т. п.

В ПОТРЕБИ УДАВАЙТЕСЯ ДО СВОГО!

506 MERCHANT ST. AMBRIDGE, PA.

Compliments of

YONEY'S FUNERAL HOME

НАШ ПОГРЕБНИК

Завсе добра услуга
В потреби — удавайтесь до:

STEPHEN D. YONEY

155 SCHOONMAKER ST., MONESSEN, PA.

Phone: 221

KUOSMAN'S HARDWARE

PLUMBING — HEATING

Коли мате даякы пломберскы роботы, то
удавайтесь до нас, а мы радо услужиме.

124 — 6th STREET

MONESSEN, PA.

Tel. REgent 7-3247

MEMORIAL FLORIST

THOMAS DUNIAS, Prop.

Wedding Decorations & Floral Designs
Fresh Cut Flowers Every Day

Orders Delivered Promptly

1278 FIRST AVE.

Bet. 68th. & 69th Sts., NEW YORK, N. Y.

Tel. BUTterfield 8-0100

8-0177

Poust Wine & Liquor Co.

CHOICE WINES & LIQUORS
IMPORTED and DOMESTIC

Special Prices on Case Lots
Promt Deliveries

Склад наилучших Вин и Ликеров

1375 First Ave.

Cor. 74th St.

New York, N. Y.

Telephone: GRamercy 7-5051

DO KRAJU

— HROŠI ZASYLAJTE...

— PUTEŠESTVUJTE...

— Z KRAJU ŠIKUJTE...

— AFFIDAVITY...

— KONTRAKTY...

I VSI D'ILA VYRABL'AJTE ČREZ:

*

George Sabov

STEAMSHIP TICKET AGENCY

248 East 13th St.,
New York 3, N. Y.

ONUFRY YONAK

BUTCHER SHOP

Кед хочете здоровья мати
И любите смачно с'істи,
О Юнаковой "бучерні"
Треба Вам повісти.
В него вшиткы мяса свіжы.
Сам выберат, як купуе,
Зрыхтуе Вам чисто, скоро —
А дорого не рахуе.

312 E. 71st STREET, NEW YORK, N. Y.

Tel. 3-0590

W. H. PICKETT DRUG CO.

FRANK GUBA, Reg. Pharm.

PATRICK SWEENEY, Reg. Pharm.

Добра услуга и найліпшы
медицины.

* *

738 No. MAIN STREET, WATERBURY, CONN.

Telephone 3-2297

Nick's Market

Quality Meats & Groceries

NICKOLAS LIZAK, Prop.

В шторі краяна Лизака завсе достанете
свіжы и добры для здоровья продукты.
Купуйте у краяна Николая Лизака.

* *

49 HILL STREET, WATERBURY, CONN.

Moscow Tavern

CORNELIUS MADZIK, Prop.

Наш Корнелий Мадзик
Тыж свой бизнес мае.
Пиво, соду, вино —
В ужиток продае.
Сигары, сигаретки, и што лем хчете
Выпити в него достанете.

ЗАХОДТЕ ДО КРАЯНА НА:

*

12 VINE ST., WATERBURY, CONN.

TELEPHONE: 3—3241

KESNICK LIQUOR STORE

DOROTHY PAROHUS, Prop.

Wines-Cordials-Liquors

HIGHEST QUALITY

У НАШОМ СКЛАДІ ДОСТАНЕТЕ НАЙЛІПШЫ ВОДКЫ,
ЛИКЕРЫ, ВИНА И ДРУГЫ НАПИТКЫ НА ВСЯКЫ ЗАБАВЫ
И ДЛЯ ДОМАШНОГО УЖИТКУ.

KESNICK'S LIQUOR STORE

734 SOUTH PACIFIC STREET

STAMFORD, CONN.

Tel. 4-5995

Phone: 4-3191

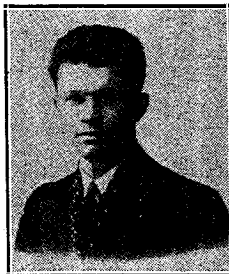
HIGH GRADE MARKET

ПЕРВОРЯДНА РУССКА

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

Иван Стефанович
ЦЮРИК

Сим передае най-
сердечнійшы по-
здравлення всім
покупателям,
знакомым и
приятелям.

Свой до своего!

High Grade Market

GROCERY & BUTCHER SHOP

John Churyk, Prop.

779 Atlantic St.

Stamford, Conn.

*Compliments of***Epstein Brothers**

TIRE RECAPPING

& REPAIRING

First Class Service.

Call on us.

*

*

*

17 Brook Street

Stamford, Conn.

Phone: 4-1851

Liberty Liquor Store

WINES-CORDIALS-LIQUORS-BEER
A Good Place to Buy.

Склад найліпших Вин
и Ликеров.

Коли Вам зайде потреба,
то ордеруйте в нашом шторі.

*
* *
**LIBERTY
LIQUOR STORE**

699 So. Pacific Street
Cor. Woodland Avenue

Stamford, Conn.

Tel. 4-5186

Stamford Clothing Exchange

CHAS. RABINOVITZ, Prop.

Service is our first thought.

New & Used Clothing Bought, Sold
& Exchanged.

Quartermaster's Headquarters

488 Atlantic St. Stamford, Conn.

Tel. 3-9908

Pete's Corner Store

ICECREAM-STATIONERY-TOYS

Айс-крим, Сода, Сигары,
Сигаретки, приборы до писанья
и всякого рода забавки для дітей.

Peter's Corner Store

738 So. Pacific St. Stamford, Conn.

Telephone: 3-2564

GROCERY & BUTCHER STORE

WASIL KWOCHKA, Prop.

В шторі Квочки краяна,
В полудне, вечером, ци зрана,
Свіжий товар достанете,
А услуга тыж добрана.
Што у Василя лем купите,
Не дорого заплатите...
Вшитко мате до выбору,
А ціны не идут в гору.

Заходте до штору краяна
ВАСИЛИЯ КВОЧКЫ!

* *

703 Pacific St.

Stamford, Conn.

Compliments of

D. M. J. Vincent Baut

*
* *

Summer Street
Stamford, Conn.

АНСОНИЯ, ШЕЛТОН И ОКОЛИЦА!

Голубы до продажы.

We have English Ponter Pigeons.
Reasonable for sale.

The Pigeons blow up very nicely
and are well sized.

You might write, or come
personally to the address:

ASAFAT COMCOWICH

82 Kneen St.

Shelton, Conn.

ПАССАИК—ГАРФИЛЬД—КЛИФТОН—ВАЛЛИНГТОН
НЬЮАРК—БАЙОНН—СИНГЕК И ОКОЛИЦА В Н. ДЖ.

Наш Краян

ТЕОДОР КОПЫСТЯНСКИЙ

отверат штор с домашними меблями, под числом:
179-181 — THIRD STREET, PASSAIC, N. J.

Theodore Kopystiansky, Prop.

HOUSE HOLD ELECTRICAL SUPPLY

All Kind Makes of Refrigerators, Automatic Washing Mashines,

All Kind Models of Radios, Vacuum Cleaners, Ranger Stoves,

Toasters, Lamps and All Kind Electrical Supplies

All Makes of Radios and Refrigerators Repaired.

КУПУЙТЕ У СВОГО КРАЯНА!

Обслуга честна и гарантована.

(Штор помістатся коло Русского Народного Дома на 3-ой улиці)

Telephone: PAssaic 2-5521

Tel. ELiz. 3-9440

Pulaski Furniture Co.

The Home of Quality Furniture

S. MYSLINSKI, Prop.

Radios, Bedding, Floor Coverings

Stoves, Refrigerators

Washing & Sewing Machines

Quality—Service—Satisfaction

Продаеме дешево,

и на легкы сплаты.

Opposite Erie R. R. Passenger Station

693-695 Main Ave.

Passaic, N. J.

Paul Holinda's Tavern

CHOICE WINES, LIQUORS and BEER

We serve the Best Beer
in town.

У Голенды бара чиста,
В него гостей с дальша, с близка,
Бо наш Павел рано встае,
Радо гостей угощае.

*

* *

182 Third Street

Elizabeth, N. J.

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

Established 1923

G & G and Sundial Potato Chips

IN BAGS, CARTONS and BULK

ALSO

FINE QUALITY PURE EGG NOODLES

“КАРТОФЛЯНЫ СТРУЖКЫ”

УЖЕ 22 РОКЫ ВЫРАБЛЯЮ И ПРИГOTOВЛЯЮ “POTATO CHIPS”
И “POP CORN”, ГОТОВЫ ДО ИДЛА.

ПРОДАЮТСЯ С УСПИХОМ В ШТАТАХ:

НЬЮ ЙОРК, НЬЮ ДЖЕРЗИ, ПЕННСИЛЬВАНИИ, КОННЕКТИКУТ,
МАССЕЧУСЕТТС, РОД АЙЛАНД И ВЕРМОНТ.

ПРОСТЕ ШТОРНИКОВ ЗА:

“SUNDIAL POTATO CHIPS и POP CORN”.

САМА ПРИЕМНИЙША ЗАКУСКА НА ПИКНИКАХ, В КЛУБАХ
И РАЗНЫХ ЗАБАВАХ.

Поручает: Александр П. Грета,

Лемко из Рыхвалда.

G. & G. and Sundial Potato Chips

SARATOGA & ONTARIO STREETS

COHOES, N. Y.

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

Tel. YOnkers 3-5703 J.

ПРИВІТ ВСІМ

КРАЯНАМ,
ПРИЯТЕЛЯМ
И КОСТУМЕРАМ

от краяна

ВЛАДИМИРА ГОНЧАРІК

КРАЯНЕ ДО КРАЯНА!
СВОИ ДО СВОГО!

*
* *

WLADIMIR HONCHARIK
GROCERY & MEAT MARKET

ALSO

BOTTLED BEER, SODA & CIGARETTES

46 BENNETT AVE., YONKERS, N. Y.

Tel. YOnkers 5-9844

JOHN MALUTICH

GROCERIES & DELICATESSEN

also

ICE CREAM, SODA, CIGARS and CIGARETTES

В шторі Малотича Івана,
В полудне, в вечер и зрана
Свійкий товар достанете,
Николи не пожалуйте!
Он наш крайн з села Рішок,
Всьо продає на ужиток!

*
* *

ИВАН МАЛЮТИЧ

131 YONKERS AVE, YONKERS, N. Y.

Tel. 4149

F. A. Wolski

FUNERAL DIRECTORS

FUNERAL HOME

AMBULANCE SERVICE

Первокласна услуга
при похоронах.

Автомобили до вынания
на всякы okazji.

*
* *

727 E. MARKET STREET

WARREN, OHIO

Compliments of

Buddie's Furniture Co.

ONE OF OHIO LARGEST
FURNITURE STORE

НАИБОЛЬШИЙ СКЛАД С МЕБЛЯМИ

Крайне, купуйте у свого

СЛАВЯНИНА!

*
* *

YONGSTOWN,

OHIO

Всі ми лєска хочеме знати, што буде по войні, як буде с роботом в Америці, яка будучность наших родных в Карпатах, яка будучность русского народа и славянства? На всі тоты вопросы найдете отповіть в правливой НАРОДНОЙ ЧИТАНКІ п. 3.

Наша Книжка

в котрой собрано всьо, што каждый роботный чоловік с Карпат повинен знати, штобы стал зрячим чоловіком. А крём того в той книжкѣ найдете избранны оповідания, вершы, драмы — литературны творы на нашой родной бесѣді. Ту содержание той нашой книжки:

1. ПИСМО ДО СТАРОГО КРАЮ — Ваньо Гунянка.

2. ОПОВІДАНИЯ ВАНЯ ГУНЯНКИ: “Стары и молоды”, “За віру”, “Марко Богач”, “Лешко Мырна”, “Агенты”, “За счастьем”, “У приятеля”, “У краяна”.

3. ВЕРШЫ КРАЯНА — И. Ю. РУСЕНКО:

а) БАСНИ (по Крылову): “Собаки”, “Осел и соловій”, “Волк и ягня”, “Музыканты”, “Малпа и прозерало”, “Синица”, “Бык и жаба”, “Газда в оді”, “Птах, рыба и рак”. б) РАЗНЫ ВЕРШЫ: “Лемковина”, “Треба нам науки”, “На Лемковині”, “Учтесе-учте, руснакы”, “Треба нам школы”, “Шануйме свое”, “Петро Зяйка”, “В панской Польші”, “Пані Войцехова” и “Лемковскы приповідкы”.

4. ДРАМА: “Вертеп в Карпатах” — И. Ю. Русенко, “Шолтыс” — Ваньо Гунянка, “Петро Павлик” — Ваньо Гунянка, “Просперита” — Н. А. Цисляк, “Німецка Украина” — Ваньо Гунянка, “Дві натуры” — Ваньо Гунянка.

5. НА НАЦИОНАЛЬНЫ И ЕКОНОМИЧНЫ ТЕМЫ: “Правда о России” — Ваньо Гунянка, “За народну правду” — Ваньо Гунянка, “Два Фронты” — Д-р. С. Пыж, “Борьба за национальны права и борьба за социальну справедливость” — Д-р. С. Пыж, “Славянске братство” — Ваньо Гунянка, “О ЛЕМКАХ” — Ваньо Гунянка.

“НАША КНИЖКА” — неоціненный подарок для наших родных в краю и в колониях в России, так як она улегчит им порозуміти новый світ, який родился из народной войны против фашизма. Потому каждый свідомый карпаторусский эмигрант повинен не лем сам мати тоту перву нашу народну читанку дома, но повинен послати ей в свое родне село и в лемковскы колонии в России.

Книжка, поверх 500 страниц, оправлена в красну тверду полотняну оправку.

ЦІНА КНИЖКЫ — — — \$2.00

(Для предплатников “Карпатской Руси” \$1.50).

Проситсѣ отдѣлы Л. С., робочы сполкы и братства занятыся поширением книжки. Посылати ордеры на адрес:

LEMKO ASSOCIATION

556 Yonkers Avenue

Yonkers 4, N. Y.